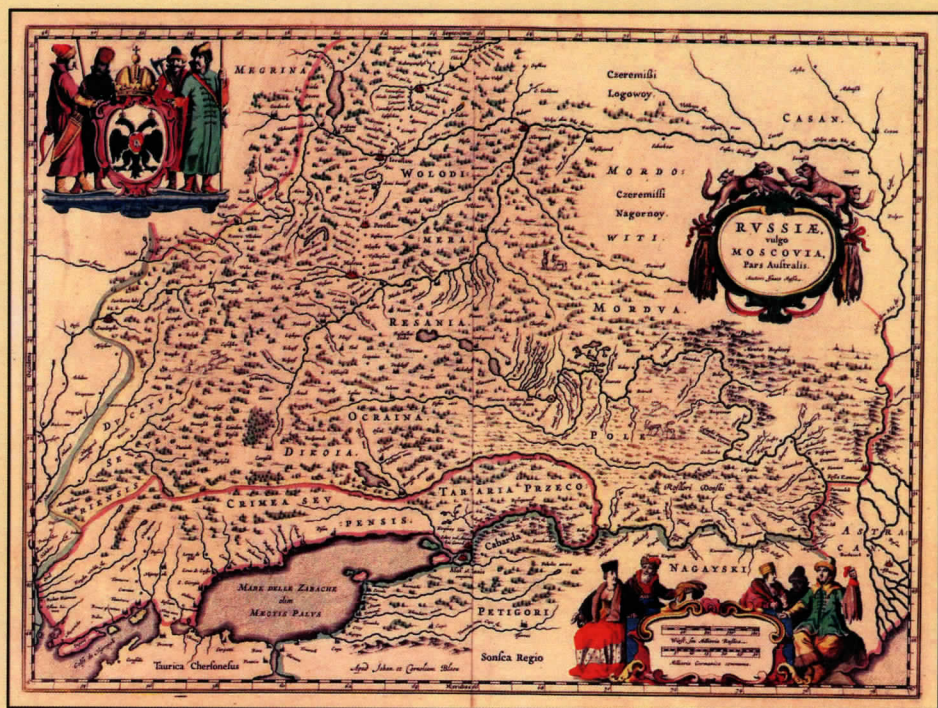

Областное государственное бюджетное учреждение
«Научно-исследовательский институт истории и культуры
Ульяновской области имени Н.М. Карамзина»

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ СТРАН И КОНТИНЕНТОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ СИМПОЗИУМА
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Ульяновск, 2015

Областное государственное бюджетное учреждение
«Научно-исследовательский институт истории и
культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина»

**ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ СТРАН
И КОНТИНЕНТОВ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Материалы симпозиума с международным участием
по исторической демографии и исторической географии
Ульяновск, июнь 2015 года*

**Territory and Population of the Countries and Continents:
History and Present**

*Historical Demography and Historical Geography:
Proceedings of a Symposium with the International Participation
Ulyanovsk, June 2015*

НИИ

рии и культуры
и Н.М. Карамзина

УЛЬЯНОВСК
2015

ББК 60.7; 63.2; 63.3; 63.4.; 63.

УДК 314.148; 913

*Материалы печатаются по решению Учёного совета ОГБУ
«Научно-исследовательского института истории и культуры
Ульяновской области имени Н.М. Карамзина»*

Редактор: доктор исторических наук С.А. Прокопенко

T-355 *Территория и население стран и континентов: история и современность. Материалы симпозиума с международным участием по исторической демографии и исторической географии. Ульяновск, июнь 2015 года / под ред. С.А. Прокопенко. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2015. – 318 с.*

Territory and Population of the Countries and Continents: History and Present. Historical Demography and Historical Geography: Proceedings of a Symposium with the International Participation. Ulyanovsk, June 2015 / ed. S. Prokopenko. – INCR of the UR, Ed. Kachalin Alexander Vasilevich, 2015. – 318 p.

В сборник включены материалы симпозиума по исторической демографии и исторической географии. В статьях проанализированы процессы движения населения и особенности его расселения в прошлом и настоящем; влияние «пространственного поворота» на проблематику исследования, категориальный аппарат и способы репрезентации пространства в современной исторической географии; этнодемографические процессы в контексте глобализации; рассмотрен опыт визуализации демографического мониторинга.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся вопросами исторической географии и демографии, современной демографии и адресовано исследователям, архивным и музейным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам. Отдельные статьи сборника могут быть использованы в рамках курсов истории России, археологии, географии, демографии, этнологии, социологии и регионоведения.

The publication includes the proceedings of the symposium on the historical demography and historical geography. Authors of articles analyzes the processes of population movement and especially its settlement in the past and present; the influence of «spatial turn» in the perspective of research, conceptual apparatus and methods for the representation of space in contemporary historical geography; ethnic and demographic processes in the context of globalization; reviewed the experience of the visualization of the demographic monitoring.

The edition intended for a wide range of the readers who are interested in questions of a historical demography and geography and aimed to researchers, archival and museum workers, teachers, graduate students and students. Some articles of the book can be use for university courses of history of Russia, archeology, demography, geography, anthropology, sociology and regional studies.

ISBN 978-5-9907710-2-4

© Коллектив авторов, 2015

© ОГБУ НИИ истории и культуры имени Н.М. Карамзина, 2015

© Издатель Качалин Александр Васильевич, 2015

Оглавление

Прокопенко С.А. ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ: ДИАЛОГ ПОД СЕНЬЮ КЛИО	11
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ, ЭТНОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ	17
Коновалова И.Г. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСЛЕ «ПРОСТРАНСТВЕН- НОГО ПОВОРОТА»: КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ИС- СЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ	18
Инкижекова М.С. ЭТНИЧНОСТЬ КАК КОНСТРУКТ	27
Овечкина Н.И. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ЭТНОСА: ЗАВИСИМОСТЬ И СЛЕДСТВИЕ	32
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ.....	45
Шумилов Е.Н. К ВОПРОСУ О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XI – НАЧАЛЕ XIII ВВ.....	46
Мифтякова Э.Ф., Фёдоров В.Н. ТИПОЛОГИЯ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ СИМБИРСКОГО УЕЗДА ПО ХАРАКТЕРУ ИХ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ.....	51
Чаплыгина О.Г. РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РАЗМЕЩЕНИИ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ	57
Кенжебаев Д.А. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВОЕННО-КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА	62
Биктимиров Н.М., Габдрахманов Н.К. ФОРМЫ РАССЕЛЕНИЯ ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕ- МЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	67

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ 75

Абрамова А.Н.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ, ОСНОВАВШЕГО МОГИЛЬНИК
ВИНОГРАДНЫЙ-7 76

Кутаков С.С.

НАСЕЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО УЕЗДА В XVI ВЕКЕ
ПО ДАННЫМ ПИСЦОВЫХ ОПИСАНИЙ 87

Полевая А.В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
КРЕСТЬЯНСКИХ И БОБЫЛЬСКИХ ДВОРОХОЗЯЙСТВ
В КАШИНСКОМ УЕЗДЕ И БЕЖЕЦКОМ ВЕРХЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. 93

Мельников Ю.Н.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
И ПОЗЕМЕЛЬНОГО УЧЁТА ПО ПИСЦОВЫМ КНИГАМ
(НА ПРИМЕРЕ ПИСЦОВОЙ КНИГИ КАРСУНСКОГО
И СИМБИРСКОГО УЕЗДОВ 1685 – 1686 ГГ.) 103

Ханхараев В.С.

ВЕРХОЛЕНСКИЕ БУРЯТЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII В.:
ОПЫТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НОВЫЕ ПОДХОДЫ) 113

Шумилов Е.Н.

КРАСНОУФИМСКИЕ ЯСАЧНЫЕ И ОБРОЧНЫЕ
ЧЕРЕМИСЫ: РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ
В XVII– НАЧАЛЕ XIX ВВ. 125

Герасимова Е.А.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРОДОВ
ТВЕРСКОГО ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ТВЕРИ И КАШИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1709 ГОДА) 133

Савинова А.И., Степанова Ю.В.

ТВЕРСКИЕ КАРЕЛЫ В XVIII–XIX ВЕКАХ: ТЕРРИТОРИЯ
И ДЕМОГРАФИЯ ПО ДАННЫМ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ
И СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ 142

Асфандиярова А.А. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В СВЯЗИ С УРБАНИЗАЦИЕЙ И ТОВАРИЗАЦИЕЙ ЭКОНОМИКИ	150
Кобзев А.В. БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ТОМЫЛОВО СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ЗА 1865–1896 ГГ.	156
Шафиров А.В. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	169
Исупов В.А. СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЫЛОВЫХ РАЙОНОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	179
Чернышева Н.В. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	192
Безносова Н.П. ОСОБЕННОСТИ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ АССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945-1959 гг.)	203
ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...	213
Григоричев К.В. ИЗМЕНЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: СУБРЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	214
Лукичева Л.Ю., Прокопенко С.А. КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СУБМОДЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В XXI ВЕКЕ	225

Спанкулова Л.С., Конырбай А.
РОЖДАЕМОСТЬ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ 237

Грицай Л.А.
ИЗУЧЕНИЕ ОРИЕНТАЦИЙ НА РОДИТЕЛЬСТВО
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В СВЕТЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИИ
НАЧАЛА XXI ВЕКА 246

Данилова Е.Н.
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ
ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ.....258

Тарасова Е.В., Еремин А.А.
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
КАК МЕХАНИЗМ МОНИТОРИНГА РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ.....267

МИГРАЦИИ 277

Аргудяева Ю.В.
ЭМИГРАЦИЯ ПРИМОРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ
В КИТАЙ, ЮЖНУЮ АМЕРИКУ И РЕЭМИГРАЦИЯ
ИХ ПОТОМКОВ В ПРИМОРЬЕ 278

Дятлов В.И.
«ЧАЙНАТАУН» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
РОЛЬ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ
И В ИХ РЕГУЛИРОВАНИИ 287

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ 297

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 316

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

CONTENT

Prokopenko S.A. MAN IN EXPANSE: DIALOGUE IN THE SHADOW OF THE CLIO	11
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF DEMOGRAPHY, ANTHROPOLOGY AND HISTORICAL GEOGRAPHY	17
Konovalova I.G. HISTORICAL GEOGRAPHY AFTER SPATIAL TURN: KEY PROBLEMS AND RESEARCH PRACTICES.....	18
Inkizhekova M.S. THE ETHNICITY AS A CONSTRUCT	27
Ovechkina N.I. POPULATION PROCESSES AND VITAL RHYTHM OF ETHNOS: DEPENDENCE AND CONSEQUENCE	32
HISTORICAL GEOGRAPHY	45
Shumilov E.N. ABOUT THE NORTHERN BORDER OF THE NOVGOROD LAND IN THE XIth – BEGINNING OF XIIIth CENTURIES	46
Miftyakova E.F., Fedorov V.N. TYPES OF SETTLEMENTS SIMBIRSKY COUNTY ACCORDING TO THEIR LOCATION	51
Chaplygina O.G. THE REGIONAL DIVISIONS IN DISTRIBUTION OF MEGALOPOLIS IN RUSSIA.....	57
Kenzhebeyev D.A. PHYSIOGRAPHIC PREREQUISITES OF IMPLEMENTATION OF MILITARY SPACE ACTIVITY WITHIN THE TERRITORY OF KAZAKHSTAN	62
Biktimirov N.M., Gabdrakhmanov N.K. FORMS TATAR SETTLEMENT IN TERRITORY OF REPUBLIC OF TATARSTAN.....	67

HISTORICAL DEMOGRAPHY 75

Abramova A.N.
PALEODEMOGRAPHIC RESEARCH OF THE POPULATION,
WHO FOUNDED THE CEMETERY VINOGRADNIY-7..... 76

Kutakov S.S.
POPULATION OF TVER COUNTY DURING XVIth CENTURY
BASED ON THE CADASTERS 87

Polevaya A.V.
DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF PEASANT
HOUSEHOLDS IN KASHIN COUNTY AND BEZHETSK
DISTRICT DURING THE FIRST HALF-YEAR OF XVIIth
CENTURY..... 93

Melnikov Y.N.
POSSIBILITIES OF THE DEMOGRAPHIC AND LAND
ACCOUNT ACCORDING TO PISTSOVY BOOKS (ON THE
EXAMPLE OF THE PISTSOVY BOOK OF KARSUNSKY AND
SIMBIRSK COUNTIES OF 1685-1686) 103

Khankharaev V.S.
VERKHOLENSK BURYATS IN THE LAST THIRD OF THE XVIIth
CENTURY: DEMOGRAPHIC STUDIES (NEW PARADIGM) 113

Shumilov E.N.
CHEREMISS-YASAK AND CHEREMISS-SERVAGE OF
KRASNOUFIMSK COUNTY:
RESETTLEMENT AND AMOUNT OF POPULATION DURING
XVIIth – THE EARLY XIXth CENTURIES 125

Gerasimova E.A.
DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE TOWNS OF
TVER REGION IN THE FIRST QUARTER OF XVIIIth CENTURY
(BASED ON THE PEREPISNYE BOOKS OF 1709) 133

Savinova A.I., Stepanova Y.V.
TVER KARELIANS IN THE XVIIIth – XIXth CENTURIES: AREA
AND DEMOGRAPHY (BASED ON THE MAPS AND THE
STATISTICAL SOURCES) 142

Asfandiyarova A.A.
 THE INFLUENCE OF THE POLITICAL POWER OF THE
 RUSSIAN EMPIRE OVER SOCIAL AND DEMOGRAPHIC
 PROCESSES DURING THE FIRST HALF OF XIXth CENTURY
 IN VIEW OF URBANIZATION AND DEVELOPMENT OF
 CAPITALISM 150

Kobzev A.V.
 MARRIAGES THE TOMILOVO-VILLAGE OF SIMBIRSK REGION
 ACCORDING TO THE PARISH REGISTERS
 FOR 1865-1896 YEARS 156

Shafirov A.V.
 POPULATION DYNAMICS OF THE PEASANTRY SIMBIRSK
 PROVINCE IN THE SECOND HALF
 OF THE XIXth CENTURY 169

Isupov V.A.
 STATISTICAL INFORMATION AS A SOURCE FOR STUDY
 MOBILIZATION RESOURCE OF REAR AREAS DURING THE
 GREAT PATRIOTIC WAR 179

Chernysheva N.V.
 POPULATION DYNAMICS AND CHANGE OF POPULATION
 STRUCTURE OF KIROV REGION DURING THE GREAT
 PATRIOTIC WAR 192

Beznosova N.P.
 SPECIAL ASPECTS OF AGE AND GENDER STRUCTURE OF
 POPULATION IN KOMI AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST
 REPUBLIC DURING THE WAR AND
 AFTER THE WAR (1945-1959) 203

**APPLIED DEMOGRAPHY / CONTEMPORARY
 DEMOGRAPHIC PROBLEMS 213**

Grigorichev K.V.
 CHANGING OF THE FERTILITY AGE MODEL IN THE IRKUTSK
 REGION: SUB-REGIONAL ANALYSES 214

НИИ
 истории и культуры
 имени Н.М. Карамзина

Lukichyova L.Yu., Prokopenko S.A.
THE CLUSTER ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC SUBMODELS
IN THE ULYANOVSK REGION IN THE XXI CENTURY 225

Spankulova L.S., Konyrbay A.
BIRTH RATE: ECONOMIC INTERESTS OF THE STATE AND
PERSONALITY 237

Gritsay L.A.
STUDY OF ORIENTATIONS TO PARENTHOOD AMONG THE
YOUTH IN KEEPING WITH DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF
RUSSIA IN THE EARLY XXith CENTURY 246

Danilova E.N.
THE EFFICIENCY OF THE INSTITUTE OF SOCIAL ENSURING
IN URBAN AND RURAL AREAS 258

Eremin A.A., Tarasova E.V.
DEMOGRAPHIC ATLAS OF THE URBAN DISTRICTS AND
MUNICIPAL AREAS OF THE ALTAI REGION AS THE
MECHANISM OF THE REGIONAL MONITORING 267

MIGRATIONS 277

Argudyaeva Y.V.
EMIGRATION OF OLD BELIEVERS FROM THE PRIMORYE TO
CHINA, SOUTH AMERICA AND REEMIGRATION OF THEIR
POSTERITY TO THE MOTHERLAND 278

Dyatlov V.I.
«CHINATOWN» IN NEW RUSSIA: IT'S ROLE IN MIGRATION
PROCESSES AND IN THEIR REGULATION.....287

ABSTRACT 297

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....316

НИИ
истории и культуры
имени Н.М. Карамзина

Прокопенко С.А.
ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ:
ДИАЛОГ ПОД СЕНЬЮ КЛИО

Первая Международная конференция по исторической демографии и исторической географии «Территория и население стран и континентов: история и современность» состоялась в мае 2011 г.¹ В данном сборнике представлены материалы второго форума, который был организован Научно-исследовательским институтом истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина в июне 2015 г. К сожалению, резко изменившиеся экономические условия сказались на формате (симпозиум) и масштабах мероприятия. Тем не менее, нам удалось реализовать основные принципы устроителей первой конференции: диалог исторической географии и исторической демографии, а также представительство основных тематических направлений демографии.

Этот сегодняшний диалог географии и демографии под сенью Клио² в чём-то символичен, поскольку у истоков советской исторической географии находился В.К. Яцунский, который в годы эвакуации с октября 1941 по октябрь 1943 г. заведовал кафедрой в Ульяновском педагогическом институте. Именно он стал тем человеком, который ещё в далёкие сороковые годы попытался расширить предмет исторической географии, включив вопросы народонаселения в ведение этой дисциплины.³ Одним из результатов такого подхода стал совместный проект в 1962 году археологов, картографов и этнографов под руководством В.К. Яцунского по созданию исторического атласа СССР.⁴

¹ Конференция прошла в мае 2011 г. в Сыктывкаре на базе Института языка, литературы и истории, а также Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

² В 1845 г. в Симбирске усилиями благодарных земляков был установлен памятник Н.М. Карамзину в стиле классицизма (проект С.И.Гальберга). Центральным элементом памятника является скульптура музы Клио – покровительницы истории.

³ Яцунский В. Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. 1941, № 5. – С. 21.

⁴ См.: Истомина Г. Виктор Корнельевич Яцунский и Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы // Актуальные проблемы

По большому счёту, предметом исторической географии является процесс освоения человеком пространства.¹ В свою очередь историческая демография позволяет в рамках этого пространства реконструировать процессы расселения, миграции, смены собственно типов и режимов воспроизводства населения, проследить возможности и способы социальной регуляции воспроизводства населения с древнейших времен до настоящего времени. Именно связка «человек – пространство» и определяет тесную взаимозависимость исторической географии и демографии. Эта содержательная и генетическая связь нашла организационное подтверждение в 1985 г., когда решением бюро Отделения истории АН СССР был образован Научный совет по исторической демографии и исторической географии успешно работающий и поныне.

Материалы симпозиума сгруппированы в пять крупных секций. В первой секции представлены теоретические исследования, представляющие междисциплинарный интерес. В отдельные блоки собраны работы собственно по исторической географии и исторической демографии. В силу практической значимости и понимания непрерывности исторического и историографического процессов в рамках симпозиума была выделена площадка для специалистов, занимающихся современными демографическими проблемами. Наконец, по сложившейся традиции, в особую секцию вошли статьи по механическому движению населения – то есть посвящённые миграциям.

Центральное место в сборнике (секция «Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии») занимает статья член-корреспондента РАН И.Г. Коноваловой (Москва) «Историческая география после «пространственного

аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кн. 1. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2009. – С. 23-30. URL: <https://sites.google.com/site/sahee1958/history/people/istomina> (дата обращения: 10.08.2015).

¹ Признавая за исторической географией широкие возможности исследования пространственных аспектов исторического процесса, не следует недооценивать изучение влияния географической среды на историю человечества в духе антропогеографии Ф. Ратцеля, а затем человеческой географии П. Видалия де ла Блаша.

поворота»: ключевая проблематика и исследовательские практики». В работе на основе анализа англоязычной литературы рассматриваются ключевые проблемы современной исторической географии, связанные с т.н. «пространственным поворотом» в гуманитарной науке. Субъективация действительности, начатая ещё исследованиями Дж.К.Райта, хороша знакома современным историкам хотя бы по феномену «истории памяти». На примере различных исследовательских практик И.Г.Коноваловой показаны контекстуальный характер производства и потребления знания, многоаспектность понятий «территория» и «граница», роль картографии как формы политического дискурса, освоение пространства через производство топонимов.

Секция «Историческая география» представлена пятью статьями, хронологически охватывающими период с XI в. по настоящее время. Написанные в традиционном ключе, они касаются в основном проблем закономерностей топологии поселений. Особый интерес представляет статья Н.М.Биктимирова и Н.К.Габдрахманова (Казань) «Формы расселения татар на территории современной Республики Татарстан», написанная в жанре этнической географии с обширными историческими экскурсами.

Самой представительной является секция «Историческая демография», включающая 14 статей. Работа А.Н. Абрамовой (Краснодар) «Палеодемографическое исследование населения, основавшего могильник Виноградный-7» посвящена анализу половозрастной смертности. Она выполнена на материалах 64 погребений VIII-X вв. в могильнике, найденном в Темрюкском районе Краснодарского края. Высокий уровень исследования, знание новейшей историографии вопроса, компаративистский подход придают весомость выводам автора. Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на существование ряда методологических неясностей, зафиксированных зарубежными специалистами в аналогичных ситуациях, которые, вероятно, заслуживают внимания!

¹ Например, гендерные диспропорции в захоронении, зафиксированные А.Н.Абрамовой, могут быть результатом ошибки из-за отсутствия таза или крайней хрупкости костяков. (Тем более, что сама автор отмечает плохую сохранность материала могильника.) Величина этой ошибки может доходить до 20%. Риск есть и в определении возраста смерти женщин из-за сложности использования маркера возраста – швов

Большой цикл статей секции так или иначе связан с писцовыми книгами и хронологически близкими к ним дозорными книгами, а также с ясачными переписями. Источниковый и конкретно-исторический анализ этих документов крайне важен для реконструкции движения населения достатистической эпохи. Отмечу исследование С.С. Кутакова (Тверь) «Население Тверского уезда в XVI веке по данным писцовых описаний» – хорошая демонстрация плодотворности сочетания географии и истории в целях определения коэффициента двора («дворности») и понимания закономерностей расселения, а также статью Ю.Н. Мельникова (Ульяновск) «Возможности демографического и поземельного учёта по писцовым книгам (на примере писцовой книги Карсунского и Симбирского уездов 1685 – 1686 гг.)», в которой выявлен феномен выборочной переписи мужского населения, а также принципы, по которым описывались поселения указанных уездов. Представляется, что подтверждение этой методики на материалах других территорий позволило бы подвести более прочный фундамент под наши оценки численности населения. Многообразие информации по разным регионам (Верхняя Волга, Среднее Поволжье, Приуралье, Бурятия) лишний раз подчёркивает значимость компаративистики и необходимость перехода к реконструкции динамики населения России путём выборки, но на базе обоснованной типологии.

К сожалению, на симпозиуме было представлено только одно исследование, выполненное на основе приходских книг. Между тем именно эти источники позволяют не только уточнить базовые демографические переменные, но и воссоздать историю семьи, а, в конечном счёте, благодаря своим методам исследования взаимных связей, реконструировать социальную реальность. В статье А.В. Кобзева (Ульяновск) «Брачные отношения жителей села Томылово Симбирской губернии по данным метрических книг за 1865–1896 гг.» проанализирована брачная стратегия жителей

черепа. В результате женщина, умершая в возрасте 40-50 лет, рискует быть атрибутированной как 25-30-летняя. См.: Histoire des populations de l'Europe. Vol. I. Des origines aux premices de la révolution démographique. 1997. – P. 71, 73.

мордовского (эрзя) села, расположенного в волости с преимущественно русским населением. Своеобразие исследовательского ракурса заключается в том, что автор не просто восстановил структуру брачного рынка («брачные круги»), а попытался выявить межэтнические брачные отношения. Учитывая то, что уровень этнической эндогенности является главным маркёром процессов метисации, пионерская методика анализа, группировки и визуализации материала может послужить моделью для аналогичных исследований в других регионах.

Обращает на себя внимание статья В.А. Исупова (Новосибирск) «Статистические сведения как источник по изучению военно-мобилизационного потенциала тыловых районов в годы Великой Отечественной войны». Ценность публикации определяется введением в научный оборот новых источников и предложением новаторских методик, что позволяет реконструировать движение населения в чрезвычайных условиях. Несмотря на уникальность аналитического доклада Новосибирского обкома ВКП(б), тщательный анализ разнообразных источников, сделанный автором, открывает перед демографами новые перспективы.

Секция «Прикладная демография и современные демографические проблемы» включает шесть статей. Выделим исследование К.В. Григоричева (Иркутск) «Изменение возрастной модели рождаемости в Иркутской области: субрегиональный анализ», а также работу Е.В. Тарасова и А.А. Ереминой (Барнаул) «Демографический атлас городских округов и муниципальных районов Алтайского края как механизм мониторинга региональной политики». Ценность первой статьи определяется детализацией (уровень муниципальных образований) региональных показателей рождаемости с целью выявления демографических субмоделей. Значимость такой постановки вопроса важна с точки зрения выстраивания на местах адекватной и эффективной демографической политики в условиях сокращения ресурсов. Опыт барнаулских коллег интересен с точки зрения организации мониторинга демографических процессов и, в частности, визуализации состояния и динамики воспроизводства населения и миграций, а

также распределения территорий в соответствии со значениями отдельных демографических показателей.

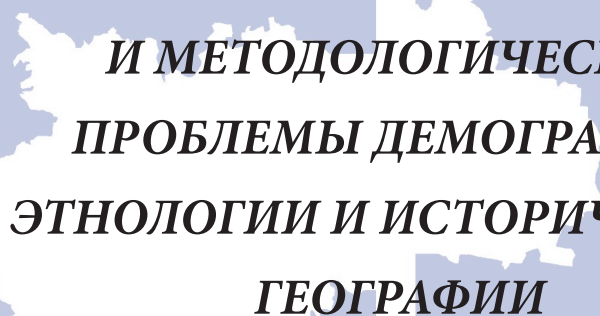
Наконец, последняя секция «Миграции» представлена статьями Ю.В. Аргудяевой (Владивосток) «Эмиграция приморских старообрядцев в Китай, Южную Америку и реэмиграция их потомков в Приморье» и В.И. Дятлова (Иркутск) ««Чайнатаун» в современной России: роль в миграционных процессах и в их регулировании». Если первая предлагает интереснейший материал в достаточно традиционной форме, то вторая отличается политологическим анализом (с элементами историографического).

Тридцать статей (и тридцать пять авторов) сборника демонстрируют богатую региональную и тематическую палитру направлений поиска в области исторической географии и исторической демографии на территории СНГ. Такое широкое представительство только подчёркивает значимость как компаративистского и междисциплинарного подходов, так и актуальность задачи координации работы формальных и неформальных специализированных научных центров. Надеюсь, последующие конференции будут способствовать реализации этой задачи.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ,
ЭТНОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ**

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (Т) 63.2

УДК 930.1

Коновалова И.Г.
**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСЛЕ
«ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВОРОТА»: КЛЮЧЕВАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ПРАКТИКИ**

Об исторической географии трудно говорить в единственном числе. Как научная дисциплина она никогда не представляла собой единого предприятия (понятия), развивавшегося на универсальной научной основе. История становления и формирования национальных школ исторической географии сама по себе могла бы стать предметом историко-географического исследования в рамках современного подхода, исходящего из утверждения о контекстуальном, и, в том числе, локальном характере производства и потребления знания. В рамках национальных школ историко-географические исследования, в свою очередь, ведутся различными академическими группами историков и географов, практикующими многообразные методологические подходы к дисциплине. Поэтому не случайно, что сегодня как среди историков, так и у географов нет общепринятого определения предмета исторической географии.

И, тем не менее, в современной практике историко-географических исследований есть общая черта. Она связана с так называемым «пространственным поворотом» (spatial turn), который произошел в социально-гуманитарном знании в 70–80-е гг. XX в. и привёл к существенному пересмотру понятийного аппарата и проблемного поля исторической географии.

Исторически эта дисциплина выросла из практики изучения и комментирования античных и средневековых текстов, служивших основным источником для реконструкций сначала античной и би-

блейской, а затем и средневековой географий европейскими учёными XIV–XVIII вв. В дальнейшем историческая география развивалась в значительной мере в контексте написания национальных историй, поскольку в эпоху модерна сложилось представление о том, что основной формой (в том числе — пространственной) организации памяти о прошлом является национальная история с характерным для неё вниманием к таким вопросам, как история политических и административных границ, история внутренней колонизации, локализация отдельных объектов и событий и т.п. Такой подход поддерживался и господствовавшей тогда ньютоновско-картезианской моделью пространства, рассматривавшегося как данность, как гомогенное вместилище, существующее независимо от его содержания, как неизменный и недвижимый пространственный «контейнер» для природных и культурных объектов, а также для событийной истории.

В результате «пространственного поворота» усилилось внимание к изучению пространственного измерения всех сфер социальной жизни, а само понятие пространства было проблематизировано. Пространство стало рассматриваться как динамическая структура, проявляющаяся через социальные практики.¹ Это, в свою очередь, привело к мультипликации пространств, ставших столь же разнообразными, как и отношения: географическое, историческое, политическое, экономическое, социальное, картографическое, когнитивное, городское, пространство «сетей» и «потоков» и т.п.

Одним из следствий «пространственного поворота» для исторической географии стало расширение её проблемного поля. Современная историческая география включает в себя вопросы, касающиеся практически всех пространственных аспектов развития человеческого общества и изучения исторических закономерностей в их пространственной форме, таких, как влияние природной среды на пространственное разнообразие исторического процесса, форми-

¹ Верлен Б. Общество, действие, пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001, Т. 1, № 2. – С. 26-47; Бедаш Ю. Пространство как проблема постметафизической философии // Топос. 2009, № 1 (21). – С. 94-113.

Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии

рование и динамика территориальных различий в жизни общества, исторические изменения окружающей среды и роль в них антропогенного фактора, политические аспекты географических границ, миграции, переселения, завоевания, наследие и идентичность, история коммуникаций и инфраструктуры, география населения и хозяйства, география знания, религии и вообще всего, чего угодно — от здоровья и туризма до подземного и космического пространств (см., например, разнообразие тем докладов на последних международных конференциях по исторической географии в Киото в 2009 г. и Праге в 2012 г.¹ и на анонсированную программу очередной конференции в Лондоне в июле 2015 г.,² а также на оглавление последнего издания книги «Ключевые понятия в исторической географии»³).

В системе современного научного знания историческая география фактически развилась в самостоятельное, имеющее междисциплинарный характер направление исследований на стыке разных наук. К историко-географическим исследованиям вполне применима метафора Д. Холдсуорта, сравнившего историческую географию с гигантским спрутом, щупальца которого протягиваются ко множеству смежных дисциплин.⁴ Можно сказать, что историческая география сегодня понимается, прежде всего, как метод, позволяющий исследовать пространственно-историческую составляющую практически любого социокультурного процесса.

Одной из важнейших черт современной историографии является проблематизация универсальной природы научного знания как тако-

¹ Proceedings of the 14th International Conference of Historical Geographers, Kyoto 2009 / Ed. by A. Kinda, T. Komeie, S. Minamide, T. Mizoguchi, K. Uesugi. – Kyoto, 2010; XV International Conference of Historical Geographers, 6-10.8.2012, Prague, Czechia. Charles University in Prague, Faculty of Science. Book of Abstracts / Ed. P. Chromý, Z. Kučera, L. Jeleček, D. Fialová. Praha, 2012.

² [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ichg2015.org/programme/online/> (дата обращения: 15.03.2015).

³ Morrissey J., Nally D., Strohmayer U., Whelan Y. Key Concepts in Historical Geography. – London, 2014.

⁴ Holdsworth D.W. Historical geography: the octopus in the garden and in the fields // Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28. No. 4. – P. 528.

вого и историко-географического знания в частности. В последнее время появилось довольно много исследований, где на разном материале от античности до наших дней рассматриваются вопросы, связанные с региональными особенностями производства и циркуляции знания, и делается вывод о том, что производство и потребление знаний всегда было обусловлено не только временем, но и местом.¹ Для современных историко-географических исследований характерна констатация наличия различных «пространств знания» (spaces of knowledge), в каждом из которых вырабатываются концепты и подходы, в содержательном плане совпадающие между собой только частично и поэтому значимые лишь в пределах определённого пространства.²

С точки зрения «географии знания» подвергаются переоценке и сами академические структуры, в частности, такие их столпы как академические географические журналы, имеющие международный статус и высокий рейтинг. В целом ряде статей обсуждается вопрос о том, что циркуляция идей в современном научном мире отнюдь не беспрепятственна и не определяется исключительно их интеллектуальной ценностью. Напротив, одни идеи рассматриваются в плотной привязке к тем местам, где они возникают, в то время как другие позиционируются как всеобщие и всепроникающие. Такая практика локализации или, наоборот, детерриториализации идей служит выстраиванию определенной иерархии в «географии академического знания» и складывается вовсе не стихийно. Как показал библиометрический анализ так называемых «международных» журналов в области географии человека, методологическую повестку дня и правила игры в пределах дисциплины формулируют, как правило, представители англо-американских университетов, олицетворяющие собой «запад-

¹ Livingstone D. Putting Science in its Place: Geographies of Scientific Knowledge. Chicago, 2003; Naylor S. Historical geographies of science: Places, contexts, cartographies // British Journal for the History of Science. 2005. Vol. 38. – P. 1-12; Raj K. Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900. – Hampshire, 2007.

² Geographies of Science / Ed. by P. Meusburger, D.N. Livingstone, H. Jöns. – Heidelberg, 2010.

Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии

ную» науку вообще, а на долю европейских ученых, не говоря уже обо всех остальных, остается формат изучения частных вопросов в жестко установленных методологических рамках.¹

Ключевые пространственные понятия и представления, которые традиционно воспринимаются как обозначения реально существующих физико-географических, историко-культурных и политико-административных объектов («регион»; «территория»; «граница» и т.п.), в последнее время подверглись существенному переосмыслению. «Регионы», «территории» и «границы» стали рассматриваться не столько как данность и готовая форма, сколько как социальные и ментальные конструкты, вызванные к жизни вполне определёнными общественными и политическими причинами и потребностями, очень часто лежащими за пределами самого региона.² Классический пример — Британская Индия, которая до прихода англичан не знала политического единства.

Привычный национально-государственный формат историко-географических исследований стал объектом острой критики, воспринимаемый как «территориальная ловушка» (territorial trap) для исследователя.³ Поэтому границы государств и регионов из отправной точки историко-географического исследования все больше становятся его целью. Этот семантический сдвиг находит отражение

¹ Gutiérrez J., López-Nieva P. Are international journals of human geography really international? // Progress in Human Geography. 2001. Vol. 25. № 1. — P. 53-69.

² Allen J., Massey D., Cochrane A. Rethinking the region. London, 1998; Бреская О. Введение в пограничную теорию // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2007. № 12. — С. 156-174; Regions: Critical Essays in Human Geography / Ed. J.N. Entrikin. Aldershot, 2008; Gottmann J. The evolution of the concept of territory // Politics: Critical Essays in Human Geography / Ed. J. Agnew, V. Mamadouh. Aldershot, 2008; Гладкий Ю.Н. Регион как научная категория: Реальный конструкт или «мусорный ящик»? // Псковский регионологический журнал. 2009. № 8. — С. 3-10; Johnson C. et al. Interventions on rethinking 'the border' in border studies // Political Geography. 2011. Vol. 30. — P. 61-69.

³ Agnew J. The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory // Review of International Political Economy. Vol. 1. № 1. — P. 53-80; Brenner N., Elden S. Henri Lefebvre on State, Space, Territory // International Political Sociology. 2009. Vol. 3. — P. 353-377.

в самих терминах: говорится не столько о «границах», сколько о «разграничении», не о «регионах», а об их «конструировании». Можно назвать уже, наверное, больше десятка монографий, где история региона или страны — Восточной Европы, Балкан, Юго-Восточной Азии, Индии, Франции, Испании, Ирландии, Японии и др. — рассматривается как его «изобретение» или «конструирование».¹

В историко-географических исследованиях все шире вводятся в оборот и новые термины для обозначения пространственных реалий с весьма специфическими, пограничными социокультурными характеристиками — например, «контактная зона» у историков, то есть место возникновения синтезных феноменов, формирующихся на базе взаимодействующих социумов.²

Проблематизация не обошла стороной и карты — один из важнейших источников для историко-географических исследований, а также очень часто конечный продукт таких штудий. Начиная с середины 80-х годов прошлого века, во многом под влиянием работ Дж.Б. Харли о картографии Раннего Нового времени,³ был подвергнут кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, единственной целью которого явля-

¹ Inden R. *Imagining India*. Cambridge, Mass., 1990; Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. — Stanford, 1994; Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York, 1997; Neumann I.B. *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*. — Minnesota, 1998; Howarth D. *The Invention of Spain: Cultural Relations between Britain and Spain, 1770-1870*. — Manchester; New York, 2007; Gerber H. *Remembering and Imagining Palestine: Identity and Nationalism from the Crusades to the Present*. — New York, 2008; Комлева Н.А. Лимитроф как геополитическая технология // Изв. Уральского государственного университета. Сер.: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3 (78). — С. 37-45; Cox K.L. *Dreaming of Dixie: How the South was Created in American Popular Culture*. — Chapel Hill, NC, 2011; Fleet Ch.J., Wilkes M., Withers Ch.W.J. *Scotland: Mapping the Nation*. — Edinburgh, 2011.

² Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X—XIV вв.): Результаты взаимодействия культур. — М., 1994; Das Meer als Kulturelle Kontaktzone: Räume, Reisende, Repräsentationen / Hg. von B. Klein, G. Mackenthun. Konstanz, 2003; Morrissey J. *Cultural geographies of the contact zone: Gaels, Galls and overlapping territories in late medieval Ireland* // *Social and Cultural Geography*. 2005. Vol. 6. No. 4. — Pp. 551-565.

³ Harley J.B. *Deconstructing the map* // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. N. 2. — Pp. 1-20.

Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии

ется максимально точное отображение поверхности земли, и, тем самым, был поставлен под сомнение взгляд на историю картографии как на поступательное движение ко все большей и большей точности карт.¹ Сейчас признано, что не существует «картографии вообще» как единого научного предприятия; есть лишь различные способы картографирования, каждый из которых является частью более широкого национального контекста, в рамках которого формируется определенный способ ментального и технологического освоения пространства.² Поэтому в современных исследованиях акцент делается не на изучении карты как продукта, а на картографировании как процессе, посредством которого знание не столько репрезентируется, сколько создается, причём создается всякий раз заново, под новую задачу. Очень показательны в этом отношении наименования ключевых тем в повестке дня на 23-й международной конференции по истории картографии (Копенгаген, 12–17 июля 2009 г.). Из 19 больших проблем, обсуждавшихся на конференции, названия 11 были сформулированы именно как «картографирование» — шла ли речь об изображении на картах того или иного участка Земли (Арктики или американских колоний), об особенностях производства карт в разные периоды времени, о специфике той или иной отрасли картографии (военной, морской, религиозной), или же о роли карт в формировании национальной идентичности. То же самое можно сказать и о формулировке тем докладов, представленных на 24-й конференции (Москва, 10–15 июля 2011 г.).³

Производство карт рассматривается в контексте общественных и государственных потребностей того или иного времени и места,

¹ Edney M.H. Cartography without “progress”: Reinterpreting the nature and historical development of mapmaking // *Cartographica*. 1993. Vol. 30 (2–3). – P. 54–68.

² Kitchin R., Dodge M. Rethinking maps // *Progress in Human Geography*. 2007. Vol. 32 (3). – P. 331–344.

³ Булатов В.Э., Коновалова И.Г., Чекин Л.С. Двадцать четвертая международная конференция по истории картографии (Москва, 10–15 июля 2011 г.) // *Историческая география*; отв. ред. И.Г. Коновалова. – М., 2012. Т. 1. – С. 488–501.

и это, конечно, принципиально изменяет отношение к интерпретации карты как таковой. За последние двадцать лет в историографии утвердилась мысль о том, что карты следует оценивать не с точки зрения их «точности», а через призму их культурно-исторической и художественной специфики. Изучение социокультурного и политического контекста, в рамках которого карты производились и использовались, привели к выводу о многофункциональности карт и, соответственно, к признанию сложного характера картографического изображения как такового. Таким образом, карта рассматривается как более или менее ангажированная концептуализация географического пространства, как культурный текст, наполненный смыслами, выходящими за рамки собственно пространственных отношений.¹ «Вторым текстом» карты стала признаваться её подспудная идеологическая составляющая, которая через заказчика карты и её пользователя оказывает влияние на смысл и назначение картографического изображения.²

В самостоятельную проблему выделилось изучение производства карт как формы политического дискурса, как одной из отраслей политики и пропаганды, как манифестации власти (военной, административной, религиозной, экономической).³ И это относится не только к картам Средних веков или Нового времени, но и к современным картам, составленным с помощью ГИС-технологий.

¹ Kivelson V. Cartographies of Tsardom. The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. – London, 2006; Wood D., Fels J. The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World. – Chicago, 2008.

² Monmonier M. How to lie with maps. – Chicago, 1996; Monmonier M. From Squaw Tit to Whorehouse Meadow: How Maps Name, Claim, and Inflamm. – Chicago, 2006.

³ Wood D., Fels J. The power of maps. – London, 1992; Biggs M. Putting the State on the Map: Cartography, Territory, and European State Formation // Comparative Studies in Society and History. 1999. Vol. 41. No. 2. Pp. 374–405; Perkins Ch. Cartography – cultures of mapping: power in practice // Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28. No. 3. Pp. 381–391; Scott J.R. Cartographic Encounters: Indigenous Peoples and the Exploration of the New World. – London, 2009; The Imperial Map: Cartography and the Mastery of Empire / Ed. by J. R. Akerman. Chicago, 2009; Barber P., Harper T. Magnificent Maps: Power, Propaganda and Art. – London, 2010; Bryan J. Maps and power // Political Geography. 2011. Vol. 30. – Pp. 236–238.

Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии

Как показывает анализ ГИС-карт, они также ценностно ориентированы и ситуативно обусловлены, как и карты Нового времени.¹

В последние три десятилетия появился ряд фундаментальных работ, посвященных теме «воображаемой географии», или «ментальным картам», т.е. субъективным представлениям человека или группы людей о части окружающего пространства. В историкогеографии, разрабатывающей концепцию «ментальной карты», предметом исследования являются дискурсивные практики по формированию различных схем географического пространства и наделению тех или иных его частей определёнными характеристиками. Хотя почти все имеющиеся в мировой науке крупные исследования ментальных карт оперируют источниками, относящимися к периоду Нового и Новейшего времени, разработанные их авторами исследовательские методики находят применение и при анализе сведений античных и средневековых памятников. Так, новейшее исследование античных и средневековых гидронимов Восточной Европы позволило представить их не как простую совокупность топонимических данных, а как органичный элемент ментальной карты, сформировавшейся на базе определенной дискурсивной практики.

Рассмотренные выше вопросы современной исторической географии, разумеется, не исчерпывают весь её проблемный репертуар. Вместе с тем они показывают, что для дальнейшего развития дисциплины одно из важнейших следствий «пространственного поворота» заключается в обогащении и пересмотре источниковедческих методик, являющихся фундаментом любого историко-географического исследования.

¹ Gregory I.N. A place in history: A guide to using GIS in historical research. – Oxford, 2002; Crampton J. The political mapping of cyberspace. – Edinburgh, 2003; Gregory I., Healey R. Historical GIS: Structuring, mapping and analysing geographies of the past // Progress in Human Geography. 2007. Vol. 31. – P. 638-653.

ББК (С) 60
УДК 316.472

Инкижекова М.С.
ЭТНИЧНОСТЬ КАК КОНСТРУКТ

Сегодня состояние культуры малочисленных этносов вызывает тревогу. Безвозвратно уходят язык, традиционные культурные промыслы, естественная природная среда, к которой исторически приспособлялся этнос. Всё вместе взятое находит отражение в психологическом состоянии этнического сообщества, проявляющемся в недостаточности мотивации на дальнейшее развитие, в ослаблении этнического самосознания. Указанные состояния подвергают угрозе существование малочисленного этноса как социокультурной общности.

Учёные отмечают, что в современном мире в результате культурной диффузии этническая идентичность начинает играть подчинённую роль по отношению к национально-культурной идентичности. Анализируя состояние культуры малочисленного этноса в контексте российской социокультурной действительности, можно отметить следующее: у малочисленного этноса, в ситуации утраты родного языка и культурных традиций, функции этномыслия и речи начинают выполнять русский язык и символическая среда российского государства. Данное обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует о невозможной утрате этносами одной из главнейших символических систем и межпоколенных вербальных средств коммуникации, восходящих корнями к самым истокам этнокультурогенеза.

Как справедливо отмечают М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский, этносы «потеряли свой язык не потому, что они действительно его «забывали», а потому, что разрушалась символическая жизнь, символические контексты жизни их языка, в которых язык

Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии

нуждался просто чтобы функционировать как язык. ...здесь налицо не гибель языка, а гибель символической жизни сознания. Языки «умерли» не под влиянием чуждой культуры и не под влиянием водки и других новинок цивилизации, а под влиянием новых средств аккумуляции, закрепления, передачи и потребления естественного языка. Так незаметно теряя язык, эти культуры незаметно теряли символизм. Потеря культурного символизма вырывала её язык из контекста вторичных образований сознания, еще не редуцированных к культурной форме. Гибель всякой данной культуры осуществляется, насколько это можно понять, всегда одним и тем же путём – путём изоляции элементов культуры, то есть когда ушёл символизм в результате изменившихся условий жизни, то язык, как изолированный элемент культуры, был тем самым уже обречён. Эти изменения сами по себе могут и не фиксироваться в жизни сознания, оставаясь в рамках естественнонаучных антропологических и этнографических данных, но именно они сказываются на судьбе символики в условиях новых («прогрессивных») режимов культурно-языковой коммуникации».¹

Обозначенные выше проблемы связаны также и с тем, что сегодня происходит резкая переориентация этнокультурного сознания на образцы «западной» культуры, что вызвано, прежде всего, процессами индустриализации, урбанизации, модернизации и глобализации. Бесспорным является тот факт, что новации, возникшие в Западной Европе и ориентированные на технический прогресс в эпоху Нового, а затем и Новейшего времени, легли в основу процессов модернизации и глобальных трансформаций.

В результате культурной диффузии «западных» ценностей демонтируется культурный код малочисленных этносов. То, что считалось в традиционной культуре главным и незабываемым, достойным и прекрасным, теперь, в условиях господства «западных» ценностей, считается устаревшим и ненужным.

¹ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М., 1999. – С. 190-191.

Именно такие непримиримые противоречия порождают кризисное состояние этнического самосознания, что, в конечном итоге, приводит к утрате ориентиров дальнейшего существования малочисленного этноса.

Несколько замечаний о семиотическом аспекте рассмотрения роли элиты в культуре этноса. Известно, что в культуре можно условно выделить ее материальный и информационно-символический пласты. Под первым подразумеваются результаты материальной деятельности людей, существующие в этнокультурном пространстве на протяжении определённого отрезка времени (например, орудия труда, средства передвижения, жилища, одежда и т. п.). Также особую разновидность этнического материального пласта культуры составляют мимика, жесты, пространственные характеристики поведения и др. Что касается информационно-символического пласта культуры, то он представляет собой социально-значимую информацию, запечатленную в этносимволах и используемую носителями данной культуры.¹

В современных условиях этническая элита стремится сохранить исторический опыт, культуру и самобытность этноса, тем самым играя главную роль по трансляции и объективации символического пласта культуры. Что касается хакасского этноса, то здесь мы сталкиваемся со следующей проблемой: следуя конструктивистской парадигме, можно согласиться с утверждением, что современный хакасский этнос есть своеобразный социокультурный конструкт – результат социального конструирования политической элиты Советского, затем Российского государства.

Известно, что в состав России территория современной Хакасии (расположенной в юго-западной части Восточной Сибири) с проживающим на ней населением вошла в начале XVIII века, после того как между Россией и Китаем был подписан так называемый «пограничный трактат» (1727 г.). После Октябрьской ре-

---

¹ Бабаков В.Б. Обыденные формы образа жизни и культуры на уровне этноса // Морфология культуры: структура и динамика. – М., 1994. – С. 349.

Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии

волюции 1917 г. была образована Хакасская автономная область в составе Красноярского края, которая в 1990 г. была переименована в Хакасскую АССР, а затем, в 1991 г. – в Хакасскую ССР. В 1992 г. Хакасская ССР вышла из состава Красноярского края, получив наименование «Республика Хакасия».

Необходимо отметить, что до середины XIX века территория современной Хакасии была местом проживания шести этнографических групп, являвшихся этническими общностями без общего эндогенного этнонима. Северо-западная часть современной Хакасии, долина рек Июс и Чулым была заселена кызыльцами («хызыл»). Низовье реки Абакан и вся левобережная долина Среднего Енисея являлись территорией проживания качинцев («хаас» или «хааш»). На правом берегу Енисея и в междуречье Абакана и Енисея проживали койбалы («хойбал»). Южная Хакасия являлась территорией проживания сагайцев («сагай») (вместе со слившимися с ними бельтырами и бирюсинцами – южными шорцами).

Согласно официальным документам, коренное население юга Енисейской губернии при образовании Хакасской автономной области принимает решение о принятии в качестве самоназвания этноним «хакасы». Вполне понятно, что данное решение было продиктовано, прежде всего, политическими целями. Определяющую роль при этом сыграли как представители новой политической власти, так представители этнических элит, вступившие в сотрудничество с новыми властями. Таким образом получается, что дальнейшее развитие субэтнических групп, включённых в структуру этноса, получившего наименование «хакасы», проходило в несколько искусственных территориальных границах, созданных советской и поддержанных затем российской государственной властью. В дальнейшем, в связи с образованием автономий (Хакасская автономная область, Хакасская АССР, Хакасская ССР, Республика Хакасия) на протяжении XX века происходила нивелировка локальных особенностей культур и языковых диалектов указанных субэтнических групп.

Перед современной элитой Республики Хакасия одной из главных задач является консолидация этноса. Связано это с тем, что в условиях социокультурного разлома обнажилась проблема этнической идентичности. Решается эта задача путем мифотворческих практик. Мифотворчество как результат интерпретации этносимволов предстаёт достаточно продуктивным механизмом в этом процессе. Посредством мифов элита стремится «возродить» этническое самосознания, «удержать» этническую идентичность. В результате мифотворческой деятельности элитой используется лишь часть знаково-символического и образного потенциала «архивных» традиционных культур субэтносов (кызылщев, каченцев, сагайцев, кой-бальцев). В результате создаются новые мифы на основе конструирования и «изобретения традиций» (Э. Хобсбаум) для поддержания этнической солидарности современного хакасского этноса.

Нельзя сбрасывать со счетов то, что процесс мифотворчества как специфический образ моделирования социокультурного пространства жизнедеятельности этноса может проявлять себя как в конструктивной, так и деструктивной формах. Действительно, этносимволы как медиаторы между сознаниями традиционным и современным способны сегодня, в процессе интерпретации их этнической элитой, выступать в роли основы этнокультурной и этнополитической идеологии по консолидации этноса. С другой стороны, современные мифы могут быть использованы отдельными представителями элиты для реализации собственных целей и интересов в процессе «мягкого» давления на пассивное большинство. Как следствие, отмечаются случаи манипуляции общественным сознанием.

Таким образом, современные трансформационные процессы диктуют необходимость более внимательного и обстоятельного рассмотрения феномена «этническая элита», её роли в консолидации этноса и сохранении культуры.

ББК (С) 60.7

УДК 314.06

Овечкина Н.И.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ЭТНОСА: ЗАВИСИМОСТЬ И СЛЕДСТВИЕ

Одним из современных широко используемых терминов является термин «глобализация». «Глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации».¹

Как указано в табл. 1, к середине 2014 года численность населения земного шара достигла 7 млрд 238 млн человек, из которых почти 6 млрд человек проживают в развивающихся странах (83% мирового населения), 1 млрд 249 млн – в развитых странах (17% населения Земли). По сравнению с 1900 годом численность населения мира в целом выросла в 4,4 раза, тогда как в развивающихся странах – в 5,6 раз, а в развитых – только в 2,3 раза.

Таблица 1.

Численность населения Земли в 1900 и 2014 гг.

Территория	1900		2014		Коэффициент роста (число раз)
	млн	тыс.	млн	тыс.	
Весь мир	1630	100	7238	100	4,4
Развитые страны	555	34	1249	17	2,3
Развивающиеся страны	1075	66	5989	83	5,6

Источник: 1900 г. – Рунова Т.Г. Демография: Учебное пособие. 3-е изд., стереотип. – М.: МГИУ, 2007. – 136 с.; 2014 г. – Приложения к Demoscope weekly: Основные демографические показатели по всем странам мира в 2014 году. – URL: http://demoscope.ru/weekly/app/world2014_1.php (дата обращения: 15.07.2015).

¹ Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность, 2005, № 1.

Если не принимать во внимание экономический аспект, то группа «развитые страны» – это страны с преимущественно белым, европеоидным, населением. И глобальная современная мировая тенденция, которую невозможно игнорировать – по существу снижение доли белого населения с 34% в 1900 г. до 17% в 2014 г.

Происходящие в настоящее время глобальные структурные сдвиги в составе населения: расовое и этническое смешение; поляризация общества, как внутрисоциальная, так и межгосударственная; замещение титульных наций нетитульными в Европе и т.д. представляют собой закономерный процесс, порождённый начавшейся в далёком прошлом демографической глобализацией.

Человеческое сообщество, являясь открытой системой, может самоорганизовываться. Это замедляет процессы её деградации и способствует процессам совершенствования. То есть все происходящие в настоящее время изменения являются результатом действия неких системных законов. Отсюда следует, что белая раса, по всей видимости, выполнив свою миссию, предназначение, вступила на путь деградации и саморазрушения. Проявляется это, в первую очередь, в нарушении всех возможных этических, божественных и т.д., и т.п. законов, принципов. Тотальное оправдание, прощение и объяснение таких явлений, как, например, эвтаназия, однополые браки, культ денег и т.п. является сигналом, что в системе произошёл сбой. Самоорганизующаяся система включает механизм самоочистки. Происходит замещение отслуживших деградировавших частей новыми слоями, способными влить «новую кровь». Система обновляется.

Так случилось на первом этапе демографической глобализации с ацтеками, майя, инками. То же происходит в настоящее время с Европой.

Можно утверждать, что титульный европейский этнос по всем признакам объективно находится в процессе «ухода с мировой сцены». Так, нарастание толерантных настроений в

Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии

обществе свидетельствует об утрате способности к сопротивлению, об утрате жизненных сил.¹

Общество, не имеющее жизненных сил, подлежит замене на более жизнеспособное. Человечество, являясь самоорганизующейся системой, включает механизмы самоочищения: катастрофическое снижение рождаемости, безвозвратный переход к простому типу воспроизводства населения.

Количественно совокупность людей полностью обновляется приблизительно за сто лет, так как за этот промежуток времени поколение людей, родившихся сто лет назад, полностью вымирает, а, следовательно, через сто лет из первоначальной совокупности не остаётся ни одной единицы. При этом структура населения существенно может даже и не меняться: ни возрастная, ни религиозная, ни семейная, ни структура по полу. Но, качественно, содержательно, в каждый момент времени это уже несколько иная общность.

Несмотря на то, что, казалось бы, тенденции развития человечества в целом достаточно ясны, и существуют научно-обоснованные прогнозные расчёты численности и структуры населения Земли, тем не менее, данная совокупность по существу не описана. Человек – существо социальное, но его жизнь зависит и от естественных законов. Значит при описании и изучении общества, необходимо учитывать не только экономические, религиозные, политические, культурные условия жизни, но и климатические, исторические, генетические, психофизиологические и т.п. особенности реально существующей популяции людей. Например, в Европе встречается несовместимость резус-фактора матери и ребёнка, в Азии такого нет. Предполагается, что это следствие древних демографических процессов, нарушивших естественный ход и направление генетического развития населения Европы. Известно, что разные группы населения по-разному восприимчивы к болезням. Здесь в силу вступает фактор естественного отбора в

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Кристалл, 2001.

эволюции человека. Все процессы, происходящие среди населения, обусловлены не только временем, но и местом. Причём, одни и те же процессы, происходящие на разных территориях, могут иметь как разные причины, так и разные последствия.

Из таблицы 2 видно, что более 60% населения Земли проживает в Азии, почти 16% – в Африке, чуть более 13% – в Америке. Распределение популяции людей по земной поверхности зависит от множества факторов, в том числе от истории развития конкретной территории, т.е. части поверхности Земли, которая обладает собственным ритмом развития и представляет собой единое целое.

Таблица 2.

Распределение населения по территории Земного шара по состоянию на 01.07.2014 г.

Территория	Численность населения на 01.07.2014 г.	
	Млн. чел.	%
Весь мир	7238	100
Африка	1136	15,7
Америка	972	13,4
Азия	4351	60,1
Европа	741	10,2
Австралия и Океания	38	0,6

Источник: *Приложения к Demoscope weekly: Основные демографические показатели по всем странам мира в 2014 году.* – URL: http://demoscope.ru/weekly/app/world2014_1.php (дата обращения: 15.07.2015).

Помимо деления по континентам и частям света, все страны мира географически разделяются на 19 территорий, имеющих единые природно-климатические условия жизнедеятельности населения. В Табл.3 приведены данные по основным демографическим и экономическим показателям в разрезе указанных территорий.

Таблица 3.

Основные демографические и экономические показатели по территориям Земли за 2013 г.

Территория	Показатель									
	Численность населения на середину 2014 г. (млн чел.)	Коэфф-т рождаемости (в ‰)	Коэфф-т смертности (в ‰)	Коэфф-т миграционного прироста (в ‰)	Коэфф-т младенческой смертности на 1000 живорождений)	Коэфф-т суммарной рождаемости (среднее число детей на одну женщину)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет), мужчины	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет), женщины	Плотность населения (чел. на кв. км)	Валовой национальный доход на душу населения с учетом ППС в 2013 г., (\$)
Северная Африка	217	28	7	-2	33	3,4	68	71	28	9600
Западная Африка	339	39	12	-1	66	5,4	54	55	55	3930
Восточная Африка	378	36	9	0	57	4,9	59	62	54	1570
Центральная Африка	142	45	15	0	97	6,1	50	53	21	2540
Южная Африка	61	21	11	3	44	2,4	57	60	23	11840
Северная Америка	353	12	8	3	5	1,8	77	81	16	52810
Центральная Америка	165	21	6	-2	16	2,4	71	77	67	13880
Карибский Район	43	18	8	-4	33	2,3	70	75	182	11740
Южная Америка	410	17	6	0	18	2,1	72	78	23	12620
Западная Азия	255	22	5	2	25	2,9	71	76	53	22920

Территория	Показатель									
	Численность населения на середину 2014 г. (млнчел.)	Кэфф-т рождаемости (в ‰)	Кэфф-т смертности (в ‰)	Кэфф-т миграционного прироста (в ‰)	К-т младенческой смертности на 1000 живорождений)	К-т суммарной рождаемости (среднее число детей на одну женщину)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет), мужчины	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет), женщины	Плотность населения (чел. на кв. км)	Валовой национальный доход на душу населения с учетом ППС в 2013 г., (\$)
Центральная Азия	67	24	6	-1	41	2,7	65	72	17	9300
Южная Азия	1806	22	7	-1	47	2,5	65	68	266	5460
Юго-Восточная Азия	621	19	7	0	28	2,4	68	73	138	9130
Восточная Азия	1601	12	7	0	14	1,5	75	78	136	14440
Северная Европа	102	12	9	2	3	1,8	78	83	56	37860
Западная Европа	190	10	10	3	3	1,7	78	84	172	42220
Восточная Европа	294	12	13	1	8	1,5	68	77	16	19930
Южная Европа	154	9	10	-1	4	1,3	78	83	117	28960
Австралия И Океания	39	18	7	6	21	2,4	75	79	5	30100

Источник: Приложения к Demoscope weekly: Основные демографические показатели по всем странам мира в 2014 году. – URL: http://demoscope.ru/weekly/app/world2014_1.php (дата обращения: 15.07.2015)

Как видно из данных таблицы, интенсивность демографических процессов достаточно сильно различается в зависимости

Теоретические и методологические проблемы демографии, этнологии и исторической географии

от географической территории проживания населения. Можно заметить наличие двух демографических центров:

1. Центральная Африка: самые высокие уровни рождаемости, смертности, младенческой смертности, воспроизводства населения сочетаются с самой низкой ожидаемой продолжительностью жизни у мужчин и у женщин.

2. Южная Европа: самый низкий уровень рождаемости и воспроизводства населения сочетаются с самой высокой ожидаемой продолжительностью жизни у мужчин (наравне со странами Западной Европы).

Уровень экономического развития территорий представлен показателем валового национального дохода (ВНД) на душу населения с учётом паритета покупательной способности валют (доллары США – \$). В 2013 году минимальный уровень экономического развития зафиксирован в Восточной Африке (1540 \$), максимальный – в Северной Америке (52 810 \$).

Что касается физических параметров размещения населения, то минимальная плотность населения в Австралии и Океании (5 человек на км²), максимальная – в Южной Азии (266 человек на км²).

Для оценки возможной взаимосвязи между рассматриваемыми показателями были рассчитаны парные коэффициенты корреляции.

Как показывают результаты расчётов, в целом в мире уровень численности и плотности населения, смертность и интенсивность миграционных процессов не обнаруживают сильной зависимости ни между собой, ни с одной из остальных рассматриваемых переменных. Рождаемость демонстрирует сильную прямую зависимость от младенческой смертности (0,94) и сильную обратную зависимость от ожидаемой продолжительностью жизни как мужчин (-0,89), так и женщин (-0,90). То есть, чем меньше на данной территории продолжительность жизни людей, тем на ней выше уровень рождаемости. Уровень ВНД на душу населения достаточно сильно влияет на уровни рождаемости (-0,70), младенческой смертности (-0,74) и ожидаемую про-

должительность жизни мужчин (0,76), женщин (0,74). Между общим коэффициентом рождаемости и коэффициентом суммарной рождаемости очень сильная зависимость (0,98), что вполне объяснимо. Вопреки ожиданиям, доход на душу населения не оказывает сильного влияния на уровень воспроизводства населения территории. И последнее, на что следует обратить внимание – на сильную обратную зависимость между ожидаемой продолжительностью жизни населения территории и уровнем воспроизводства этого населения.

Аналогичные расчёты проведены для каждой из 19 территорий Земли. Предположим, что природно-климатические условия проживания людей, их расовые и культурные особенности должны вызвать некоторые отличия и во взаимосвязях показателей. Вначале сравним результаты расчётов по двум выявленным демографическим центрам: Центральной Африке и Южной Европе.

В Центральной Африке проживает 142 миллиона человек. Это одна из наиболее бедных территорий мира, где средний доход на душу населения составляет 2540 \$ с учётом паритета покупательной способности валют. Уровень ВНД на душу населения колеблется в пределах от 600 \$ в ЦАР до 23 240 \$ в Экваториальной Гвинее. Страны Центральной Африки по национальному составу относятся к четвёртому типу: с довольно сложным, но этнически однородным составом. Во всех странах присутствует расширенное воспроизводство населения с очень высоким уровнем рождаемости и младенческой смертности, высоким уровнем смертности и достаточной низкой продолжительностью жизни у мужчин и женщин.

Как можно заметить по Табл.4, достаточно большой процент населения в странах Центральной Африки – приверженцы местных традиционных верований.

Таблица 4.
Религиозный состав населения стран Центральной Африки, начало XXI в.

Страна	Состав населения по вероисповеданию
Ангола	Приверженцы местных традиционных верований – 47%, католики – 38%, протестанты – 15%
Камерун	Приверженцы местных традиционных верований – 40%, христиане – 40%, мусульмане – 20%
Центрально-Африканская республика	Приверженцы местных традиционных верований – 35%, католики – 25%, протестанты – 25%, мусульмане – 15% (христиане испытывают сильное влияние местных традиционных верований)
Чад	Мусульмане – 51%, христиане – 35%, приверженцы местных традиционных верований – 7%, прочие – 7%
Конго	Христиане – 50%, приверженцы местных традиционных верований – 48%, мусульмане – 2%
Конго (Демократическая республика)	Католики – 50%, протестанты – 20%, мусульмане – 10%, прочие синкретические секты и приверженцы местных традиционных верований – 20%
Экваториальная Гвинея	Номинально христиане, но многие остаются приверженцами местных традиционных верований
Габон	Христиане 55-75%, мусульмане – менее 1%, остальное население – приверженцы местных традиционных верований
Сан-Томе и Принсипи	Христиане – 80%

Источник: Газета «География», 2003, № 3-4. – URL:<http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300307> (дата обращения: 15.07.2015).

В отличие от выявленных общемировых взаимосвязей между процессами, в странах Центральной Африки наблюдается очень сильная зависимость между смертностью и воспроизводством населения, при этом, чем больше смертность, тем выше рождаемость; между смертностью и ожидаемой продолжительностью жизни, между смертностью и младенческой смертностью, при очень высоком уровне именно младенческой смертности. Кроме того, в отличие от общемировых взаимосвязей, уровень ВНД на душу населения в данном регионе оказывает сильное влияние только на интенсивность миграционных процессов.

В странах Южной Европы проживает 154 млн человек. Во всех странах суженное воспроизводство населения с достаточно низким уровнем рождаемости и высокой ожидаемой продолжительностью жизни женщин. Самая низкая величина ВНД на душу населения в Косово (8940 \$), самая высокая – в Италии (34 100 \$). Этнически страны Южной Европы преимущественно однопациональные, то есть относятся к первому типу государств. Как видно по сводной Табл.5, подавляющее большинство населения Южной Европы исповедует христианство.

Таблица 5.

**Религиозный состав населения стран Южной Европы,
начало XXI в. (реконструкция)**

Страна	Состав населения по вероисповеданию
Албания	Мусульмане – 70%, православные – 20%, католики – 10%
Андорра	Католики – 100%
Босния и Герцеговина	Мусульмане – 40%, православные – 31%, католики – 15%, протестанты – 4%, прочие – 10%
Хорватия	Католики – 77%, православные – 11%, мусульмане – 1%, прочие – 11%
Греция	Православные – 98%, мусульмане – 1%, прочие – 1%

Продолжение таблицы 5.

Страна	Состав населения по вероисповеданию
Италия	Главным образом католики
Косово	Преимущественно - мусульмане
Македония	Православные – 67%, мусульмане – 30%, прочие – 3%
Мальта	Католики – 91%
Черногория	Православные – 74%, мусульмане – 18%, католики – 4%
Португалия	Католики – 94%
Сан-Марино	Католики – 100%
Сербия	Православные – 85%, католики – 6%, мусульмане – 3%, протестанты – 1%
Словения	Католики – 71%, протестанты-лютеране – 1%, мусульмане – 1%, атеисты – 4%, прочие – 23%
Испания	Католики – 94%

Основные особенности демографических процессов в Южной Европе следующие: не выявлена тесная зависимость рождаемости населения и уровня ВНД на душу населения; ожидаемая продолжительность жизни у мужчин и женщин не оказывает сильного влияния на младенческую смертность; интенсивность миграционных процессов тесно связана с уровнем плотности населения.

По всем рассмотренным регионам Земли обнаружена тесная прямая зависимость между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин и ожидаемой продолжительностью жизни женщин. Кроме того, по 17 регионам из рассмотренных 18 (кроме Восточной Европы) существует тесная прямая зависимость между интенсивностью рождаемости населения и коэффициентом суммарной рождаемости, и процессом воспроизводства населения в целом. Парный коэффициент корреляции между данными показателями, рассчитанный по странам Восточной Европы, показал наличие умеренной связи.

В большинстве регионов Земли: Центральная, Северная и Восточная Африка, Центральная Америка, Карибский район, Южная Америка, Западная, Южная, Юго-Восточная, Восточная Азия, Южная Европа, Австралия и Океания (в 12 из 18) существует сильная прямая зависимость между уровнями рождаемости и младенческой смертности. Причём более вероятно то, что именно младенческая смертность оказывает влияние на рождаемость, а не наоборот: чем больше интенсивность смертей среди младенцев, тем выше уровень рождаемости на данной территории из-за естественного сокращения интервалов между рожденьями детей. В тех же самых 12 регионах существует сильная обратная зависимость между рождаемостью и ожидаемой продолжительностью жизни женщин: чем выше уровень рождаемости населения, тем меньше продолжительность жизни женщин. В 11 из указанных регионов (кроме Австралии и Океании) очень сильная прямая зависимость между младенческой смертностью и коэффициентом суммарной рождаемости. Вместе с тем, в 6 регионах: Западной и Южной Африке, Центральной Азии, Северной, Западной и Восточной Европе, таких зависимостей не выявлено.

Выше было отмечено наличие тесной зависимости между ожидаемой продолжительностью жизни у мужчин и женщин. Несмотря на это, ожидаемая продолжительность жизни мужчин, в отличие от ожидаемой продолжительности жизни женщин, не оказывает заметного влияния на рождаемость в Центральной и Южной Америке и в Западной Азии, но достаточно сильно влияет на рождаемость в странах Восточной Европы.

Достаточно интересные результаты показала оценка степени связи между демографическими показателями и уровнем ВНД на душу населения с учётом паритета покупательной способности валют. Вопреки устоявшемуся мнению о тесной обратной зависимости между доходами населения и рождаемостью (чем выше уровень доходов, тем ниже уровень рождаемости), размер ВНД на душу населения сильно влияет на уровень рождаемости толь-

ко в странах Восточной и Южной Африки, Южной Америки и Австралии и Океании, при этом Восточная Африка является регионом с самым бедным населением, а Австралия относится к группе регионов с наиболее высоким уровнем доходов населения. Вероятно, рассматриваемый показатель (ВНД на душу населения) влияет на рождаемость и воспроизводство опосредовано через показатель ожидаемой продолжительности жизни.

В шести регионах мира: Центральной и Южной Африке, Юго-Восточной и Восточной Азии, Северной и Западной Европе уровень ВНД на душу населения напрямую влияет на размер миграционного прироста, при этом только Западная Европа относится к регионам с высоким уровнем доходов населения.

Рассмотренный подход к описанию типологии расселения человечества является первым шагом к созданию типологии населения Земли по стадиям жизненного цикла этноса. Проведённый анализ позволил увидеть, что нет чёткого разграничения регионов на этногеографические зоны с точки зрения характера демографических процессов. При исследовании человеческих популяций важно учитывать генетические аспекты рождаемости, смертности, воспроизводства, миграции и расселения. Процесс замены поколений зависит от соотношения полов, разной репродуктивной активности населения, детской смертности. На данный процесс помимо прочего влияют также традиции, религии, законы.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (Т) 63.2

УДК 314.995

Шумилов Е.Н.

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XI – НАЧАЛЕ XIII ВВ.

На исторических картах северную границу Новгородской земли в XI–XII вв. изображают по-разному. Но, как правило, она доходит до Северного Ледовитого океана и включает в себя земли карелов (корелы) и чуди заволоцкой.¹ Однако исследователи исторической географии Новгородской земли избегают детально рассматривать её северную границу, прекрасно понимая сложность темы. Не затронул данный вопрос в своем историко-географическом исследовании Руси и А.Н. Насонов.² В связи с этим В.В. Седов был вынужден констатировать: «Северную границу Новгородской земли XII–XIII вв. А.Н.Насонов не проводит, что вполне объяснимо – словене ильменские в первые столетия II тыс. н. э. активно колонизовали области води, ижоры, веси, карелы и лопи и достигли Студеного моря».³ То есть, по мнению В.В.Седова, пределы северных рубежей Новгорода установить трудно, поскольку они были подвижными и постоянно менялись.

С этой точкой зрения трудно согласиться и вот почему. К северу от Новгорода находилось Южное Приладожье, известное в Скандинавии как Гардар. Ярослав Мудрый передал его земли шведам как плату за невесту – дочь шведского короля – вместе с проживавшим здесь населением – колбягами и чудью (предками вепсов). Около 1020 г. в Южном Приладожье появилось особое шведское владение – Ладожское ярлство,⁴ ставшее плацдармом для походов

¹ См.: Русь в XI в. (1015–1113 гг.). – URL: [http:// ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org) (дата обращения: 01.12.2014 г.).

² Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 114–117.

³ Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 235.

⁴ Снорри Стурлусон. Круг земной. – М.: Наука, 1980. – С. 234–235.

скандинавов за пушниной. В поисках «мягкого золота» шведы вместе с колбягами и чудью совершали длительные грабительско-торговые экспедиции на восток, вплоть до Уральского хребта.¹

Их пути пролегали по Заволочью – земле к востоку от Приладожья, населенной чудью заволочкой, обложение данью которой являлось прерогативой ярлства. В районе Белого озера интересы скандинавов сталкивались с интересами Ростова. На пограничной территории с 1040-х гг. существовал Кемский погранично-таможенный пункт.²

Еще одним северным соседом Новгорода были карелы. Но в списке народов, плативших дань Руси к началу XII в., их нет.³ В бытность ярлства у карелов сложились со шведами особые отношения. До начала XII в. и те, и другие мирно уживались, ведя экспансию на финские земли: шведы – с запада, карелы – с востока. В частности, в 1050-е гг. карелы активно осваивали земли финского племени хямя (в русском варианте ямь, емь). В результате экспансии появилась область Саво со смешанным населением, при этом карельский элемент доминировал.⁴

Примечательно, что в списке народов-данников Руси значится ямь.⁵ В научных кругах принято считать, что это финское племя хямя. Однако для того, чтобы принудить хямя платить дань, новгородцам надо было сначала покорить карелов, проживавших на Карельском перешейке, затем подчинить себе область Саво, и только потом выйти на земли собственно хямя. В письменных источниках нет никаких свидетельств на этот счёт. Более того, летописец, сообщая о походе в 1226 – 1227 гг. новгородского князя Ярослава Всеволодовича на ямь (хямя), особо подчёркивает, что это был первый поход сюда русских князей – «где ни один князь

¹ См.: Шумилов Е.Н. Гардар и Русь: история взаимоотношений // Тезисы IX Всероссийской научной конференции «Чтения памяти профессора В.Ф. Семенова» («Семеновские чтения»). – М., 2015. – С. 50-53.

² Макаров Н.А., Беляков А.С. Кемский некрополь в Северном Белозерье // Краткие сообщения института археологии АН СССР. – М., 1989. Вып. 198. – С. 82.

³ Повесть временных лет (ПВЛ) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 69.

⁴ Сакса А.И. Древняя Карелия во второй половине I – первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. – СПб., 2006. Гл. 7.

⁵ ПВЛ. – С. 69.

русский не возможе бывати».¹ А это означает, что новгородцы ранее не совершали походов на землю ями.

Не входили в состав Новгородской земли даже её ближайшие соседи – водь и ижора. Как правильно отметил А. В. Куза, «до XIII в. земли води, ижоры и корелы в основную территорию Новгорода не включались, и эти племена действовали как вассалы Новгородской республики».² Здесь надо лишь сделать одну оговорку: у карелов с Новгородом в XII в. были, скорее всего, не вассальные, а союзнические отношения.

Летописи не содержат никаких сведений о времени присоединения к Новгороду северных территорий. Но это событие можно восстановить по отдельным деталям. Все князья, бывшие в Новгороде после Ярослава Мудрого, испытывали дискомфорт в связи с тем, что доходы от реализации пушнины ярлством оседали в Швеции и Ладожском ярлстве, а не в Новгороде. Первым, кто попытался ограничить независимость ярлства, был князь Глеб Святославич.³ Ему удалось подчинить себе Заволочье, ставшее позднее местом его гибели, и ликвидировать в 1070-х гг. Кемский погранично-таможенный пункт.⁴ О том, что данный процесс протекал отнюдь не мирным путём, говорятклады 1070-х гг.⁵ Тогда же в Новгороде появились запорные пломбы с тамгой Глеба для мешков с пушшиной,⁶ а это означает, что дань из Заволочья стала поступать в казну самому князю.

Начинание Глеба продолжил Мстислав Великий. В 1090-х гг. в Южном Приладожье вновь наблюдается массовое сокрытие кладов и именно там, где сосредоточена основная часть сканди-

¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – М., 1962. Т. 1. – С. 93.

² Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. – М.: Наука, 1975. – С. 184.

³ ПВЛ. – С. 237.

⁴ Макаров Н.А., Беляков А.С. Указ. соч. – С. 82.

⁵ Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 9. Вып. 3. – Л., 1967. – С. 94–123.

⁶ Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982. – С. 140.

навских захоронений.¹ И дань вновь пошла в казну князя: в Новгороде обнаружено пять запорных пломб, помеченных тамгой Мстислава.² Пытаясь удержать за собой ярлство, шведский король Инги выдал за Мстислава свою дочь.³ Но Мстислав довёл начатое дело до конца и в 1105 г. взял Ладогу.⁴

Когда шведы были изгнаны, Ладожская земля обрела особый статус, и решающую роль в ней стали играть колбяги, известные в Скандинавии как кюльфинги. В XII в. «Ладожскую автономию» именовали там как «земля кюльфингов, которую мы называем царством Гарды».⁵ А новгородский князь получил право брать дань с тех территорий, которые сам подчинил силой, в частности, с Заволочья. Со временем это стало традицией: князья получали права и доходы лишь там, где и их предки.⁶

С начала XII в. новгородцы вместе с колбягами могли ходить в походы на территории, контролируемые и эксплуатируемые ранее шведами. Когда в Новгороде и Ладоге побывал летописец, ладожане поведали ему о том, что «мужи старии ходили за Югру и за Самоядь».⁷ Речь шла о ладожанах, которые в бытность ярлства совершали походы за пушниной к Северному Уралу. Однако новгородцы тогда вряд ли могли снаряжать дружины. В связи с этим приходится по-иному взглянуть на время отправки дружины новгородцем Гюрятой Роговичем. Обычно данное событие историки датируют 1092 г. на том основании, что оно помещено летописцем в статье за 1096 г.⁸ Однако летописец говорит не о походе на Югру, осуществлённом четыре года назад, а о том, что он общался с Гюрятой четыре года назад. Если исходить из того, что «Повесть временных лет» в последний раз редактировалась в 1118 г., то эта встреча относится к 1114 г. Поход же на

¹ Потин В.М. Указ. соч. – С. 94-123.

² Янин В.Л. Указ. соч. – С. 140.

³ Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX – XIV вв. – М.: Наука, 1978. – С. 73.

⁴ Славяне и скандинавы. – М.: Прогресс, 1986. – С. 196.

⁵ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Наука, 1986. – С. 209-210.

⁶ Куза А.В. Указ. соч. – С. 162.

⁷ ПВЛ. – С. 308.

⁸ ПВЛ. – С. 265.

Югру новгородская дружина могла совершить только после перехода территории Ладожского ярлства под юрисдикцию Новгорода. Не случайно летописи не содержат никаких сведений о походах в бытность ярлства, за исключением события 1032 г.¹

После ликвидации ярлства карелы попали под влияние Новгорода, что привело к изменениям в их отношениях со шведами. Теперь они превратились в заклятых врагов. Начиная с 1143 г., между ними наблюдаются постоянные вооруженные столкновения.²

Второй этап подчинения Новгородом вожан, ижорцев, карелов, ладожан, относящийся к 1220-м гг., также не зафиксирован в летописях. Но в качестве такой датировки можно принять появление на их землях новгородских гарнизонов, в частности, в Копорье и Кореле.³ Ещё одна акция Новгорода – принудительное крещение в 1227 г. южных карелов.⁴ При этом северные карелы остались язычниками. Кроме того, новгородская берестяная грамота № 222, датированная 1220-ми гг., сообщает о бегстве колбягов.⁵ Возможно, именно появлением беглых колбягов объясняется активность северных карелов в отношении к кванам, шведам и норвежцам, отмеченная в XIII–XIV вв..⁶ Новые территории были включены в состав собственно новгородских владений на правах Водской и Обонежской пятин. Даже псковичи в 1228 г. боялись, что их постигнет та же судьба.⁷

После присоединения новых земель северная граница Новгородской земли продвинулась далеко на север. К Белому морю она дошла к 1240-м гг. после изгнания отсюда норвежцев.⁸

¹ Тапищев В.Н. История Российская. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т.2. – С. 77.

² Шаскольский И.П. Карелия в Новгородское время // История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. – Петрозаводск, 1952. – С. 40-99.

³ Куза А.В. Указ. соч. – С. 185.

⁴ Лаврентьевская летопись. – С. 449.

⁵ Безус Н.Б. Судебные исполнители в Новгороде XI–XV вв. (по материалам берестяных грамот) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. – Новгород, 1998. – С. 171-172.

⁶ Шаскольский И.П. Указ. соч. – С. 40-99.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 65-66.

⁸ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII вв.). – М.: Наука, Ладомир, 2000. – С. 204..

ББК (Т) 63.2

УДК 911.7

Мифтякова Э.Ф., Фёдоров В.Н.
ТИПОЛОГИЯ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ
СИМБИРСКОГО УЕЗДА ПО ХАРАКТЕРУ ИХ
МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ

Симбирский уезд – административно-территориальная единица Симбирской губернии, существовавшая в 1780-1928 гг. Площадь уезда составляла в 1897 г. 6038,9 вёрст (6872 км²), в 1926 г. – 10 172 км². Первое время после появления города Симбирска, к его уезду была причислена значительная территория, гораздо бóльшая, чем во второй половине XIX столетия. Тогда в пределы Симбирского уезда входили: почти вся северная половина нынешнего Симбирского, южная часть Буинского, восточная окраина Карсунского уездов и обширное пространство земли за рекой Волгой, в пределах нынешнего Ставропольского уезда (например, село Чердаклы) хотя, с другой стороны, некоторые селения, впоследствии относившиеся к территории Симбирского уезда (например, село Ундоры, деревня Сюндюково и др.), числились тогда в Казанском и Свияжском уездах.

По «Топографическому описанию Симбирского наместничества» Масленицкого, в 1783 г. «Симбирский уезд простирался в длину на 70 вёрст, а в ширину – на примерно 55 вёрст и заключал в себе 326 238 десятин земли с населением в 50 747 человек (мужчин 25 002 и 25 745 женщин). В нём располагалось 121 селение, из коих было: 1 пригород, 7 слобод, 29 сёл и 84 деревни».¹

На 1860 г. Симбирский уезд состоял из двух станов (стан – административно-территориальная единица).² Всего в уезде насчитывалось 201 населённый пункт. В одном стане был 101 населённый пункт: из них 61 – при реках, речках, речушках, 27 – при колодцах,

¹ Мартынов П. Селения Симбирского уезда. – Симбирск: Изд-во Симбирская губернская УАК, 1903. – С. 7.

² Симбирская губерния: по сведениям 1859 года; ред. А. Артемьев. – СПб., 1863. – XXXVIII, 99 с.

Историческая география

6 – при ключах, 6 – при родниках и лишь один – при озере (название его неизвестно). По второму стану всего было 99 населённых пунктов: 67 – у реки, 6 – у ключа, 14 – при колодце и 12 – у родника.

По данным переписи 1897 г. в уезде проживало 225873 человек. В том числе русские – 77,1%, татары – 9,8%, чувашаи – 7,4%, мордва – 4,9%. В городе Симбирске проживало 41 684 человек.¹

По характеру пространственной структуры выделяют два типа поселения групповые (линейные, площадные) и одиночные (хутора и выселки).

По историко-географическому и социально-экономическому положению в границах Симбирского уезда следует выделить следующие типы поселений:

1. Автохтонные селения, которые включают в себя первичные (материнские) и вторичные (выселки, хутора).

По данным П. Мартынова, в пределах Симбирского уезда существовали инородческие селения: мордовские деревни (Кадышево, Безсоновка, Вожжи и Семенкова, сейчас это села Безсоново и Вышка, а также деревни Кадышевка и Вожжи); чувашские деревни Тимерсяны, сейчас сёла Верхние, Средние Тимерсяны и деревня Нижние Тимерсяны; Маклауша, сейчас деревня Старые Маклауши и Алгаши, сейчас село Старые Алгаши, и татарские деревни (например, Тарханы, в настоящее время это деревни Большие и Малые Тарханы).²

2. Поселения, расположенные вдоль оборонительных линий (Симбирско-Карсунская засечная черта).

Для устройства Симбирской черты и заселения укрепленных мест на этой территории правительство направляло сюда служилых и ратных людей, прежде всего из ближайших к черте поселений, а затем и из более далёких пунктов. Эти «переведенцы» были поселены отдельными слободами в окрестностях города Симбирска (Мостовая, Сельдинская и Карлинская слободы) и по северной стороне Симбирской черты (Арская, Тетюшская, Уржумская, Подлесная, Теньковская, Холмогорская и другие слобо-

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб.: Изд-во Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). 1890-1907. Т. 58. – С. 898-905.

² Мартынов П. Указ. соч. – С. 7.

ды), причём название слобод указывало, в большинстве случаев, на тот город, из которого пришли «переведенцы». Каждый из таких «переведенцев» зачислялся в служилый список по городу Симбирску и за службу, которую должен был нести, получал, в виде вознаграждения, определённое количество четвертной пахотной земли около своей слободы.¹

3. Поселения на землях помещичьих/дворянских (усадьбы).

Помещичьи земли получали в новом Симбирском уезде «поместные» все боярские дети, прикомандированные к окольному Богдану Матвеевичу Хитрову в качестве «товарищей», при постройке г. Симбирска. Тем самым было положено начало частному землевладению в нашем крае. Каждому из них дано было «Великого Государя жалованье, в его поместный оклад», после чего его записывали в «Симбирскую десятину, в служилый список» по городу Симбирску, и тогда сам он получал название – «симбиренин». Пример иного рода: «В 1680 году симбиренину иноземцу Семёну Александрову Скугаревскому пожалована «порозжая» земля в Симбирском уезде, за валом, по обе стороны речки Ташлы».²

Такой симбиренин обыкновенно сам отыскивал себе «порозжую» землю, «облюбовав» «дикое поле». Это обстоятельство серьёзно способствовало развитию в нашем крае частного землевладения, превратив впоследствии Симбирскую губернию в «дворянское гнездо».

Большинство боярских детей, ставши симбирянами, перевозили своих крестьян из принадлежавших им же других поместий внутренней России на вновь пожалованные земли в Симбирском уезде и постепенно заселяли край.

Таким способом образовались очень многие селения Симбирского уезда, получившие названия по фамилии их основателей-владельцев.

Эти поместья располагались поблизости от воды – преимущественно по рекам и речкам, родникам и колодцам. Например, по тракту из Буинска в Карсун располагались семь населённых

¹ Маргынов П. Указ. соч. – С. 7.

² Там же.

пунктов. Из них три при реках Цильне и Маклаушка, три при колодце и одно при роднике.¹

4. Поселения «вольных хлебопашеств» и промысловиков.

После разгрома войск Стеньки Разина под Симбирском, с ходатайствами об отказе (наделении) поместной земли стали обращаться не только боярские дети, но и посадские люди, крестьяне и солдаты, указывая на свое «долгое осадное сиденье в Симбирске» как на повод передать им землю за верную службу. Например, «7 мая 1675 г. отведено было из дикого поля, на пашню, в урочищах при речке Ташле, солдатам выборного полка Агея Шепелева, Ваське Фролову сыну Бухову и Алешке Данилову сыну Темникову, «с товарищами», всего десяти человекам, по 20 четвертей (30 десятин) каждому, всего 200 четвертей. Эти солдаты поселились на пожалованной им земле и тем положили начало селению Солдатской Ташле».²

С тех пор начинается заселение южной части Симбирского уезда. Часто несколько выходцев из одной или разных деревень и слобод, не только русских, но и других народов, составляли товарищества, и, отыскав свободный кусок земли южнее Симбирской черты, «на Крымской стороне», как называли тогда местность за валом, переходили туда и несли «государеву службу со своею братиею вместе», т. е. целой общиной. Главная приманка для колонистов заключалась в нетронутых пашнями плодородном чернозёме, в больших лесах, где было довольно много диких пчёл и дичи, и в многоводных реках, изобиловавших бобровыми гонами и рыбными ловлями.

5. Поселения насильно заселённых людей (пленных, каторжан) или слободы.

Один из примеров: летом 1663 г. «присланы были из Москвы в Симбирск иноземцы, польские люди, взятые в полон под Смоленском» и поселены были отчасти на государевой порозжей земле, в последующем получившей название Панская слобода.

¹ Штиглиц Н. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – Санкт-Петербург, 1863. – С. 44 (Табл. 6).

² Симбирская губерния: по сведениям 1859 года. – С. 12-13.

6. Вдоль путей сообщения (торговых, скотоперегонных, почтовых, просёлочных трактов).

Эти типы поселения располагаются в соответствии с закономерностями социально-экономического развития.

На территории первого стана по почтовому тракту Симбирск – Казань располагались 28 населённых пунктов. По правую сторону этого тракта располагались 17 населённых пунктов, из них 14 населённых пунктов располагались у реки Свяяга, два при колодце и один у безымянного озера. По левую сторону этого же тракта располагались 11 населённых пунктов: при реках четыре поселения (из них два при речке Бугурне, два при реках Свяяга и Бирюч), три – при безымянном ключе, четыре – при колодце.

По просёлочному тракту из г. Симбирск в г. Тетюши был ещё 21 населённый пункт, из них два – при реке Тарханка и семь – при колодце. По правой стороне тракта – два, из них один при Волге и один на безымянном ручье. По левую сторону тракта поселений было десять, из них восемь у рек Беденьга и Тарханка и ещё два при колодцах.

По просёлочному тракту из г. Симбирска в с. Старые Алгаши располагалось 13 населённых пунктов. Из них четыре населённых пункта обустроены около водных источников: три при речке и один – при роднике. По правую сторону этого тракта располагались всего три населённых пункта, из них два при колодце и один при роднике. По левую сторону этого же тракта пять при реках Бирюч и Темерсянка и один при колодце.

По тракту из г. Симбирск в Астрадомовку располагалось 32 населённых пункта. В том числе 20 при реках (19 у р. Бирюч и один – при реке Темерсянка), шесть при колодцах, три при ключе (два из них при ключе Теплом и один при ключе Грязном).

Во втором стане по Московскому почтовому тракту из Симбирска было 63 населённых пункта. По правую сторону этого тракта насчитывалось всего 29 поселений, из них 21 – у рек Свяяга, Сельдь, Тагай и Каменный Брод и др., одно при безымянном ключе и одно – при ключе Грязном, два – при колодце,

и четыре – у родника. По левую сторону тогда существовало всего 34 населённых пункта, из них 16 – у рек, девять – при колодце, семь – при роднике и один – при безымянном ключе.

По почтовым трактам из Симбирска в Казань: по левую сторону этого тракта располагалось два населённых пункта при реке Свияга, по правую сторону два – при реках Волга и Свияга.

По левую сторону тракта из Симбирска в Саратов находилось 10 населённых пунктов, одна деревня при реке Ташла и одно сельцо при роднике (Киндяковка), лишь одна деревня при ключе Белом (Белый Ключ), остальные – при реках Свияга и Ташла. По правую сторону этого тракта было десять деревень и четыре села, из них десять при реках (Свияга, Ташла, Грязнушка, Караменка), три при колодце и один населённый пункт при ключе Добром.

По почтовому тракту из Симбирска в Оренбург при реках располагались все семь сёл и одна деревня. По правую сторону этого тракта лишь два села у реки Тушна и одно село у реки Волга, а по левую – четыре села и одна деревня на берегу рек Тушна и Волга.¹

Таким образом, заселение Симбирского узда происходило в несколько этапов и было неравномерным, как с точки зрения самого расселения по территории, так и по типу поселений. Все поселения располагались по торговым и почтовым трактам вблизи источников воды, как естественных (река, ключ и др.) так и искусственных (колодцы).

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

¹ Штиглиц Н. Указ. соч. – С. 44-56 (5-12).

ББК (Т) 63.2

УДК 911.37

Чаплыгина О.Г.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РАЗМЕЩЕНИИ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Город является многогранным объектом междисциплинарных исследований. Его следует рассматривать как подсистему в системе городов, и более широко – в территориальных социально-экономических макросистемах.

Города – это узловые пункты во всей системе расселения. Они представляют собой специфическую урбанизированную среду для жизни людей и функционирования всякого рода сосредоточенных систем.¹

Крупнейшие российские города – исторически сложившиеся промышленные, научно-образовательные, финансовые, культурно-политические и информационные центры, в которых сосредоточен основной производственный и интеллектуальный потенциал российского общества. Это точки роста и главный ресурс развития районов. Они определяют социально-экономическое благополучие регионов и страны в целом.

На территории России по данным переписи населения 2010 г. насчитывалось 1100 городов. По сравнению с переписью населения 2002 г. число городов увеличилось на два. Согласно существующей классификации городов по их величине, количество городов-миллионеров составило 12 (2002 г. – 13), крупнейших – 25 (2002 г. – 20), крупных – 36 (2002 г. – 46), больших – 91 (2002 г. – 92), средних – 155 (2002 г. – 163), малых – 781 (2002 г. – 768) (Табл.1).

Изменение числа городов в составе указанных групп связано с естественной убылью населения, миграционным приростом и приростом в результате административно-территориальных преобразований. Наиболее распространены малые

¹ Лаппо Г.М. География городов. – М.: Владос, 1997. – С. 225.

города (до 50 тыс. чел.) – 70% от общей численности городов России, но в них проживает лишь каждый шестой городской житель.

Таблица 1.

**Группировка городских населенных пунктов
(реконструкция)**

Группировка городских населённых пунктов	Число городских населённых пунктов (в отд. годы)		Число жителей в них (тыс. человек)		2010 г./к 2002 г. (в % по числу жителей)	Число жителей (в % к итогу)	
	2002	2010	2002	2010		2002	2010
Всего городов из них с числом жителей (в тыс. человек):	1098	1100	95916	97527	101,7	100	100
до 50	768	781	16623	16445	98,9	17,3	16,9
от 50 до 100	163	155	11083	10854	97,9	11,6	11,1
от 100 до 250	92	91	13817	14105	102,1	14,4	14,5
от 250 до 500	42	36	14574	12146	83,3	15,2	12,4
от 500 до 1000	20	25	12403	15755	127,0	12,9	16,2
1000 и более	13	12	27416	28222	102,9	28,6	28,9

Большая часть городского населения сконцентрирована в городах-миллионерах и крупнейших городах – 45,1%; в крупных сосредоточено – 12,4%, в больших – 14,5%, в средних – 11,1% и в малых – 16,9%.

В целом в городах проживает 93% горожан (в 2002 г. – 90%), остальная часть городского населения – в посёлках городского типа.

Города-миллионеры: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград.¹

В Центральном экономическом районе к их числу относятся Москва, в Северо-Западном – Санкт-Петербург, Волго-Вятском –

¹ Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с.

Нижний Новгород. В Поволжском районе находятся три таких города: Казань, Самара и Волгоград; в Уральском – тоже три города: Екатеринбург, Челябинск, Уфа; в Северо-Кавказском районе – Ростов-на-Дону. В восточных районах России города данного типа размещаются в пределах Западной Сибири: это Новосибирск и Омск.

В разрезе федеральных округов распределение городов-миллионеров несколько иное: Центральный – один, Северо-Западный – один, Приволжский – пять, Уральский – два, Южный – один, Сибирский – два города.

После переписи населения 2010 г. произошли изменения в составе рассматриваемых городов. По итогам 2011 г. Пермь вернула себе статус города-миллионера. Суммарно естественный прирост населения и миграционный прирост обеспечило Пермю увеличение численности населения, которое на 1 января 2012 г. составило 1,001 миллиона человек. В апреле 2012 г. к городам-миллионерам присоединился Красноярск. Необходимо отметить положительную тенденцию сдвига городов-миллионеров на восток страны. В декабре 2012 г. Воронеж получил статус города-миллионера, тем самым упрочил свои ведущие позиции в Центральном Черноземье и позиции района в рамках страны.

Таким образом, в настоящее время насчитывается 15 городов данного типа. Распределение городов по численности населения следующее (в тыс.): Москва – 11 980, Санкт-Петербург – 5028, Новосибирск – 1524, Екатеринбург – 1396, Нижний Новгород – 1260, Казань – 1176, Самара – 1172, Омск – 1161, Челябинск – 1156, Ростов-на-Дону – 1104, Уфа – 1078, Волгоград – 1019, Красноярск – 1016, Пермь – 1014, Воронеж – 1004 человек.¹

В соответствии с этим, на данный момент, лидер по числу городов-миллионеров – Уральский экономический район (четыре города). Пополнили ряд экономических районов, в пределах которых размещаются города-миллионеры, Центрально-Черноземный район и Восточно-Сибирский.

Среди федеральных округов выделяется Приволжский ФО – шесть городов-миллионеров. В Сибирском ФО – три города данной группы, в Центральном ФО – два.

¹ Россия в цифрах. 2014: Крат.стат. сб-к. Росстат. – М., 2014. – 558 с.

Борьба среди крупнейших городов за получение данного статуса продолжается. Претендентами являются Саратов и Краснодар.

Город–миллионер — это особый статус. В условиях плановой экономики города данного типа имели приоритет в финансировании, в частности, в них предполагалось строительство метрополитена. В современных условиях данный статус даёт возможность участия в большем числе федеральных программ и проектов, в том числе и общенациональных, и получения увеличенных траншей из федерального бюджета. Все основные показатели определения бюджетных расходов на решение задач, стоящих перед крупными урбанизированными образованиями, рассчитываются исходя из численности жителей. Это строительство объектов социального назначения, и развитие дорожной сети города, и линий скоростного транспорта. Некоторые программы в настоящее время реализуются только в городах, число жителей в которых больше миллиона. Статус города-миллионера способствует повышению его инвестиционной привлекательности.

Бизнес-стратегии многих ведущих компаний рассчитаны исключительно на крупнейшие города (от 500 тыс. до 1 млн чел.). Переход трёх городов в более высокий ранг и сокращение численности в одном из городов привели к уменьшению числа крупнейших городов по сравнению с 2010 г. На настоящий момент таких городов – 21. К их числу относятся: Саратов – 839,8 тысяч человек; Краснодар – 784,1; Тольятти – 719,2; Тюмень – 634,2; Ижевск – 632,9; Барнаул – 629,7; Ульяновск – 615,3; Иркутск – 606,1; Владивосток – 600,4; Ярославль – 599,2; Хабаровск – 593,6; Махачкала – 576,2; Оренбург – 556,1; Новокузнецк – 549,2; Томск – 548,0; Кемерово – 540,1; Рязань – 525,9; Астрахань – 527,3; Пенза – 519,9; Набережные Челны – 519,0; Киров – 509,1.¹

Формированию городов такого типа способствовало индустриальное развитие территории. Лидер по числу городов данной группы Поволжье – шесть городов (Саратов, Тольятти, Ульяновск, Астрахань, Пенза, Набережные Челны). Затем вы-

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2013: Стат. сб. Росстат. – М., 2013. – 645 с.

деляется Западно–Сибирский район – пять городов (Барнаул, Тюмень, Новокузнецк, Кемерово, Томск). В Центральном районе – два города (Ярославль и Рязань); Уральский район – два (Ижевск, Оренбург); Северо–Кавказский район – два (Краснодар, Махачкала); Дальневосточный район – два (Владивосток, Хабаровск). По одному городу в Центрально–Чернозёмном районе (Липецк) и Восточно–Сибирском (Иркутск).

В пределах федеральных округов размещение крупнейших городов таково: Центральный – три, Приволжский – семь, Уральский – один, Южный – два, Северо–Кавказский – один, Сибирский – пять, Дальневосточный – два.

Изменение численности населения ведёт к смене ранга города. В силу того, что естественная убыль продолжает сохраняться в городах всех типов, решающую роль в увеличении численности населения городов-миллионеров и крупнейших городов играют миграционный прирост и прирост в результате административно-территориальных преобразований. Дефицит демографических ресурсов и ограниченный внутренний миграционный потенциал будут увеличивать конкуренцию городов за население. Именно формирование крупных урбанизированных территорий, являющихся центрами притяжения капитала, предпринимательских проектов, инноваций и населения должно стать приоритетным направлением регионального развития.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60

УДК 910.3

Кенжебаев Д.А.

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВОЕННО-КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Содержание настоящего доклада посвящено анализу физико-географических факторов, явившихся предпосылками осуществления военно-космической деятельности на территории Казахстана. Под ними исследователем понимается оптимальное сочетание требований к размещению объектов космической инфраструктуры и реально существующими природно-климатическими и геополитическими условиями расположения территории нашего государства и её отдельных участков.

Актуальность изучения предпосылок определяется значением их существования как необходимого условия возникновения каких-либо явлений. Данное обстоятельство обуславливает немаловажность их выявления в аспекте понимания сути произошедших событий, а также причинно-следственных связей исторических процессов.

С окончанием Второй мировой войны мировая общественность встретила с новыми геополитическими реалиями, заключающимися, с одной стороны, в значительном усилении военных и политических позиций СССР, а с другой стороны – в стремлении руководства США и Великобритании к ограничению глобального распространения социалистического государственного строя. Достаточно вспомнить значительный рост советского влияния в послевоенной Европе и, как следствие, возникновение просоветских режимов в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии, Восточной Германии (ГДР).

Идеологическая конфронтация СССР и США привела к расколу мирового сообщества на два противоборствующих лагеря, в основе которого лежала принадлежность к одной из двух (социалистиче-

ской или капиталистической) государственных политических систем. Таким образом биполярность мировой политики обусловила образование военно-политических блоков (таких как НАТО, СЕАТО, СЕНТО, ОВД и др.) и стремительную гонку вооружений, затронувшую практически все виды и рода войск противоборствующих стран. При этом каждая из сторон стремилась создать такое средство поражения противника, которое могло бы исключить развязывание в отношении себя какой-либо агрессии и, в то же время, обеспечивало бы возможность диктата своей воли другим государствам.

Создание атомного, а затем и термоядерного оружия обусловило необходимость разработки средств его доставки с соответствующей дальностью действия, что, в конечном счете, определило развитие ракетных технологий.

В середине 1953 г. на одном из межведомственных заседаний, посвящённых вопросам разработки ракеты Р-3 с дальностью полёта три тысячи километров, С.П. Королёв предложил отказаться от дальнейшей работы над этим проектом. Взамен он выдвинул идею разработки межконтинентальной ракеты с дальностью стрельбы восемь тыс. километров. Среди его аргументов отметим несколько парадоксальное заявление о том, что данное решение позволит сэкономить время и значительно сократить финансовые затраты. После обсуждения предложения С.П. Королёва на разных уровнях 20 мая 1954 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают постановление № 956-408сс о разработке, изготовлении и испытаниях многоступенчатой баллистической ракеты с межконтинентальной дальностью полёта 8000 км и термоядерной головной частью массой до 5,5 тонн.¹

Это решение потребовало создать полигон для испытаний межконтинентальных баллистических ракет. Действовавший со второй половины 1947 г. Государственный Центральный полигон Министерства Вооружённых Сил СССР, расположенный в районе села Капустин Яр Астраханской области,² не мог удовлетворять необходимым требованиям. Обеспечению полёта многоступенча-

¹ Космодром Байконур: 50 космических лет; под общ. ред. Баранова Л.Т. – Караганда: ПК «Рекслайд», 2005. – С. 7-42.

² Полигон Капустин Яр; гл. ред. Кавелькина В.В. – Волжский: ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»», 2006. – С. 20.

той ракеты препятствовало наличие заселённых территорий по трассе возможного падения частей ракет. Мешал с радиолокационной точки зрения также характер подстилающей поверхности.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР в 1954 г. была создана Государственная комиссия, которую возглавил начальник полигона Капустин Яр генерал-лейтенант артиллерии Вознюк Василий Иванович¹. Комиссии предписывалось к 1 января 1955 г. выбрать оптимальное место для полигона по испытанию МБР Р-7, а к 1 марта того же года доложить окончательные результаты проделанной работы.

Поиск подходящей местности для строительства полигона шёл по всей территории Советского Союза. Рассматривались варианты размещения, в частности, на Северном Кавказе и севернее Ташкента. Однако их выбор был признан нецелесообразным ввиду несоответствия размеров и относительно плотной заселённости районов.

4 февраля 1955 г. рабочей группой были доложены предложения, по результатам которых оптимальным для полигона был признан участок местности, расположенный в Кызыл-Ординской области в районе железнодорожной станции Тюра-Там с географическими координатами $45^{\circ}57'58''$ с. ш. $63^{\circ}18'28''$ в. д.²

Данная площадка обладала целым рядом полезных физико-географических факторов и условий, определивших её выбор. Во-первых, таковым явилась её близость расположения к экватору, что позволило дополнительно использовать для запуска ракет энергию вращения Земли, сокращая, таким образом, объём затрачиваемого топлива и в то же время увеличивая массу полезного груза. Во-вторых, наличие относительно больших по площади незаселённых территорий минимизировало возможный ущерб от падения фрагментов запускаемых ракет, а неудобья (непригодная для засева земля) уменьшали экономический ущерб для народного хозяйства, вызванного их изъятием из хозяйственного оборота. В-третьих, казахстанская

¹ Посысаев Б.И. Неизвестный Байконур. – М.: Глобус, 2001. – С. 78.

² Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Байконур> (дата обращения: 10.02.2015).

степь, будучи достаточно сухой, обладала, тем не менее, определённым запасом воды, что позволило бы обеспечить здесь необходимый уровень жизнедеятельности для города. В-четвёртых, характер рельефа местности (преимущественно солончаки или такыры) представлялся достаточно доступным для передвижения техники (отсутствуют горы, овраги, болота, леса и т.п.), и, в свою очередь, позволял организовать в случае необходимости визуальный поиск и обнаружение объектов (спускательных космических аппаратов, фрагментов ракет и т.п.). В-пятых, район характеризовался наличием транспортных железнодорожных путей, а также возможностью их расширения для обеспечения потока грузов. В-шестых, планируемые для разворачивания стартовых позиций участки местности являлись относительно ровными, с минимумом естественных радиоотражающих поверхностей, что обуславливало низкий уровень возможных радиопомех. В-седьмых, избранный район казахстанской территории располагался вдали от государственных границ СССР, что при том уровне развития технических средств существенно затрудняло разведывательные мероприятия геополитического противника.

По результатам работы рабочей группы Совет Министров СССР 12 февраля 1955 г. принимает Постановление № 292-181 «О новом полигоне для Министерства обороны СССР», в соответствии с которым предписывается «Принять предложения тт. Малышева, Жукова, Василевского, Дементьева, Домрачёва и Калмыкова:

а) о создании в 1955-1956 гг. научно-исследовательского испытательного полигона Министерства обороны СССР для летной отработки изделий «Р-7», «Буря» и «Буран» с расположением:

головной части полигона в Кызыл-Ординской и Карагандинской областях Казахской ССР – в районе между пос. Казалинском и Джусалы;

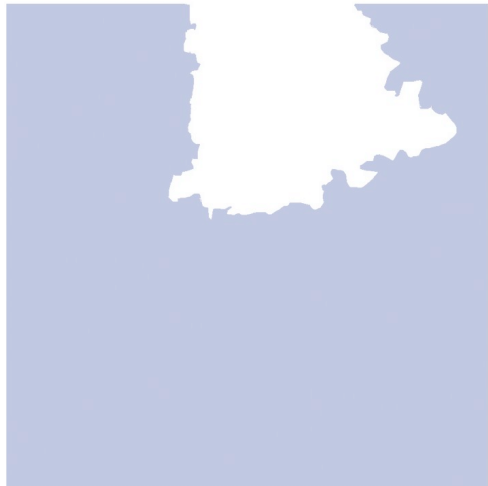
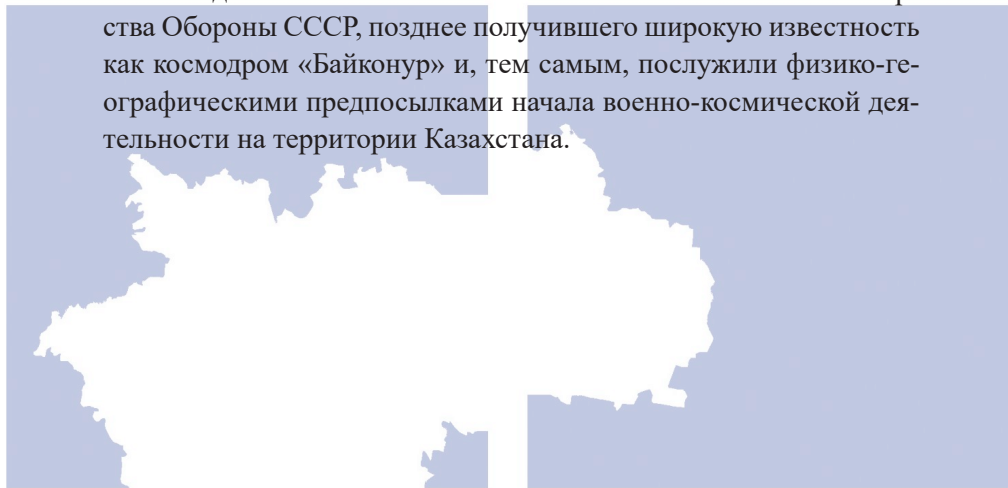
района падения головных частей в Камчатской области РСФСР – у мыса Озерной;

района падения первых ступеней изделий «Р-7» на территории Акмолинской области Казахской ССР – в районе озера Тенгиз...».¹

¹ Байконур – история в лицах: Фотоальбом; авт.-сост. А.Я. Сорокин. – Караганда: «Гласир», 2012. – С. 30.

Историческая география

Таким образом, перечисленные природно-климатические и геополитические условия участков местности расположенных в Казахской ССР обусловили их выбор для разворачивания Научно-исследовательского испытательного полигона № 5 Министерства Обороны СССР, позднее получившего широкую известность как космодром «Байконур» и, тем самым, послужили физико-географическими предпосылками начала военно-космической деятельности на территории Казахстана.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 314.922

Биктимиров Н.М., Габдрахманов Н.К.
ФОРМЫ РАССЕЛЕНИЯ ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ
СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН¹

География татарских поселений на территории Республики Татарстан имеет особенности. Даже в 20-х годах XX века в пределах территории бывшего Казанского ханства невозможно было найти татарские поселения в бассейне реки Волги. Объяснение находим в исторических событиях, происходивших после присоединения Казанского ханства к Российскому государству. В 1552 г. Указом Ивана Грозного для обеспечения безопасности завоёванных земель татары были высланы на 50 вёрст в глубь края.²

В этот период существовало 3 основных ареала расселения. Во-первых, это Заказание, которое является исторической территорией татарского народа, ареной формирования его национальной общности. Заказание и Предкамье (малоплодородный район республики) – основная полоса расселения татар, которая сложилась в период XV–XVI вв.³ Во-вторых, в западной части Предволжья, где татары тоже живут издавна. Эту территорию рассматривают как крупный второй массив татарского населения. Третий массив расположен в крайней восточной части Республики Татарстан. Даже в настоящее время здесь численность татар превышает 90%. Скопление сети поселений татарского населения на востоке республики связано со стихийным переселением татар из районов Заказания и Предволжья после присоединения Казанского ханства к Русскому государству.

¹ Исследование выполнено в рамках Гранта РГНФ №15-32-01322 «Имитационное моделирование геодемографической инфраструктуры региона: прогностическая геоинформационная модель».

² Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – С. 213.

³ Ляликов Н.И. Поволжье (Среднее и Нижнее). – М.: Центр.тип. им. Ворошилова, 1946. – С. 10-11.

На протяжении столетий сохранялись этнические особенности расселения населения в зависимости от геоморфологических условий территории. Например, в конце XVIII века в Свижском уезде находились на берегах 69% русских сельских поселений, 50% чувашских и лишь 26% татарских поселений. В большинстве татарских деревень протекали небольшие реки или ручьи. Некоторые этнологи указывали, что татары не любили копать колодцы.¹

Становление Советской власти сыграло положительную роль в расселенческих процессах татар. Это объясняется тем, что до революции административно-территориальное деление России не учитывало условия компактного проживания нерусских народностей. В то время отдельные районы территории современного Татарстана принадлежали пяти губерниям: Казанской, Вятской, Уфимской, Самарской и Симбирской. В этот период в Казанской губернии, господствующими нациями были татары и русские, далее по численности преобладали чувашаи, башкиры, мордва и вотяки (удмурты), присутствующие во всех территориальных образованиях внутри губернии. В 1920 г. после образования Татарской республики в современных границах уже больше половины населения Татарстана составляли татары (Табл. 1).

Таблица 1.

Национальный состав населения ТР по переписи 1920 г.

Группы насел.	Кол-во (в тыс. чел.)	В том числе (в %)						
		татары	русские	чувашаи	мордва	удмурты	мари	прочие
Сельск.	2639	54,8	36,9	5,3	1,5	0,9	0,5	0,1
Город.	253	16,3	78,3	0,3	-	-	0,1	5,0
Итого	2892	51,6	40,4	4,9	1,5	0,8	0,4	0,2

Источник: *Габидуллин Х.З. Татарстан за семь лет (1920-1927 гг.). – Казань, 1928. – С. 19.*

¹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – С. 175.

Важнейшим событием 20-х годов XX века, несомненно, следует назвать голод 1921–1923 гг., который наибольший урон нанёс населению на территории Калмыкской и Татарской республик, Чувашской и Марийской областях, Челябинской губернии, где пострадало 90% населения. В республике Башкирия голодало от 70 до 90% населения.

В Татарской республике в период между двумя переписями, наряду с огромной убылью населения серьёзно изменился его национальный состав. В первую очередь наше внимание было обращено на 1921 г., т.е. время массовой засухи на изучаемой территории. Согласно статистическим материалам, сельское население Татарстана, которое составляло большинство жителей республики, в период с 1920 по 1926 гг. в результате роста смертности во всех возрастах сократилось на 326,1 тыс. человек. Из этого числа 77,7% приходилось на татар, 16,9% – русских и 5,4% – на национальные меньшинства. Благодаря особенностям национального расселения (очень низкая доля татар в городах и в примыкающих к ним территориях, которые получали продовольственную помощь), разным типам хозяйствования (меньшего развития огородничества у татар¹) и отсутствию материальных запасов общая численность татар сократилась на 17,5% (253,5 тыс. чел.), русских – на 5,7% (55,3 тыс. чел.), а национальных меньшинств – на 8% (17,3 тыс. чел.).

Особенно сильно пострадало население, проживающее в южных регионах республики. Максимальный рост смертности у татар был зарегистрирован в Спасском кантоне на юге РТ (357 промилле).² Около 300-500 тыс. голодобеженцев выехало за пределы республики.³ То есть прямые потери и потери эми-

¹ Меньшее развитие овощеводства у татар в значительной степени объясняется малым употреблением овощей в пище; например, татарские крестьяне почти не варили щи, засолка огурцов отсутствовала. Кроме того, удалённость большинства татарских районов отгородов делала производство товарной продукции нерентабельным. См.: Ермолаев В.М. Сравнительная характеристика татарского, русского и наименовского хозяйства ТР// Труд и хозяйство (Казань), 1927, № 11-12. – С. 8.

² Ермолаев В.М. Указ. соч. – 16 с.

³ Ермолаев В.М., Шараф Г.Ш., Хасанов М.А. Очерки по экономгеографии ТР. – Казань: Тагполиграф, 1931. – С. 52.

грации значительно превысили цифры за 1941-1945 гг. (450 тыс. чел.). Кроме того, во времена войны уже не наблюдалась такая высокая дифференциация демографических показателей для разных национальностей.¹

Тем не менее, рассматривая демографические показатели двух основных наций Республики Татарстан в долгосрочной перспективе, можно отметить, что рождаемость среди татар в XX столетии была в 1,4 раза выше, а смертность, наоборот, в 1,5 раза ниже, чем русских. По уровню смертности в городах русские в 1,8 раз превышали аналогичные данные городских татар. Наблюдались отличия в показателях брачности и разводимости. Так разводимость у татар была ниже в 1,7 раза, чем у русских. В сальдо миграции на различных этапах развития республики проявились существенные этнические различия в основном в пользу татар. Например, в 1992 г. сальдо миграции татар в 4,7 раза превышала этот показатель у русских.

Эти преимущества в этнодемографическом развитии татар сыграли свою компенсирующую роль в преодолении крайне негативных последствий засухи начала 1920-х гг. (и даже долгосрочных последствий событий, происходивших после 1552 г.). Отметим также то, что татары начали расселяться по всей территории республики. С 1920-х гг. и до наших дней непрерывно росло число населённых пунктов со смешанным населением. Например, в 1948 г. только в Предволжье было зафиксировано 55 населённых пунктов со смешанным составом (7,6% от общего числа). В основном это были рабочие посёлки.

За годы советской власти в долине реки Волги и Камы образовался целый ряд новых татарских посёлков, например, Ватан, Идель, Нариман, Кзыл Байрак, Бахча-Сарай, возрождая, таким образом, топологию прошлого.

При исследовании закономерностей изменения национального состава сельских населённых пунктов были обработаны

¹ Исхаков Д.М. Татары к 2025 г: демографический прогноз. Научно-исследовательская работа. – Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 92 с.

статистические данные за период двух переписей населения с 1970 по 1989 гг. За рассмотренный период в 55 сельских поселениях Татарстана, в которых раньше преобладало русское население, к 1989 г. стало численно доминировать татарское. Общая численность татар здесь выросла с 27 034 до 28 473 человек. Среди изученных объектов 29 оказалось смешанными поселениями (52,7%) с преобладанием татар. Пять из них расположены вблизи железных дорог, 18 – рядом с речной сетью и почти все находятся вблизи (1-3 км) от административных центров. При анализе был выявлен и другой вариант динамики населения и изменения национального состава. В 15-ти населённых пунктах республики за тот же период население уменьшалось с 4364 чел. до 3 170 человек. Из них 10 населённых пунктов имели смешанный состав (66%), а пять – относительно мононациональные (Рис.1, см. стр. 74).

Вариантов изменения национального состава всего 19. Предлагаем наиболее распространенные:

Русские → Чуваши + Русские (6 – количество насел. пунктов).

Чуваши → Русские + Чуваши (6).

Чуваши → Татары (3).

Самое большое число населённых пунктов, подверженных изменению, в варианте русские – татары (12), имеют численность населения 200-500 человек (27,3%); в варианте татары – русские (5), от 100 до 200 человек (33%). В случае русские – татары максимум прироста численности населения приходится на II вариант (население 50-100 чел.), где увеличение происходило в 2 раза (Табл. 1). Максимальное снижение населения характерно для I варианта (0-50 чел.), здесь численность населения уменьшилась в 4,5 раза. В случае татары – русские, максимум прироста – в 1,07 раз – в V варианте (численность населения 500-1000 чел.), а максимальная депопуляция во II варианте (50-100 чел.) – в 2,59 раз (Табл. 2).

Изменение численности населённых пунктов по национальному составу за 1970–1989 гг., в абсолютных показателях

Группы городских поселений	Русские – татары		Татары – русские			
	Количест. изменения	Изменение численности населения		Количест. изменения	Изменение численности населения	
I (0-50) чел.	3	123	27	-	-	-
		- 4,5 раз (р.)			-	
II (50-100) чел.	8	585	1215	4	321	124
		+ 2,07 р.			- 2,59 р.	
II (50-100) чел.	12	1552	1485	5	689	566
		- 1,04 р.			- 1,22 р.	
IV (200-500) чел.	15	4563	5716	3	1015	641
		+ 1,26 р.			- 1,58 р.	
V (500-1000) чел.	10	7074	5935	2	1292	1395
		- 1,2 р.			+ 1,07 р.	
VI (1000) и бол. чел.	7	13050	14841	1	1044	444
		+ 1,14 р.			- 2,35 р.	

Источник: Национальный состав населения РТ: По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. – Гос. ком. РТ по статистике, 1971; Национальный состав населения РТ: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Гос. ком. РТ по статистике, 1990.

По результатам данного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Урбанизация татар и дальше будет происходить быстрыми темпами, причём местами их расселения всё чаще будут выступать более крупные города и агломерации. Прогнозируется существенный рост численности татар в наиболее крупных городах и районах с относительно высоким уровнем жизни населения.

Если сравнивать данные 1989 и 2002 гг. в пределах Татарстана, то доля горожан среди татар увеличилась на 3,5%, в то время как русских только на 0,5%.

2. Русские в своем демографическом поведении менее инерционны, чем татары.

3. На формирование новых демографических тенденций в республике больше оказывает влияние татарская часть её населения. Хотя у нового поколения татар, с одной стороны, все ещё слабо выражено национальное самосознание, но, с другой стороны, популяризация ислама и поддержка со стороны мусульманского мира могут сыграть решающую роль в укреплении тюрко-мусульманской идентичности у татар.

4. Для татар более благоприятными для демографического роста следует считать населённые пункты с численностью 50-100 и 200-500 чел. и те, где численность превышает 1000 человек. Вместе с тем для русских именно поселения этих типов напротив демонстрируют отрицательные показатели. Только в одном типе русских поселений, где численность населения колеблется в интервале 500-1000 человек, отмечена благоприятная динамика.

5. Расселение населения на территории современного Татарстана в течение многих лет имело этническую окраску. Исследования изменений национального состава сельских населённых пунктов Татарстана за 1970-1989 гг., показывают тенденцию восстановления прежней картины расселения татар времён Казанского ханства путём создания целого ряда новых татарских поселений на месте русских.

НИИ
истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

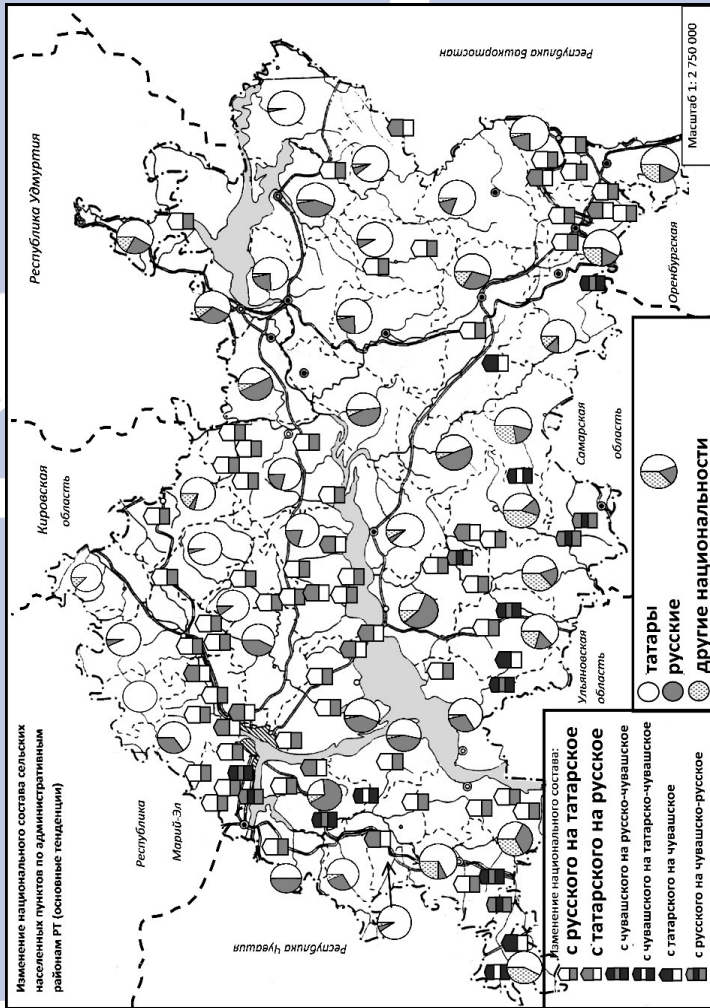

Рис. 1. Карта-схема изменения национального состава сельских населённых пунктов по административным районам Республики Татарстан

***ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДЕМОГРАФИЯ***

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 572

Абрамова А.Н.

**ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ, ОСНОВАВШЕГО МОГИЛЬНИК
ВИНОГРАДНЫЙ-7**

Спасательные раскопки могильника «Виноградный-7» проводились в два полевых сезона (в 2005, 2006 гг.) Краснодарской археологической экспедицией Кубанского государственного университета. Могильник располагался на расстоянии в 12-13 км от железной дороги недалеко от станицы Вышестеблиевская (посёлок Волна) Темрюкского района.

Материалом для данного исследования послужили погребения, датированные ранним средневековьем (VIII-X вв.).¹ К этому времени относятся 64 погребения из 103 раскопанных. Палеоантропологический материал был плохой сохранности, что зачастую затрудняло определение пола и возраста индивидов. В данной работе мы пользуемся половозрастными определениями, предоставленными М.А. Балабановой, за что мы ей очень признательны.

Основные аналитические приёмы, используемые в приведённом исследовании, соответствуют широко применяемым методам, ставшими классическими² (Табл. 1, 2). Они предполагают группировку индивидов в возрастные когорты, на основании которых строятся таблицы смертности:

¹ Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю., Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005-2006 гг. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Выпуск 7. – Краснодар, 2007. – 151 с.

² Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). – М.: Научный мир, 2003. – 132 с.; Балабанова М.А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего Железного века и раннего Средневековья [Текст]: дисс. докт. ист. наук: 03.03.02: защищена 21.05.2013. – Волгоград, 2013. – 428 с.

- отдельно для всей совокупности индивидов, так называемая, объединённая выборка;
- отдельно для мужчин и для женщин.

Затем определяется средний возраст смерти в группе:

- в целом с учётом детей (А);
- без учёта детей и подростков (АА);
- отдельно по мужчинам и по женщинам (ААм/ААф).

И, наконец, рассматривается процентное соотношение:

- по полу (PSR) (половая структура);
- детская смертность или доля детей в могильниках (PCD);
- доля индивидов старше 50 лет (C50+);
- доля индивидов, умерших в молодом возрасте (C15-35).

Таблица 1.

**Общая таблица смертности погребённых в могильнике
Виноградный-7**

Возраст, лет	Dx	dx	lx	qx	Ex
0-4	6	9,4	100	0,1	27,7
5-9	12	18,75	90,6	0,2	25,34
10.-14	1	1,6	71,9	0,02	26,3
15-19	3	4,7	70,3	0,07	21,8
20-24	8	12,5	65,6	0,2	18,2
25-29	5	7,8	53,1	0,15	16,9
30-34	7	10,9	45,3	0,24	14,4
35-39	3	4,7	34,4	0,14	13,2
40-44	3	4,7	29,7	0,16	9,9
45-49	13	20,3	25	0,8	3,9
50+	3	4,7	4,7	1	5
Всего	64	100	598,4	2,76	185,04

Где: Dx – число индивидуумов, умерших в определённом возрастном интервале; dx – доля в процентах индивидуумов, умерших в определённом возрастном интервале; lx – относительное число индивидуумов, доживших до определённого возрастного интервала; qx – вероятность смерти индивидуума в когорте; Ex – ожидаемая продолжительность жизни в каждом интервале, или среднее число лет, которое может прожить индивидуум, достигший определённого возраста.

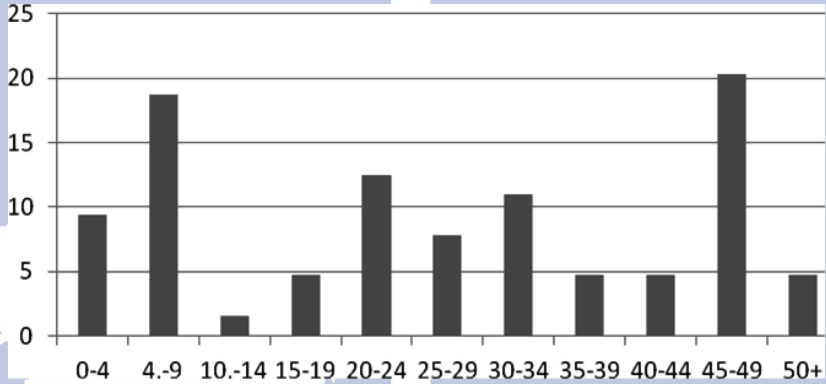
Кроме этого, выявленные демографические закономерности по исследуемой группе иллюстрируют кривые смертности, которые строились на основании табличных значений. Форма кривых является по своей сути новым генерализованным популяционным признаком, удобным для проведения внутригрупповых и межгрупповых сравнений. На основе их даётся демографическая оценка исследуемого населения.

С точки зрения половой структуры в исследуемой серии мужская часть населения преобладает над женской и составляет 1,25 (в процентном выражении соотношение по полу составляет 55,6:44,4). Следует отметить, что преобладание мужчин над женщинами довольно распространённое явление, особенно для подвижных групп населения. В нашем случае такое соотношение по полу можно связать и с посмертным отбором, связанным с плохой сохранностью женских костяков.

При реконструкции возрастной структуры, в первую очередь следует учитывать долю детей в группе. Она составляет 30% от общего числа погребённых. Как известно, доля детей в древних и средневековых сериях смертности находится в пределах 30-70%,¹ а, значит, материал исследуемой популяции соответствует нормальному распределению и характеризует традиционный тип воспроизводства населения с высокой детской смертностью. Распределение же детей по возрастным когортам демонстрирует отклонения от традиций, так как более половины детского населения приходится на возраст 5-9 лет (63,2%). Доля подростков (10-14 лет) составляет – около 5,2% (Табл.1; Рис.1). Видимо, причина более низкой доли детей младших возрастных когорт (от рождения до 5 лет) – 31,6% от общего количества детских захоронений – также связана с тем, что хрупкие кости младенцев и маленьких детей сохраняются хуже, чем кости детей старших возрастных групп.

¹ Перерва Е.В., Балабанова М.А. Палеодемография населения, погребённого в могильнике Вакуровский бугор // Научный вестник ВАГС, 2010, №1/3. – С. 85.

Таким образом, пик детской смертности приходится на детскую когорту от 5 до 9 лет, что демонстрирует нарушения классического распределения смертности в традиционных культурах. Поэтому можно утверждать, что доля детских скелетов в этом могильнике должна быть намного больше.

Рис. 1. *Возрастная динамика смертности населения, основавшего могильник Виноградный-7*

Далее рассмотрим распределение смертности по возрастным когортам взрослого населения. Оно демонстрирует три пика смертности: в 20-25 лет; 30-35 лет и 45-50 лет. Если последний пик смертности можно связать с естественной убылью населения, то относительно высокая смертность в молодом возрасте связана с другими причинами. Для того, чтобы разобраться в этом следует рассмотреть отдельно разнополюе группы (Табл.2, Рис.2).

Таблица смертности мужчин и женщин могильника Виноградный -7 (реконструкция)

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15-19	0	0	100	0	25,4	3	15	100	0,2	16,9
20-24	4	16	100	0,16	20,4	5	25	85	0,3	14,4

Воз- раст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
25-29	2	8	84	0,1	18,8	3	15	60	0,25	14,4
30-34	3	12	76	0,2	15,5	3	15	45	0,3	13,3
35-39	2	8	64	0,13	12,97	1	5	30	0,2	13,8
40-44	2	8	56	0,14	9,5	1	5	25	0,2	11
45-49	10	40	48	0,8	3,75	3	15	20	0,75	4,4
50+	2	8	8	1	5	1	5	5	1	5
Всего	25	100	548	2,26	113,2	20	100	380	2,6	96,9

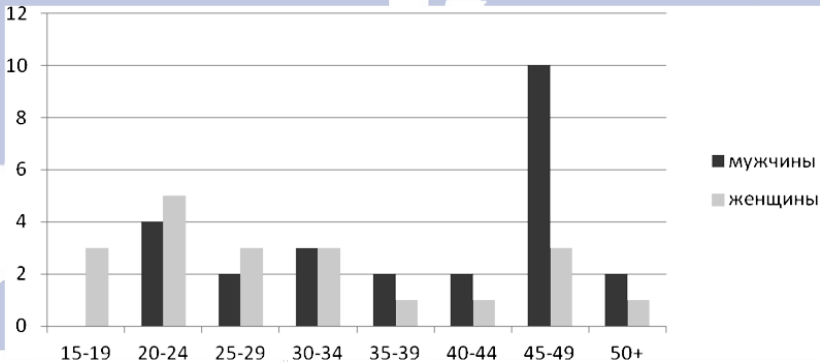
Как показывают кривые смертности, для мужской группы характерна прямая зависимость смертности от возраста. Около половины мужчин (48%) умирает в возрасте старше 45 лет. Пик мужской смертности приходится на 45-49 лет, видимо, в этом интервале умирала большая часть доживших до этого возраста индивидуумов, 50-летний рубеж пережили только 8% мужчин. Полученная картина свидетельствует об относительном благополучии мужского населения и их высокой приспособленности к условиям своего обитания.

Совсем другая картина характерна для противоположного пола. Здесь около 70% женщин умирало в репродуктивном возрасте до 35 лет, что, как неоднократно отмечалось различными авторами, связано с неудачным течением беременности и родов, а также с антисанитарными условиями в древних посёлках.¹ Таким образом, большой возраст дожития для женщин напрямую связан с удачным завершением активного репродуктивного периода.

Очень важным показателем благополучия группы является средний возраст умерших. В исследуемой группе с учётом детей этот параметр находится в пределах – 27,7 лет, а без учёта

¹ Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Указ. соч. – 132 с.; Балабанова М.А. Указ. соч. – 428 с.; Романова Г.П. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках: древности Северного Кавказа (материалы работ Северо-Кавказкой экспедиции). АН СССР, Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. И.С. Каменецкий. Вып. 1. – М., 1986. – С. 195–203.

детей 36,8 лет. Как отмечал академик В.П. Алексеев, изучивший демографические показатели древнего и средневекового населения территории СССР, «...почти во всех рассмотренных нами случаях продолжительность жизни взрослого населения в эпоху средних веков была меньше 40 лет...».¹ Из чего можно сделать вывод, что и население оставившее могильник Виноградный-7 не является исключением по показателю среднего возраста смерти.

Рис. 2. *Возрастная динамика смертности мужчин и женщин, погребённых в могильнике Виноградный-7*

Средний возраст умерших мужчин и женщин могильника составляет 40,5 и 31,9 лет. Как полагает В.П. Алексеев, большая продолжительность жизни у мужчин по сравнению с женщинами при традиционном типе воспроизводства является нормой.² Высокая смертность женщин была напрямую связана со стрессами и рисками, сопровождаемыми беременностью и родами. Организм беременной женщины был более чувствителен к экзогенным воздействиям окружающей среды.

Анализируя суммарные характеристики возрастного распределения по группе в целом, можно выделить три пика смертности (Рис.1). Первый приходится на детскую когорту 5-9 лет. Несмотря на то, что высокая детская смертность характерна для древних и традиционных обществ, что не раз отмечалось в литературе, всё-таки лидерами должны

¹ Алексеев В.П. Палеодемография СССР // Советская археология, 1972, №1. – С. 19.

² Там же. – С. 3-21.

являться более младшие возраста.¹ Второй пик приходится на когорту 20-24 года, видимо, это связано с опасным образом жизни, характерным для молодых мужчин и с активным репродуктивным периодом у женщин. И третий пик приходится на возраст 45-49 лет, что можно связать с биологическим износом организма и естественной убылью населения.

Из-за отсутствия опубликованного синхронного материала исследуемая группа сравнивалась с сериями погребений меотов с соседних территорий.

В первую очередь обратимся к демографически данным относительно синхронного населения и из могильников территориально близких к исследуемому. Для этого используем табличные данные, приведенные в некоторых работах.²

Сначала для сравнительного анализа рассматривались данные по меотскому могильнику Прикубанский³ (Табл. 3). Он относится к IV в. до н.э., а антропологический материал в нём представлен останками 359 человек. Средняя продолжительность жизни населения, составившее могильник Прикубанский, составляет 31,8 (с учётом детей) года и 36,4 (без учёта детей) лет (Табл. 3), что несколько выше средней продолжительности жизни для населения, основавшего данный могильник. Количество детских скелетов составляет 13,9%, что в разы ниже не только процента детской смертности для могильника Виноградный-7, но и для синхронных меотских могильников Лебеди III и Цемдолинского.

Пики смертности женской и мужской части населения, основавшего Прикубанский могильник, совпадают, что, видимо, можно объяснить сходными факторами, которые влияли на доживаемость мужчин и женщин. То есть, несмотря на временной промежуток, разделяющий рассматриваемые популяции, можно говорить лишь о незначительном расхождении в демографических показателях, и что они в большей степени связаны с сохранностью детских костяков из могильника Прикубанский.

¹ Там же. – С. 3-21.

² Балабанова М.А. Половозрастная структура Прикубанского меотского могильника IV в. до н.э. // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2005. – С. 4-9; Громов А.В., Казарницкий А.А. К палеодемографии меотов (по материалам могильника городища Елизаветинское II). – URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-249-4/978-5-88431-249-4_02.pdf (дата обращения: 02.04.2015); Романова Г.П. Указ. соч. – С. 195-203.

³ Балабанова М.А. Указ. соч. – С. 4-9.

Таблица 3.
Некоторые демографические показатели по группам РЖВ и
средневековым городским группам

Могильник	Nr	A	AA	Aam	Aaf	PCD	PBD	PSR	C+50	C+50m	C+50f	C15-35	C15-35m	C15-35f
Виноградный-7	64	27,7	36,8	40,5	31,9	30	-	1,25	4,7	8	5	35,9	36	70
Лебеди III	211	30,8	39,2	38,6	37,0	26,1	-	1,6	27,0	26,3	29,4	40,4	36,8	50
Елизаветинское II	234	33,6	-	42,2	38,2	17,5	-	0,7	-	19,6	15,6	-	-	-
Прикубанский могильник	359	31,8	36,4	39,6	31,7	13,9	-	-	7,7	-	-	36,5	30	65
Маячный бугор	292	25,3	34,4	37,2	31,7	30,1	51,5	0,94	5,4	4	6,7	53,9	40,4	66,7
Вакуровский бугор	111	22,4	33	36,6	29,1	36	45	1,09	3,7	5,4	5,9	37,8	43,2	76,5
Царевское горо- дце	82	30,0	37	38,8	37,3	24,4	25	0,94	8,6	13,3	9,4	29	26,7	31,2
Селигринное городище	306	32,2	37,3	38,6	33,3	20,9	5,8	1,25	10,9	11,4	10,5	50,2	38,2	64,7
Ново-харьков- ский могильник	107	20,3	33,6	33,8	33,4	38,2	17,8	0,97	1,9	3,4	3,3	33,3	48,1	50
Усть-Иерусалим- ский могильник	301	16	31,7	34,8	29,2	57,1	37,2	0,82	2,2	7,8	2,8	33,9	70,7	85,9
Цемдолинский могильник	61	25,9	28,5	31,0	30,4	11,5	-	-	-	-	-	65,6	-	-
Некрополь Ми- стихали	324	28,4	37,0	38,3	35,1	26,9	13,1	1,47	14,2	19,1	19,9	-	26,7	21,9

Где: Nr – объем выборки; A – средний возраст смерти с учётом детей; AA – средний возраст смерти взрослого населения; AAm и AAf – средний возраст смерти отдельно по мужчинам (AAm) и по женщинам (AAf); PCD – процент детской смертности в группе; PBD – процент смертности в первый год жизни; $PSR (m-f)$ – процентное соотношение мужчин и женщин; $C50+$ – процент индивидов в финальной возрастной когорте; $C50+ (m)$ – процент мужчин в финальной возрастной когорте; $C50+ (f)$ – процент женщин в финальной возрастной когорте; $C15+35$ – процент индивидумов в возрастной группе 15-35 лет в целом по серии; $C15+35 (m)$ – процент мужчин в возрастной группе 15-35 лет; $C15+35 (f)$ – процент женщин в возрастной группе 15-35 лет.

Вторая группа, с которой сравнивалась исследуемая палеопопуляция, также меотская – из городища Елизаветинское II. Она выделена в результате раскопок в 2013 году в Краснодарском крае под научным руководством М.Ю. Лунёва.¹ Во второй серии также низкая доля детей – 17,5%. Это значительно ниже, чем в изучаемой нами серии. Автором отмечено значительное преобладание женщин над мужчинами: 40,3% мужчин и 59,7% женщин. Случаи, когда в гендерной структуре могильников преобладают женщины, встречается реже, чем преобладание мужчин. Авторы предполагают, что половую диспропорцию на городище Елизаветинское II можно объяснить участием мужского населения в войнах, а значит их смертью и погребением в других местах. Можно полагать, что это сказалось и на среднем возрасте смерти мужчин и женщин. Он соответственно составляет 42,2 и 38,2 лет, что несколько выше среднего возраста дожития исследуемой нами группы (Табл. 3).

Третья палеопопуляция, с которой сравнивался наш материал, происходит из могильника Лебеди III. Он был раскопан в 1979-1981 гг. Северо-Кавказской экспедицией под руководством И.С. Каменецкого, а демографическую характеристику ему дала Г.П. Романова в статье 1986 года.²

Материал был плохой сохранности и из 400 погребённых автору статьи удалось определить возраст только у 211, а пол и возраст у 91 костяка. Число детских скелетов составило 26,1% от общего

¹ Громов А.В., Казарницкий А.А. Указ. соч.

² Романова Г.П. Указ. соч. – С. 195-203.

числа погребённых. Автор отмечает, что цифра явно занижена из-за плохой сохранности всей серии. Для людей молодого возраста отмечена высокая смертность в когортах 20-30 лет. Что характерно и для населения, основавшего могильник Виноградный-7, где один из пиков смертности приходится на интервал 20-24 года.

Средний возраст смерти для мужчин и женщин из могильника Лебеди III составляет 38,6 и 37 лет соответственно. Как видим, если для мужчин из могильника Виноградный-7 характерен такой же средний возраст дожития, то у женщин он значительно ниже (Табл. 3).

Если сравнивать изучаемую нами палеопопуляцию со средневековыми сериями, то расхождение также не будет слишком большим (Табл. 3). Например, могильник Мистихали, который датирован первыми двумя третями XV в.¹: вся серия представлена 324 костяками. Детская смертность составляет 28,7%, что очень близко к проценту детской смертности, исследуемой нами палеопопуляции. Мужчины жили несколько больше женщин: средний возраст смерти соответственно составляет 38,3 и 35,1 года, что так же близко к среднему возрасту смерти мужчин и женщин могильника Виноградный-7.

По табл. 3 хорошо видно, что средний возраст смерти с учётом и без учёта детей по всем представленным палеопопуляциям примерно одинаков, а изучаемая нами группа не выбивается из общей картины. Также стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев, женщины жили меньше мужчин, такая ситуация, видимо, являлась нормальной для древних обществ, что не раз отмечалось в литературе.²

Подводя итог можно сделать следующие выводы:

1. Для исследуемой группы характерна высокая детская смертность в возрастной когорте 5-9 лет и преобладание мужской части популяции над женской, что, видимо, можно связать с плохой сохранностью материала и «посмертным отбором».

2. Высокая женская смертность приходится на продуктивный возраст и связана с тяжёлым течением беременности и

¹ Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Указ. соч. – С. 19.

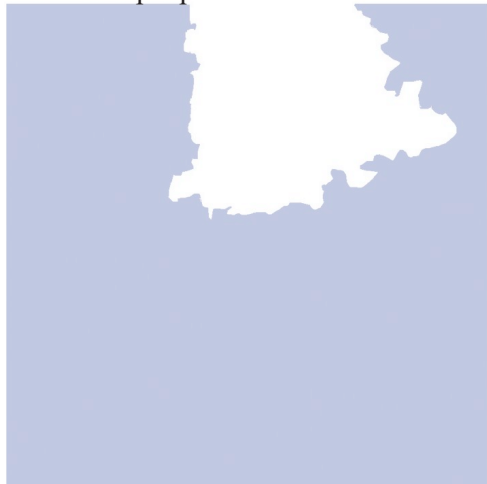
² Алексеев В.П. Указ. соч. – С. 3-21; Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Указ. соч.

Историческая демография

родов, а также неблагоприятной санитарной обстановкой, в то время как для мужчин характерна прямая зависимость смертности от возраста, что может свидетельствовать об относительном благополучии мужского населения.

3. Население из могильников Лебеди III, Елизаветинское II и Виноградный-7 обитало в одинаковых климатических условиях и, вероятно, у них был сходный тип хозяйствования, поэтому и палеодемографические характеристики у них примерно сходны. Средняя продолжительность жизни населения из серии Виноградный-7 соответствует средней продолжительности жизни мужчин и женщин из других рассмотренных нами палеопопуляций.

4. Сравнивая изучаемую нами палеопопуляцию с другими относительно синхронными группами населения и из могильников территориально близких к исследуемому, было обнаружено то, что население, оставившее могильник Виноградный-7, значительно не выделяется на общем фоне плеоогрупп. Следовательно, несмотря на не слишком большую выборку, можно говорить о её репрезентативности.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.6

УДК 314.02

Кутаков С.С.

НАСЕЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО УЕЗДА В ХВИВЕКЕ ПО ДАНЫМ ПИСЦОВЫХ ОПИСАНИЙ¹

В настоящем исследовании представлена попытка реконструкции численности сельского населения Тверского уезда в XVI в. и характеристики её динамики по материалам писцовых книг.²

Каждая из сохранившихся писцовых книг Тверского уезда имеет свои характерные особенности. Объединяет их то, что ни одна из них не содержит полного описания всей территории уезда. Так, писцовая книга 1539/40 г. описывает только поместные земли, книга 1580 г. – земли, отписанные на содержание двора тверского князя Симеона Бекбулатовича. Лишь дозорная книга 1551-1554 гг. описывает почти всю территорию уезда. Для нас наибольший интерес представляет книга 1539/40 г., так как в ней, помимо учёта поселений, произведен учёт дворов в этих поселениях, и имеются данные о количестве «людей» во дворах. Дозорная книга 1551-1554 гг., несмотря на обширный территориальный охват, не содержит сведений о дворах, и о «людях». Писцовая книга 1580 г. лишь описывает количество дворов в тех немногих поселениях, которые были отделены на содержание двора князя Симеона Бекбулатовича.

Поскольку достаточно тяжело говорить о численности населения дворов при реконструкции движения населения мы будем использовать преимущественно данные о количестве дворов.

До настоящего времени вопрос о том, кто такие «люди», населяющие дворы сёл и деревень писцовых описаний XVI в., а

¹ Работа проведена в рамках проекта № 14-06-97501 Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Тверской области «Сельское расселение в Тверском уезде в XVI в. по материалам писцовых описаний: создание геоинформационной системы».

² Писцовые материалы Тверского уезда XVI века; под. ред. А.В. Антонова. – М., 2005.

также переписных книг XVII в., остается нерешённым. Одни исследователи считали, что это всё крестьянское трудоспособное население (Н.А. Рожков), другие – что это только дворохозяева (В.О. Ключевский, Ю.В. Готье, Л.В. Милов или А.М. Андрияшев, говоря о новгородских писцовых книгах старого письма), третьи – что это главы семейств (А.М. Андрияшев, А.А. Кауфман, Т.И. Осьминский или А.М. Гневушев, говоря о новгородских писцовых книгах нового письма). Конечно, необходимо упомянуть о том, что авторы различных точек зрения говорили и об исключениях, связанных с отдельными переписями. Н.А. Горская, обобщая существующие в историографии концепции, заключает, что большая часть исследователей считает «людей» писцовых книг XVI в. главами семей.¹

Писцовая книга 1539/40 г. перечисляет 2871 населённый пункт, среди которых сёла, сельца, деревни и починки. При этих поселениях указано 5792 жилых дворов, 97 дворов пустых. В настоящей работе определены средние и модальные (наиболее часто встречаемые) показатели дворности поселений.

Наиболее населёнными пунктами являлись сёла. Среднее количество дворов, приходящихся на село, равнялось 8,3 (мода 5).² Сельца, в среднем содержали 4,2 двора (мода 3). Наиболее распространённые поселения – деревни (всего 2422). Большинство деревень однодворные. Абсолютное большинство деревень состоят из одного-двух дворов. Починки – самые маленькие поселения. Содержали в абсолютном большинстве случаев один двор (мода 1).

При описании дворов писцовая книга в 90% случаев упоминает одно имя проживающего в нём человека, в 10% случаев называется два и более имени (в основном два), причем часто второй жилец состоит в родственных связях с первым (чаще всего это отец и сын).

Поскольку в ряде исследований Тверского уезда не было выявлено принципиальных различий в системе расселения за пе-

¹ Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма. – М., 1994. – С. 102.

² Здесь и далее мы говорим только о жилых дворах, причём обо всех жилых дворах, как крестьянских, так и господских, дворах слуг феодалов, духовенства.

риод между 40-ми и 50-ми годами XVI в.¹, то мы попытаемся экстраполировать данные о населении Тверского уезда из описания 1539/40 г. на материал книги 1551-1554 гг. и тем самым оценить количественные показатели населения уезда в середине столетия.

Таким образом, используя модальные показатели дворности поселений из писцовой книги 1539/40 г. мы можем предполагать примерное значение количества населённых дворов в Тверском уезде, основываясь на данных о количестве населённых пунктов в дозорной книге 1551-1554 гг. И это значение равно 7565. Аналогично ситуации 1539/40 г. в 10% из них (756,5 дворах) могло проживать 2 семьи и более.

В итоге, численность населения Тверского уезда можно оценить примерно в 39 716 человек. Эта число получено по методике, предложенной исследователями аграрной истории Северо-Запада, при которой один «человек» во дворе переводится в пять душ обоего пола, а каждый следующий человек добавляет к ним еще две с половиной души обоего пола на двор.² Таким образом, мы умножаем количество дворов (а значит, количество семей, так как в большинстве случаев к одному двору можно приравнять одну семью) на пять и прибавляем к получившемуся числу результат умножения 756,5 на два с половиной (т.к. в 10% дворов могло проживать две семьи³). Отметим, что мы пытаемся оценить население только сельских территорий уезда, включая помещиков, их слуг, сельское приходское духовенство и крестьян, но без учёта населения монастырей и городов.

¹ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV – XVII веках. Очерки истории сельского расселения. – Л., 1980. – С. 111-113; Степанова Ю.В., Кутаков С.С. Особенности сельского расселения в Тверском уезде XVI в. по материалам писцовых описаний (на примере волостей Шестка и Суземье) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – Тверь: Тверской государственный университет. Вып. 1, 2013, № 6. – С. 112-129.

² Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV-начало XVI в. – Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. – Л., 1974.

³ Вариант, когда одному двору соответствует более двух имён жильцов, нами не рассматривается, ибо такие случаи крайне редки. По материалам писцовой книги 1539/40 г. нами зафиксировано всего пять случаев, когда при одном дворе упоминаются три имени жильцов.

Очевидно, что полученный показатель численности населения носит условный характер в связи с неоднозначностью интерпретации данных писцовых описаний, и вопрос требует дальнейшего исследования. Нам неизвестно точное число поселений, жилых дворов. Также не учтено то, что часть крупных феодалов и их семьи фактически не проживали в своих поместьях и проч. Однако, вероятное приуменьшение количества поселений (так как дозорная книга 1551-1554 гг. не фиксирует часть поселений писцовой книги 1539/40 г.) компенсируется учётом населения дворов некоторых феодалов, которые фактически не проживали на территории уезда. В результате можно говорить о том, что сельское население уезда в середине XVI в. составляло примерно 40 тыс. человек.

В писцовой книге 1580 г. перечислено 544 населённых пункта. Среди них сёла, деревни, починки. Сельца отсутствуют. Материалы этой книги свидетельствуют об увеличении дворности во всех типах поселений. Если максимальное количество дворов в деревне по материалам 1539/40 г. было 12, то к 1580 г. оно приблизилось к 23. Модальные показатели увеличились для всех типов поселений: для деревень мода дворности стала составлять три, для починков – два. Однодворных деревень стало меньше, чем четырёх-дворных. Для сёл средний показатель составил 24 двора. Мода в данном случае не очень иллюстративна, так как практически все значения дворности сёл разные. Наиболее часто встречаемые показатели 11 и 17, каждый встречается два раза из 20 случаев. Сёл, составляющих 2-3 двора – 3, 10-17 дворов – 7, 23-26 дворов – 3, 38-43 дворов – 5, 63-65 дворов – 2. Такой разброс показателей дворности сёл указывает на процесс изменения структуры крупных владельческих сельских поселений: равновесие прежней системы было нарушено, а её новое устойчивое состояние ещё не достигнуто.

Таким образом, изменение системы расселения приходится на период до 1580 г. А.Я. Дегтярев говорит о запустении большого количества поселений в конце XVI в., и об укрупнении оставшихся, очевидно за счёт, запустевших, что подтверждается

представленными выше данными.¹ Поэтому мы не можем на основании этих материалов реконструировать численность всего сельского населения уезда, как мы попытались это сделать для середины XVI века, используя данные писцовой книги 1539/40 г. и дозорной книги 1551-1554 гг.

Однако если мы говорим о структуре дворов, то в книгах в этом отношении, ничего не изменилось. В абсолютном большинстве дворов «прописано» одно мужское имя. Кроме того, едва ли мы можем говорить о запустении территории уезда на основании особой книги 1580 г. Так как во владение князя Симеона Бекбулатовича могли выделить большое количество свободных «пустых» земель,² поэтому большой удельный вес пустой и селищ в описании не может быть прямым свидетельством запустения всей территории без тщательного топонимического анализа материалов книг.

Нами была выделена группа поселений, описания которых имеются в книгах 1539/40 г. и 1580 г. Это поселения и ненаселённые местности в округе с. Березник в волости Воловичи.³ Группа состоит из 24 объектов, включая с. Березник. При сравнении данных о количестве жилых дворов выявлено следующее: количество дворов в поселениях уменьшилось в девяти случаях (включая восемь случаев полного запустения). В девяти других случаях число дворов увеличилось, в остальных же осталось таким же. При этом в книге 1580 г. есть указания на моровое поветрие, однако, как нам кажется, его значение не стоит преувеличивать, поскольку чаще имеются упоминания о том, что крестьянин выехал или сбежал в другую деревню. Так писцовая книга 1580 г. фиксирует как крестьянин Лукьянко (Луккаш) Яковлев вышел из д. Перепечино в д. Дедово (состоящих в рассматриваемой нами выборке), стал там жить во дворе ранее

¹ Дегтярев А.Я. Указ. соч. – С. 111-113.

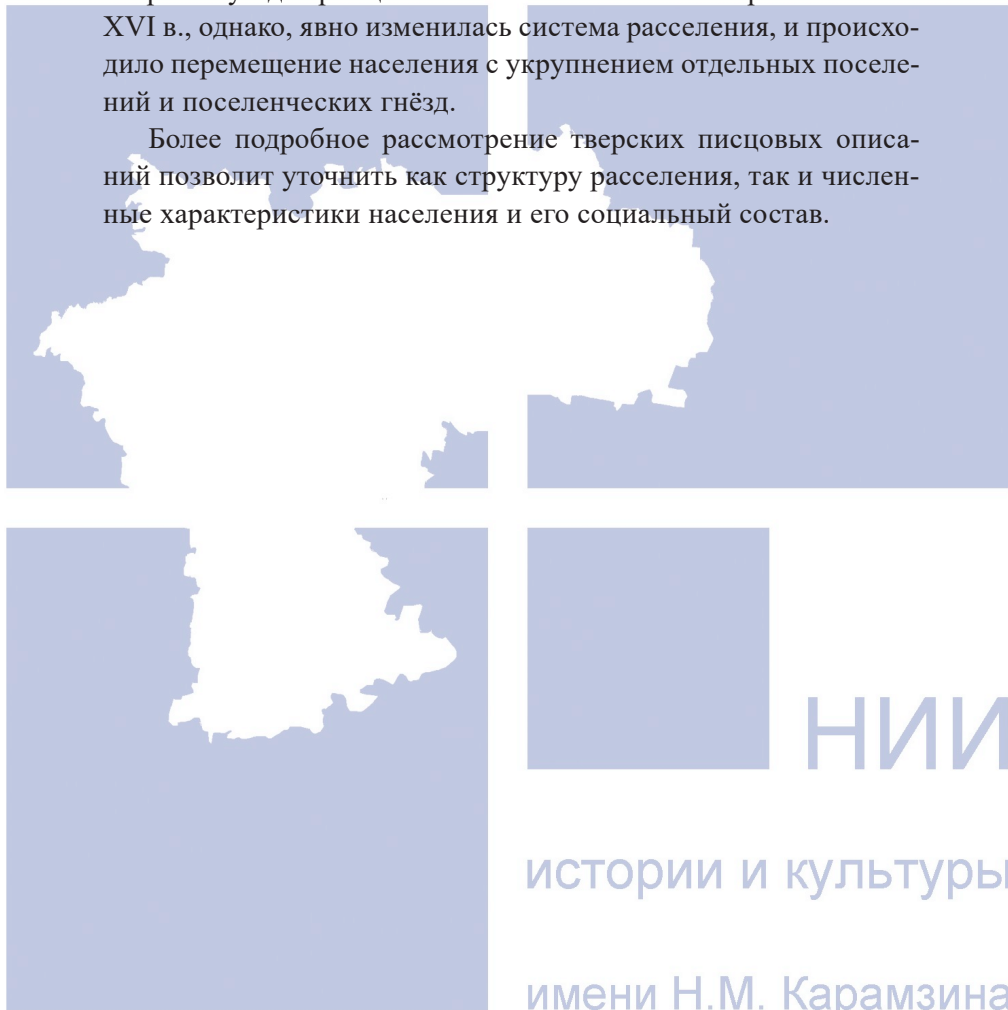
² Кутаков С.С. Удел великого князя тверского Симеона Бекбулатовича // Русская история, 2015, № 1 (32). – С. 104-108.

³ Писцовая книга 1539/40 г. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. – С. 27-28; Писцовая книга 1580 г. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. – С. 321-325.

Историческая демография

принадлежавшему Спирке Васильеву, которого, в свою очередь, «вывезли за Воина Васильевича Киндырева»¹. Таким образом, можно предположить, что численные показатели населения в Тверском уезде принципиально не менялись во второй половине XVI в., однако, явно изменилась система расселения, и происходило перемещение населения с укрупнением отдельных поселений и поселенческих гнёзд.

Более подробное рассмотрение тверских писцовых описаний позволит уточнить как структуру расселения, так и численные характеристики населения и его социальный состав.

¹ Писцовая книга 1580 г. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. – С. 321, 325.

ББК (С) 60.7

УДК 314.68

Полевая А.В.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
КРЕСТЬЯНСКИХ И БОБЫЛЬСКИХ ДВОРОХОЗЯЙСТВ
В КАШИНСКОМ УЕЗДЕ И БЕЖЕЦКОМ ВЕРХЕ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Российское крестьянство как крупнейшая социальная группа давно находится в поле зрения исследователей. Сравнительно полно изучены вопросы правового статуса, хозяйственной жизни, самоуправления. Но демографические аспекты истории раннего Нового времени сравнительно недавно стали предметом самостоятельного исследования. Эта ситуация во многом объясняется состоянием источниковой базы: в основном изучались правовые документы и актовый материал, а массовые источники – писцовые материалы – к изучению по теме крестьянства практически не привлекались. Тем не менее, в историографии рассматривались вопросы численности и структуры семьи, региональные и временные особенности преобладающих типов семьи.

Надо сказать, что изучение такой демографической характеристики, как семейный состав крестьянских и бобыльских дворохозяев не только даёт более широкое представление о крестьянстве, но и позволяет прояснить определение некоторых терминов, которыми в источниках характеризуется состав средневекового крестьянства.

Основными источниками для моего исследования стали Кашинская писцовая книга 1628-1629 гг.¹ и Бежецкая писцовая книга 1627-1629 гг.² Для более полного представления о крестьянских и бобыльских дворохозяевах Кашинского уезда и Бежецкого

¹ Кашинская писцовая книга 1628-1629 гг. – Кимры, 2006.

² Писцовая книга 1627-1629 гг. поместных, вотчинных и порозжих земель в станах Городецком и Каменском письма и меры Д.П. Свечина // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 24. Части 1 и 2.

верха в середине XVII в. была поставлена задача проанализировать состав дворов в каждом стане. В используемых источниках упоминаются два разряда дворов: крестьянские и бобыльские (в городе: посадские и бобыльские). Основные задачи состоят в определении демографической структуры семей этих групп и в выявлении преобладающего типа семьи.

Главой крестьянской семьи, как правило, являлся взрослый крестьянин мужского пола или бобыль. В Дубенском стане насчитывается 123 крестьянских двора и 101 бобыльский двор.¹ Но при этом дворов, в которых помимо самого дворохозяина, упомянуты ещё какие-либо родственники крайне мало (30%). Остальные дворохозяинства (70%) состояли из одиночек. Можно предположить, что бобыль был женат, но не имел детей или имел детей женского пола, которые не зафиксированы в писцовой книге. Состав крестьянской семьи в Дубенском стане был разнообразным. Наиболее часто встречается указание на проживание в дворохозяинстве сына или сыновей, или пасынков (40% дворов). Наличие пасынков в крестьянских семьях говорит о том, что крестьянин брал в жены женщину с ребенком. Возможно, эта женщина на момент замужества была или беременной, или вдовой.² Довольно часто упоминаются крестьянские дворы, где дворохозяин проживал со своим братом или братьями, родным или двоюродным (22,2%). Имеется несколько примеров, когда во дворе крестьянин жил не с одним братом, а с тремя и даже четырьмя братьями.³ Помимо братьев в крестьянских дворах упоминаются племянники. Дворохозяинств, состоящих из главы и племянника, в Дубенском стане было 13%.

В Пулицком стане насчитывалось 249 дворов, из которых 122 двора крестьянские, а 127 – бобыльские. Здесь количество крестьянских дворов с семьей – 34%, а бобыльских – 15% или всего дворов с семьей – 24,5% от общего числа. Соответственно, дворохозяинства с одиночками составляли половину от общего числа дворов. В целом особых различий в семейном составе между Дубенским и Пулицким станом нет.

¹ Кашинская писцовая книга 1628-1629 гг. – С.7-77.

² Соборное уложение 1649 года. – М., 1961. – Гл. XI. Ст.13-15.

³ Кашинская писцовая книга 1628-1629 гг. – С. 28.

Дворов, где крестьянин проживал с сыном или с двумя сыновьями, с пасынком либо приёмным насчитывалось около 33,3%.

Распространённым типом семьи среди крестьянских дворохозяев оставалась неразделённая братская семья. Насчитывается около 21% дворов, где старший брат – глава семьи проживал только с братом или двумя братьями. Стоит отметить, что впервые в источнике упоминается термин «приемыш» – приёмный сын крестьянина или бобыля. В Пудицком стане данный термин упоминается всего 2 раза.¹ Около 19% дворов состояли из крестьянина и его племянника. Заметно меньше, по сравнению с Дубенским станом, упоминаний о таких родственниках как зятя и шурины. Имеются упоминания о вдовах. Вдовы упоминаются как землевладельцы – 4 вдовы-помещицы и 2 владелицы вотчин. Вдова как владелица двора упоминается однажды, в остальных же случаях вдова живёт во дворе крестьянина или бобыля, в одном случае даже с дочерью.²

В вотчине Вознесенского девичья монастыря сконцентрирована основная часть крестьянских и бобыльских дворов. Из 49 дворов 34 принадлежали монастырю. Стоит отметить, что численно бобыльские дворы в данном стане преобладали над крестьянскими. Всего крестьянских дворов с семьёй – 56%, а бобыльских дворов – 46%. В данном стане дворов, в которых помимо дворохозяина проживал ещё кто-либо из родственников, – 51%. В Гостунском стане большое распространение имела семья, состоящая из крестьянина с племянником (46%) и бобыля с племянником (42%). Остальные семьи были распространены в меньшей степени. Стоит отметить,³ упоминание в одном из бобыльских дворов свояка. Данный термин говорит о том, что иногда в одном дворе проживали дальние некровные родственники, например, муж сестры жены. В целом, по данному стану сложно делать какие-либо существенные выводы, но следует указать на преобладание здесь нуклеарных домохозяйств и большое количество дворов, состоящих из одного дворохозяина без детей (47%). Так-

¹ Кашинская писцовая книга 1628-1629 гг. – С. 119, 122.

² Там же. – С. 122.

³ Там же. – С. 155.

же можно отметить преобладание неразделённых семей, состоящих из дворохозяина и племянника.

Описание Кимрской дворцовой волости начинается с описания села Кимра. Село располагалось на обоих берегах р. Волги, крестьяне здесь обозначены как рыбные ловцы, из чего можно сделать вывод, что одним из основных занятий крестьянского населения села была рыбная ловля. Что же касается состава семей в данном селе, то крестьянские семьи в своем подавляющем большинстве состояли из крестьянина и сына (61%). Помимо крупного села Кимра, в Кимрской дворцовой волости находилось еще 58 деревень. Соотношение здесь дворохозяиств с семьёй и без семьи значительно отличается от предыдущих трёх станов (88,5% с семьей и 11,5% одиночек). Это можно объяснить тем, что Кимрская дворцовая волость была экономически развитой и давно заселённой территориальной единицей, с большим количеством населённых дворов.

Самой распространённой крестьянской семьей в этих деревнях была семья, состоящая из крестьянина и сына или крестьянина с двумя сыновьями (в двух случаях с тремя сыновьями) – 32%. Стоит отметить, что в описании Кимрской дворцовой волости содержится много упоминаний о приёмьшах. Доля семей, состоящих из крестьянина и приёмьша, или из его сына и приёмьша (в двух случаях два приёмьша), либо из двух сыновей и приёмьша составляла примерно 26%. Если суммировать все семьи, состоящие из крестьянина и его детей (родных, приёмьшей или пасынков), то таких семей было 63%. Исходя из этого, преобладание малой двухпоколенной семьи в крестьянских дворах очевидно. Стоит также отметить, что в Кимрской дворцовой волости семьи по своему составу были очень разнообразны. Помимо двухпоколенной семьи, были примеры и трёхпоколенной. Самая распространённая трёхпоколенная семья состояла из крестьянина, сына, приёмьша и сына приёмьша. В описаниях других семей волости встречались такие родственники как брат, зять и племянник, но их количество было незначительно.

После рассмотрения дворохозяиств Кашинского уезда целесообразно перейти к анализу дворохозяиств Бежецкого Верха.

Территории этих уездов были сопредельными, к тому же основной источник исследования – Бежецкая писцовая книга по хронологическим рамкам совпадает с Кашинской.

В Городецком стане Бежецкого уезда даётся описание трёх типов землевладения – поместья, вотчины и монастырской вотчины. Для начала следует рассмотреть семейный состав крестьянских дворохозяев. Всего в поместном землевладении насчитывалось 100 крестьянских дворохозяев. Среди них можно выделить два преобладающих типа – дворы, состоящие из одного дворохозяина и дворы, где крестьянин проживал с детьми. В 30 дворохозяев (30% от крестьянских дворов в поместном землевладении) крестьянин проживал один. Дворов, где крестьянин проживал с сыном либо с детьми, насчитывалось 42 (42%). Число дворохозяев, где крестьянин проживал только с сыном, составляло 16%; где проживало двое детей – 18%; трое детей – 6%; четверо-пятеро детей – 2%. Стоит отметить, что детей мужского пола в семье крестьянина преимущественно было один-два. Многодетные крестьянские семьи встречались крайне редко и не были распространены.

Также стоит выделить дворохозяев, где крестьянин проживал с братом (7%), с племянником (4%), с пасынком (2%) и шурином (2%). В 12 дворохозяев (12%) обнаружены сложносоставные семьи, где помимо крестьянина проживали племянник и сын, сын и пасынок, пасынок и племянник, брат и сын или сын и зять.

В вотчинных землевладениях количество крестьянских и бобыльских дворов было значительно меньше, чем в поместных. Всего насчитывалось 22 крестьянских и 53 бобыльских дворохозяев. В девяти дворохозяев крестьянин проживал один (41% от всех вотчинных крестьянских дворохозяев). Также встречались дворохозяев, где крестьянин проживал с сыном – 18 %, с племянником – 9 %, с братом – 4,5%. В шести дворохозяев крестьянин проживал с детьми и пасынком, с детьми и с внуком, с детьми и приёмшем.

После описания светских владений рассмотрим землевладения духовные. В Бежецкой писцовой книге даётся описание вла-

дений крупнейшего монастыря XVII в. – Троице-Сергиева (дачи великого князя Дмитрия Юрьевича). Дворы в монастырской вотчине также делятся на крестьянские дворохозяйства и бобыльские. Но во всех описываемых дворохозяйствах отсутствуют упоминания о каких-либо родственниках. Техническую причину подобного назвать сложно. Следовательно, можно предположить, что в дворохозяйствах проживал либо один крестьянин, либо один бобыль без семьи. Всего в монастырской вотчине в Городецком стане насчитывалось 125 дворохозяйств крестьянских и 139 бобыльских.

В Каменском стане в вотчинных владениях насчитывалось 21 крестьянское дворохозяйство, в 17 из которых крестьянин проживал один, в двух – с братом, по одному – с племянником и с детьми.

В монастырской же вотчине Каменского стана насчитывалось большее количество дворохозяйств. Среди крестьянских дворохозяйств, как и среди дворохозяйств в вотчине Троице-Сергиева монастыря, преобладали дворохозяйства, состоящие из одного крестьянина. Из 65 упоминаемых дворохозяйств – 61 (93,8 %) состояло из крестьянина без семьи. Также есть единичные упоминания о дворохозяйствах, где крестьянин проживал с племянником, с братом и с шурином.

В Пироговском стане в поместном землевладении насчитывалось девять крестьянских дворохозяйств и 14 бобыльских. В двух дворохозяйствах крестьянин проживал один (22,2%) и в двух проживал с сыном (22,2%). По одному разу встречаются упоминания о племяннике, пасынке, шурине. В одном дворохозяйстве крестьянин проживал с детьми.

В вотчинном землевладении в Пироговском стане упоминалось 13 дворохозяйств крестьянских и 20 бобыльских. В девяти дворохозяйствах крестьянин проживал один (69,2%). Также имеются единичные упоминания о дворохозяйствах, где крестьянин проживал с сыном, с братом и зятем (всего 30,8%).

В Ивановском стане в поместном и вотчинном землевладениях число крестьянских дворохозяйств составляло 33. Преобладающим типом по-прежнему оставалось дворохозяйство, где

крестьянин проживал один без семьи. Таких крестьянских дворохозяйств насчитывалось 26 (78,8%). Но, помимо этого, упоминались и дворохозяйства с семейным составом. В трёх дворохозяйствах крестьянин проживал с сыном (9%), в двух с детьми (6%). Также по одному разу упоминаются дворохозяйства, где крестьянин проживал с племянником и с пасынком.

В целом среди крестьянских дворохозяйств Кашинского и Бежецкого уездов в первой половине XVII в. преобладали дворохозяйства, состоявшие из одиночек, и дворохозяйства нуклеарные, состоявшие из малой семьи. При этом первые доминировали (49,6% в Кашинском и 72% в Бежецком уезде, но здесь без учёта многочисленных одиночных дворохозяйств вотчины Троице-Сергиева монастыря – 58,6%). Среди крестьянских дворов с семейным составом преобладание получила малая двухпоколенная семья (24,7% в Кашинском и 39% в Бежецком уезде). Расширенное дворохозяйство, состоявшее преимущественно из неразделённой братской семьи, составляло также представительную группу (19,5% в Кашинском и 18% в Бежецком уезде). Отметим, что остальные дворохозяйства были очень разнообразны по своему составу, включали в себя различных кровных и некровных родственников, но их совокупное количество было незначительным.

Вернёмся к дворохозяйствам бобылей. Содержанию этого термина и, как следствие, социальным характеристикам бобыльства, придавался хозяйственный оттенок. Так, в толковом словаре В.И. Даля «бобыль» определялся как крестьянин в целом бесхозяйственный, не владеющий землей и не занимающийся ремеслом и промыслами вследствие «бедности, калечества, одиночества». Этот крестьянин по Далю «нетяглый», «одинокый» «бездомный».¹ Но И.И. Срезневский сводил определение бобыля только как к безземельному крестьянину.²

Действительно, большое количество бобыльских дворов Кашинского уезда, состояли из одиночек (79%). Однако в осталь-

¹ Бобыль // Толковый словарь Даля [электронный ресурс]. – URL: <http://slovardalya.ru/description/bobyl/1922> (дата обращения: 28.03.2015).

² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1893. – С. 125.

ных дворах бобылей проживали различные родственники. Так, в Дубенском стане были семьи бобылей, состоявшие не только из детей, но и из брата, зятя или племянника. В Дубенском стане насчитывалось около 41% дворов, где бобыль проживал с сыном¹. В Пудицком стане среди бобыльских дворов заметно преобладание неразделённой братской семьи. В 47% дворов бобыль проживал только с братом. В остальных бобыльских дворах можно выделить два преобладающих состава семьи: дворохозяина и сына, и дворохозяина с племянником.

В селе Кимра бобыльские дворохозяинства в основном состояли из бобыля и сына/или двух сыновей (50%). О ремесленных занятиях бобылей свидетельствуют упоминания о сапожниках, портных, кузнецах, плотниках. В Кимрской дворцовой волости тоже можно заметить преобладание малой бобыльской семьи: бобыль и его сын/либо два сына (28% от всех бобыльских дворов). А в целом семьи, состоящие только из бобыля и его детей (родных, пасынков или приёмных) составляли здесь примерно 45%.

Подобные сведения о бобылях содержатся и в Бежецкой писцовой книге 1627–1629 гг. В Городецком стане Бежецкого верха в поместном землевладении насчитывалось 141 бобыльских дворохозяинства. Среди них преобладали дворохозяинства, где проживал один бобыль (53%). В 19,9% дворохозяинств бобыль проживал с сыном, в 5,7% – с племянником, в 2,1% – с братом. Очень показательно, что к числу бобыльских дворохозяинств переписчиками были отнесены дворы вдов-бобылок (в Городецком стане таких дворов насчитывается 11), и вновь вдова упоминается с детьми или с сыном (8 упоминаний). В вотчинных владениях среди бобыльских дворов большинство состояли из одного бобыля (55%), но в 18,9% бобыль проживал с сыном/или с детьми. Имеются также упоминания о племяннике (7,5%), брате (3,8%) и о зяте (1,9%).

В Каменском стане Бежецкого уезда в вотчинном землевладении бобыльских дворохозяинств насчитывалось всего 23, из которых в 16 бобыль проживал один, в четырёх – с племянником, в двух – с братом и в одном с зятем.

¹ Кашинская писцовая книга 1628-1629 гг. – С. 29.

В Пироговском стане в поместьях насчитывалось 14 бобыльских дворов, из которых в 9 бобыль проживал один (64,3%), в двух – с сыном и в одном – с детьми. Имеется также упоминание о вдове с сыном. В вотчинах Пироговского стана упоминается 20 бобыльских дворов, из них в 12 бобыль проживал один (60%), по одному – с детьми, с сыном, с племянником, с братом и зятем.

Если сравнить по семейной структуре дворы бобылей с крестьянскими дворами, приходится констатировать их абсолютное тождество. Из этого следует, что исчерпать характеристику бобыля определением «одинокий» нельзя.

Для дальнейшего рассмотрения вопросов о семейном статусе бобылей были привлечены сведения переписной книги города Кашина 1646 г. («Список с переписных Кашинских книг переписи Гаврилы Юшкова да подьячего Кирилла Семенова»).¹

В книге зафиксировано 379 дворов, из которых 242 двора посадских и 137 – бобыльских. Этот факт заставляет сделать вывод о том, что «бобыль» не был сугубо сельским жителем. Подобно сельской местности, дворы бобылей в городе упоминаются как без семьи (24,8 %), так и с семьями (Только с сыном или с детьми. Число детей варьируется от двух до пяти.). Остальные родственники в составе двора упоминаются редко. Имеется четыре упоминания дворов, где бобыль проживал с пасынками (от одного до трёх пасынков). В трёх дворах бобыль проживал с сыном и братом, по одному разу упоминаются в бобыльских дворах шурины и племянник. Имеется одно интересное упоминание многодетной семьи, состоявшей из пяти сыновей и одного внука.

В Переписной книге города Кашина упомянуты дворы вдов-бобылок (21 упоминание). Как и у бобыля, у вдовы-бобылки была семья, состоявшая в основном из самой вдовы и её детей (16,7%): количество детей насчитывалось от двух до четырёх. По одному разу вдова-бобылка упоминается с пасынком, с сыном и с братом.

Приведённые данные позволяют, во-первых, утверждать, что бобыли – с семьей или без неё – встречаются как в деревне, так и в городе. Из этого следует, что «бобыль» не был сугубо деревен-

¹ Кункин И.Я. Город Кашин. – М., 1903. – С. 32.

Историческая демография

ским явлением, как крестьянин (или посадский – для города), следовательно, этот термин нельзя интерпретировать только с точки зрения определения социального или имущественного статуса.

Во-вторых, нельзя не заметить тот факт, что в бобыльских дворах и на селе, и в городе преобладало нуклеарное дворохозяйство. Но семьи бобылей состояли не только из одного человека. Из этого вытекает то, что определение бобыля как бездетного, одинокого крестьянина не имеет под собой оснований. Подчёркнём при этом, что описание бобыля, как человека, не имеющего своей пахотной земли, своего хозяйства, также не доказательно. Сведения писцовых книг указывает на то, что за бобылями были закреплены земельные наделы разных размеров.

В-третьих, важно также отметить, что, с одной стороны, при описании бобыльских дворов упоминаются и дворы вдов, а с другой – в Переписной книге Кашина и в Бежецкой писцовой книге нередко встречаются термины «вдовы-бобылки» и «бобылицы».

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.6

УДК 311.21

Мельников Ю.Н.

**ВОЗМОЖНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И
ПОЗЕМЕЛЬНОГО УЧЁТА ПО ПИСЦОВЫМ КНИГАМ
(НА ПРИМЕРЕ ПИСЦОВОЙ КНИГИ КАРСУНСКОГО
И СИМБИРСКОГО УЕЗДОВ 1685 – 1686 ГГ.)**

Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области в 2014 г. опубликовал Писцовую книгу Карсунского и Симбирского уездов 1685 – 1686 гг. Это один из самых ценных источников по истории Симбирского Поволжья второй половины XVII в.

Считается, что последнее общее описание в России было предпринято в 1684–1685 гг., но осталось незавершённым. Данная писцовая книга была составлена сразу после этого, что необычно.

Ко времени составления писцовой книги Карсунский и Симбирский уезды входили в Симбирский разряд. Разряды как военно-административные территориальные единицы (в отличие от росписей войска) были предшественниками провинций и губерний Петра I. Симбирский воевода возглавлял и Симбирский разряд, и Симбирский уезд. Карсунский же управлял подведомственным уездом по ограниченному кругу вопросов. По сведениям писцовой книги, солдаты выборного полка, размещённые в Карсунском уезде, подчинялись симбирскому воеводе. Карсунский воевода после окончания службы сдавал дела не своему сменщику, а симбирскому воеводе. Жители Карсунского и Симбирского уездов официально назывались симбирскими², что позволяет рассматривать уезды как единое целое. Однако под описание, о котором идёт речь, попала толь-

¹ Гуркин В.А. Симбирскоеведение. Основные этапы истории изучения Симбирского Поволжья. – Ульяновск: УлГТУ, 2009. – С. 34.

² Отписка Дмитрия Новгородова царю Петру Алексевичу о смотре симбирских солдат на реке Кададе и о походе через Саратов на Азов // Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 год. – Пенза: Губ. тип. 1888. – С. 346-347.

ко западная часть Симбирского разряда.

Внутренние границы разряда имели естественно-географический характер. К западу от Волги с юга на север протекала река Барыш, делившая большую часть разряда на восточную и западную части: между рекой Волгой и рекой Барыш, между Барышом и рекой Сура. На восточном берегу Волги к разряду относился только город Белый Яр. При этом от Волги на востоке до Суры на западе была проложена засечная черта, которая делила разряд на южную и северную части. Внутренние границы разряда походили на крест, но делили её на два неравных уезда. Это и отобразилось в писцовой книге.

В северо-западном секторе разряда находились город Карсун и Подгородный стан, составлявшие небольшой Карсунский уезд. Только одно поселение этого стана располагалось на восточном берегу реки Барыш. В юго-западном секторе находился Завальный стан, который входил в Симбирский уезд. В юго-восточном секторе – Забарышский стан Симбирского уезда. В северо-восточном находился город Симбирск, а также центральный стан Симбирского уезда, название которого не удалось установить.

Описанием были охвачены город Карсун, Подгородный стан и Завальный стан. В описание попали также те поселения Забарышского стана, которые располагались на западном берегу реки Барыш и имели земельные владения по обоим берегам реки, то есть и в Завальном стане, и в Забарышском. Вне описания оказались также город Симбирск, центральный стан Симбирского уезда и город Белый Яр за Волгой.

Но даже в этой западной половине разряда, которая была охвачена описанием, зафиксированы не все поселения. Пропущенные упоминаются в описаниях межей (границ) земельных владений, в списках понятых (свидетелей), которые подтверждали правильность проведения межей, и в списках пришлых (беглых) людей.

В северной части Карсунского уезда под описание не попали Лава, Малый Барышок и Ольховка. Пропуск этих поселений можно было бы объяснить тем, что это были вотчины. Их владельцы имели особый иммунитет, поэтому вотчины в состав станов не

входили. Однако этой гипотезе противоречит пример Ольховки: она была поместным владением, а не вотчинным. Можно предположить, что эти поселения входили в соседний Алатырский уезд. Но сведения об этом не обнаружены.

В срединной части Карсунского уезда не были описаны Кошелевская Слобода, Малый Карсунов, Нагаево, Сухой Карсунов, Уразовка. Предположение о том, что эти поселения входили в соседний западный Алатырский уезд, неверно: между ними и Алатырским уездом был «чёрный» (непроходимый) лес. И нет никаких сведений о дорогах между ними и поселениям явно Алатырского уезда.

Под описание не попали и южные поселения уезда: Аргаш, Архангельская Слобода, Коноплянка, Кудеево, Новый Починок, Покровская Слобода, Тальск (Тальский острог). Сведений об их гипотетическом вхождении в Алатырский уезд не обнаружены. Большинство этих поселений были отгорожены от Алатырского уезда огромным лесным массивом. Лишь у некоторых из них были дороги, связывающие с поселениями соседнего уезда.

При этом следует отметить, что поселения Алатырского уезда в писцовой книге называются алатырскими, даже если некоторые из них располагались на восточном берегу реки Суры, которая служила общей границей Алатырского и Карсунского уездов.

По Забарышскому стану Симбирского уезда картина более определённая. Абсолютное большинство описанных и неописанных поселений располагались чересполосно. В восточной части стана под описание не попали поместные владения симбирских дворян Зимнинского (с Зайцевым и Романовым), Зиновьева, Фитюлина. В южной части – поместные владения симбирских дворян Ворыпаева, Кезомина, Кровкова, Суботина. Все они упоминаются как владения, соседствующие с описанными. Хотя административная принадлежность этих неописанных владений к Завальному стану не вызывает сомнений.

Для Завального стана показателен пример с Верхней Тувармой, находившейся примерно в его срединной части. К северо-западу от неё была Верхняя Мордовская Туварма, а к юго-востоку – Нижняя Туварма. Эти поселения попали в описание, а

Верхняя Туварма нет. Хотя нет никаких оснований сомневаться в том, что она входила именно в этот стан. В юго-западной окраине Завального стана не попали под описание владения пензенского дворянина Песьяухова и стряпчего Сталыпина. Административная принадлежность первого владения (Пензенский уезд) несомненна. Владение стряпчего, скорее всего, было вотчиной, но окончательно определить его административную принадлежность можно будет после уточнения границ Пензенского и Симбирского уездов.

Как видно, значительная часть поселений Карсунского уезда и Завального стана Симбирского уезда не была охвачена описанием. Отметим, что в более ранней писцовой книге Казанского уезда некоторые поселения этого уезда также не были описаны.¹ В случае с Симбирским разрядом можно предположить с большой долей вероятности то, что были описаны поселения, где существовали земельные споры. Примечательно, что для этих поселений были характерны переселение на другой берег реки, обмен или раздел земель, отделение от другого поселения, подселение в существовавшее поселение, спор о границе владений, недавнее основание поселения. Особенно острыми были пограничные конфликты между стрельцами и казаками Карсуна, между солдатами Воздвиженской слободы и служилыми татарами Горенок. Для их преодоления использовались выписи из документов приказа Казанского дворца, опрашивались старожилы и в качестве понятых привлекались священники. Можно считать, что одной из целей описания было урегулирование всех этих масштабных изменений. Вероятно, в поселениях, не попавших под описание, изменений не было, или они были несущественными.

Всего было описано 31 поселение Карсунского уезда и Завального стана Симбирского уезда. С учётом того, что описанный Карсун состоял из Большого Карсунова и трёх слобод (Казачья, Пушкарская, Стрелецкая), можно считать, что всего описаны 34

¹ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. – М.: ИРИ, 2001. – С. 8–9.

поселения. Не описано 38, т. е. соотношение примерно 47% и 53%. Из неописанных упомянуты 25, а 13 поселений не упоминаются, но об их существовании нам известно по другим источникам (это Бекетовка, Бояркино, Валгуссы, Выползово, Касаурская Слобода (Аксаур), Ксарская Слобода (Палатово), Проломиха, Сокольский Острог, Сосновка, Сурский Острог (Первомайское), Тияпино, Чамзинка, Челдаево).

Экстраординарно то, что в описанных поселениях не были описаны большие группы дворов. И здесь обнаруживается примерно такое же отношение между описанным и неописанным.

Есть прямое сведение о пропуске в описании дворов. В Маисской Слободе описаны дворы солдат во главе с Корташёвым и только упомянуты солдаты во главе с Завьяловым. Но полный масштаб пропусков обнаруживается путём сравнения описаний дворов со списками межеотводчиков и понятых. Следует иметь в виду, что списки межеотводчиков и понятых в писцовой книге дублируются в удостоверительных записях площадных подьячих, священников, грамотных межеотводчиков и понятых. Из всех межеотводчиков и понятых 224 встречаются в описаниях дворов, а 201 – нет (соотношение 53% и 47%).

В подсчёте дворов учитывалось, что межеотводчиками и понятыми могли быть не только владельцы дворов (полноценные юридические лица), но также их престарелые отцы, взрослые дети и младшие братья (родные и двоюродные), зятья и шурья, племянники, а также половинщики, третчики и четверщики (неполноценные юридические лица). Из подсчёта исключены дети в возрасте 15 лет и младше, которые также не были женаты и приняты на службу или в тягло (государственные повинности).

В ходе подсчётов учитывалось разнообразие в написании имён: Аверчка и Оверьчка, Куземка и Куська, Сергунка и Серрёшка. По этой причине некоторые имена сложно отождествлять с нормативными. В основном это относится к мордовским, чувашским и татарским именам. Они часто искажались русскими писарями, иногда существенно (например, Тойдяк и Додачка). Таким же было разнообразие в написании отчеств и фамилий.

Кроме того, учтено также то, что во второй половине XVII века не все имели фамилии и даже прозвища. Многие назывались с отчеством в форме фамилии (например, Иванов, а не Иванов сын или Иванович).

Расхождения в отчествах и фамилиях можно было бы объяснить ошибками писцов. Но в описании дворов (таких дворов сотни), обнаружены только три явные ошибки. А в указании расстояний между пограничными столбами и дубами (таких расстояний около тысячи) обнаружено только пять ошибок. Невозможно доказать, что в списках межеотводчиков и понятых были допущены ошибки, которые в десятки раз превышают ошибки в описании дворов и при межевании.

В обозначении людей обнаружено только одно повторяющееся расхождение. В описаниях дворов мордовские мурзы названы по фамилиям их предков, князей. При этом сами они князьями уже не были и именовались титулом «князь» или «княж», то есть княжий потомок. А в списках межеотводчиков и понятых они чаще всего названы с отчеством в форме фамилии. Например, Томила Ктесев, а не Томила Ктесев сын Рамоданов. Но такие лица всегда были названы мурзами, в отличие от служилой мордвы и ясачных мордовских людей.

В описаниях жителей русских дворов, в списках русских межеотводчиков и понятых такого повторяющегося расхождения не обнаружено. Есть лишь один доказанный случай применительно к старожилу Кандаратской Слободы Кирюшка Савельев сын Зборщикова (также Кирюшка Савельев, Кирей Савельев, Кирюшка Зборщикова и Кирюшка Савельев). В абсолютном большинстве других случаев подтверждающих сведений нет. В этом проявились русские реалии XVII века. Номенклатура имён определялась православной церковью и была строго ограниченной. Фамилии ещё только возникали, и их естественная номенклатура была тоже ограниченной. Это вызывало частое совпадение имён и отчеств, имён и фамилий различных людей. В писцовой книге обнаружено даже полное совпадение имени, отчества и фамилии двух людей, проживавших в соседних поселениях. Поэтому при сравнении списков межеотводчиков и понятых с описаниями дворов для

подтверждения предположения об одном человеке с данным именем и отчеством использовалось третье, независимое сведение.

Масштаб пропусков обнаруживается также путём сравнения описаний дворов со списками владельцев речных мельниц, рыбных ловель в реках и озёрах, бобровых гонов, бортных ухажеев (лесных пасек). При этом в подсчёте использованы те же два условия: владельцами мельниц, ловель, гонов и ухажеев могли быть не только дворовладельцы; не все они имели фамилии или прозвища. Среди этих лиц 62 в описаниях дворов упоминаются, а 50 нет (примерное соотношение 55% и 45%).

Совпадение двух примерно одинаковых отношений в описании дворов невозможно объяснить ошибками учитываемых людей, которые представляли «сказки», ошибками писцов, которые проводили описание, или писарей, которые по результатам описания составляли писцовую книгу. Рациональное объяснение обнаруженного явления может быть только одним – в писцовой книге описано мужское население половины дворов. Значит, мы имеем дело с выборочной переписью мужского населения. Общее объяснение этому тоже есть. Описание Симбирского разряда связано или с продолжением реформаторской политики царя Фёдора Алексеевича, или с нововведением «правительства» Софьи Алексеевны.

Вывод о сознательной выборочной переписи подтверждается тем, что в писцовой книге проявилось целенаправленное оперирование писцами составом учтённых мужчин. С одной стороны, сравнение списков понятых с описаниями дворов показало, что в описаниях названы 148 человек, а 188 – нет (примерное соотношение 44% и 56%). Но с другой стороны, сравнение списков межеотводчиков с описаниями дворов показало, что в описаниях названы 72 человека, а нет – только 12. Соотношение составляет уже примерно 87% и 13%. Объяснение этому следующее. Понятые лишь подтверждали то, что сделали межеотводчики. Юридическая роль понятых была второстепенной. Поэтому писцы отбирали в понятые равные доли из учтённого и неучтённого мужского населения. А межеотводчики при воз-

никновении поземельных споров становились главными свидетелями истинного проведения межи. Их юридическая роль была определяющей. Поэтому писцы старались отобрать межеотводчиков из учтённого мужского населения.

Однако в писцовой книге есть ещё особый список межеотводчиков. Они были подобраны для того, чтобы юридически закрепить разрешение особо длительного и ожесточённого поземельного спора между казаками и стрельцами Карсуна. В период спора была проведена ложная межа. Для определения истинной запрашивались документы из Приказа Казанского дворца, в ведение которого входил Симбирский разряд; писцы опрашивали старожилов из соседних поселений. Привлекались священники. Поэтому, кроме межеотводчиков Казачьей и Стрелецкой слобод Карсуна, были привлечены «сторонние» межеотводчики. Первые проводили всю межу, а «сторонние» – только её спорный участок, но совместно с первыми. Этим самым особые межеотводчики помогали решить задачу усиления юридической доказательности, получив по факту особый «статус». Отсюда и результат подбора особых межеотводчиков-понятых. При этом 9 человек названы в описаниях дворов соответствующих поселений, а 9 человек не названы. То есть, как и в случаях с обычными понятыми, проявилось стремление писцов подобрать равные доли из учтённого и неучтённого мужского населения.

Есть основания считать, что перепись мужского населения и учёт земельных владений не были одинаковыми. Так, в Карсуне была переписана только часть мельников, которые находились на государственном жаловании. Здесь тоже описывали половину дворов. Хотя в городе были две государственные мельницы, которыми руководил один мельник, но под описание попали дворы одной из мельниц (вместе с двором руководителя).

В описании межей преследовалась цель зафиксировать границы всех земельных владений поселений, которые были охвачены описанием. В итоговом описании каждой межи указаны соседние владельцы, в том числе и владельцы земель неописанных поселений. Сравнение этих итоговых описаний показывает, что в абсолютном

большинстве случаев пропусков границ земельных владений нет.

Единственное исключение – Маисская Слобода. Одновременно это и единственное поселение, по которому есть прямое сведение об описании половины дворов. Интересно, что в итоговом описании межи показана граница между землями дворов, попавших и не попавших под описание. Но Маисская Слобода находилась в юго-западном углу Симбирского разряда. Её земельные владения клином вдавались в смежные территории Пензенского и Алатырского уездов. Что-то вынудило писцов действовать в этом клине нестандартно. Этот исключительный случай можно будет оценить, только если в других писцовых, переписных, межевых книгах будут обнаружены и систематизированы подобные случаи.

Итак, выявлены четыре свойства данной писцовой книги: описание половины Симбирского разряда, описание половины поселений этой части, описание половины дворов в каждом описанном поселении, описание всех земельных владений описанных поселений (за одним исключением).

Массовое исключение из описания части поселений нельзя считать специфическим свойством только данной писцовой книги. Явление характерно, по крайней мере, для других описаний второй половины XVII в. Изучать его как типичное необходимо путём сравнения сведений всех писцовых, переписных и межевых книг второй половины XVII в. Важнейшее значение имеет установление факта выборочной переписи мужского населения. Этот факт позволяет, в частности, переосмыслить проблему преемственности реформ Фёдора и Софьи. Можно согласиться с тем, что борьба вокруг некоторых реформ Фёдора Алексеевича продолжилась и после его смерти.¹

Таким образом, можно утверждать, что сведения данной писцовой книги неполны, однако эти сведения репрезентативны.² Население Симбирского разряда переписано не по всем сторонам, но с одинаковой степенью детальности по т.н. «избранным

¹ Богданов А.П. В тени великого Петра.– М.: Армада, 1998. – С. 245-246.

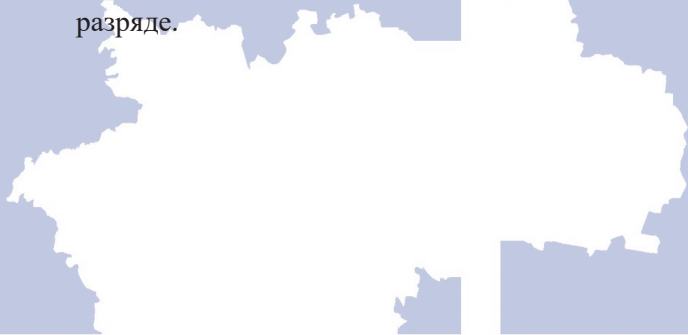
² Тартаковский А.Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. № 6. – С. 63-70.

Историческая демография

сторонам». На всех уровнях выборки использован одна методика учёта: половина разряда, половина поселений, половина дворов, половина жителей (только мужское население).

Земельные владения были учтены на основе двух принципов: 1) половина разряда и половина поселений; 2) но все земельные владения описанных поселений. Следовательно, с учётом этих обстоятельств можно достаточно точно установить и численность населения, и площадь земельных владений в Симбирском разряде.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 314.92

Ханхараев В.С.

**ВЕРХОЛЕНСКИЕ БУРЯТЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
XVII В.: ОПЫТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ (НОВЫЕ ПОДХОДЫ)**

Взаимодействие этносов Сибири с Российским государством в XVII в. представляет значительный научный интерес. При разном образии сторон процесса колонизации малоисследованными остаются такие из них, как история территории и населения. Между тем, численность населения и его динамика, состав и плотность заселения территории – это то, что во многом определяет этногенез, этническую историю и современные этнические процессы. Результаты такого взаимодействия выявляются при изучении одной из подсистем общества – демографической. Её материал позволяет существенно обогатить наши представления об этом историческом периоде, определившем развитие этносов региона на столетия вперед.

Исследование аспектов демографической подсистемы рассмотрено на примере одной из этнотерриториальных групп бурят – их верхоленской группы.

Предварим рассмотрение нашей темы краткой этноисторической характеристикой населения региона в VI – XVI вв. С VI в. верхняя Лена, как и все Прибайкалье, начинает заселяться племенами ранних монголов. Хотя А.П. Окладников полагал, что они прибыли сюда с востока в XI-XII вв.¹ Тюркоязычные курыканы, частью ассимилированные, частью ушедшие по Лене на север, смешавшись там с местным населением, дали начало якутам. Внедряясь в среду оставшихся тюрков и тунгусов, ран-

¹ История Бурятии. Т. 1. Древность и средневековье. – Улан-Удэ. БНЦ СО РАН. 2011. – С. 257; Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. – М., 1958.

ние монголы, господствуя военно-политически, стали здесь ведущим этническим компонентом.

Для понимания демографических тенденций у верхоленских бурят в этот период необходимо установить их численность к началу XVII в. Она тогда, исходя из ёмкости заселяемой ими территории, определяемой нами в 30-40 тыс. кв. км, могла варьироваться в пределах 10-15 тыс. человек. При плотности 0,3-0,5 человека на 1 кв. км полукочевой тип хозяйства обеспечивал бы возможность их жизнедеятельности. Для сравнения: площадь Качугского, Ольхонского и Баендаевского районов Иркутской области – территории их исторического расселения – составляет 51,1 тыс. кв. км, и в них в настоящее время проживает 37,5 тыс. человек.¹

О демографии верхоленских бурят в последней трети XVII в. известно из ясачных переписей, проводившихся после их присоединения к Русскому государству администрацией на местах с целью получения с них платежа, обычно пушнины ценных видов (соболя, песца, лисы и т.д.).² В Верхоленский острог тогда платили ясак все роды племени Эхирит: Абызай, Ользон, Баяндай, Шоно (Чернорутский), Хэнгэльдэр, Бура и части родов племени Булагат: Шаралдай, Хурамша, Харанут, Буин, Ашаабагат, Абаганат и Алагуй.³

В 1672 г. в Верхоленском остроге числилось 1010 человек плательщиков, т.е. мужчин 18-50 лет.⁴ При отношении последних ко всему населению как 1 к 5, всё население обоих полов и всех возрастов в родах, охваченных ясаком, могло составить порядка 5 тыс. человек. Для демографического анализа важны сведения о числе «подрослей», отсутствующие по родам Багуновой сотни и

¹ Сегодня территория и население Качугского района 31,4 тыс. кв. км. и 17,2 тыс. чел.; Ольхонского 15,9 тыс. кв. км. и 9,1 тыс. чел. и Баендаевского 3,8 тыс. кв. км. и 11,2 тыс. чел., всего – 51,1 тыс. кв. км и 37,5 тыс. чел. См.: Экономическая география Иркутской области – Иркутск: ИГУ, 2006. – С. 11.

² Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). – М., 1895. – С. 89-106.

³ Буряты. – М., «Наука». 2004. – С. 47-48.

⁴ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири // Тр. Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 55. – М., 1960. – С. 285.

Готольскому роду булагатов – улусы князьцов Кангая и Темирая, поскольку «дети и братья и племянники по имянной ... (далее неразборчиво, вероятно, книге) не переписаны, потому что в 180 г. (или 1672 г. от Р.Х.) к переписке на лицо списаны».¹

Хотя сибирская администрация требовала от воевод сведений не только о числе нынешних, но и будущих плательщиков ясака (подростков мужского пола: сыновей, братьев, племянников), реализовать это в тех условиях не всегда было возможно. Нам же для расчётов эти сведения необходимы. По этой причине роды, где подростки учтены не были, а были указаны только плательщики ясака – 212 мужчин – в последующих расчётах не представлены.²

Для проверки проведённых расчётов нами привлечены данные Б.О. Долгих о родах, в которых были учтены обе категории – 795 ясачных и 502 подростка. Ниже (Табл. 1) приведён список этих родов.

Таблица 1.

Родовой состав и численность верхоленских бурят (по Б.О. Долгих)

Название родов	Число плательщиков ясака	Выявлено сверх того подростков
Абызай	111	55
Ользон и Баяндай	101	55
Шоно (Чернорутский)	120	79
Хэнгэльдэр и Буря	120	73
Итого эхиритов	452	262
Табуева сотня (роды Шаралдай, Хурамша, Харанут, Буин)	216	145
Ашаабагат	62	40
Абаганат	48	45
Алагуй	17	10
Итого булагатов	343	240
Всего	795	502

¹ РГАДА.Ф. 214.Кн. 627.Л. 60.

² РГАДА.Ф. 214.Кн. 627.Л. 56-60.

Наши сведения о числе ясачных сходятся с данными Б.О. Долгих, но по числу подростков имеются некоторые расхождения. Последних нами выявлено 488. Уменьшение числа подростков в наших подсчётах по сравнению с данными Долгих Б.О. объясняется расхождениями по Хэнгэльдэрскому и Буровскому родам. У нас там подростков – 56, у Долгих – 73.¹ По остальным родам их число либо сходится, либо разница незначительна – один-три человека. Поскольку расхождение не достигает 3% от общего числа подростков в данных родах, ими можно пренебречь при наших дальнейших расчётах.

В группу «подрослей» зачислялись мальчики и юноши 6-18 лет. Их возраст, по всей видимости, определялся условно. Часто он округлялся до 10 или 15 лет. Так, например, в роде Абзай 10-летними было записано десять человек, в то время как 9-летними – семь, а 11-летними – двое; по родам Ользон и Баяндай соответственно – двенадцать, три и ноль человек.² Близкое соотношение наблюдалось и в других родах. Однако более всего выделялась когорта 6-летних. Их во всех родах – 169 человек,³ т. е. треть общей численности подростков. Объяснить это можно только тем, что 6-летними были записаны дети как младших, так и старших возрастов. На последнее указывает близкое количество 7-ми, 8-ми и 9-ти летних.

Также складывалась ситуация с «подрослями» 17-18 лет, учёт которых по понятным причинам должен был быть особенно строгим. Их число во всех родах минимально, а в некоторых вообще нет: в Табуевой сотне, родах Чернорут (Шоно), Хэнгэльдэр, Бура и Алагуй. Два 18-летних отмечено в родах Абзай, Ользон и Баяндай. По одному 17-летнему было в родах Ашабагат и Абаганат. Это объясняется только записью подростков в число плательщиков ясака, что возможно делалось для компенсации выбывших по возрасту стариков.

Особые обстоятельства обусловили малочисленность 14-летних юношей. Их в рассматриваемых родах нами выявлено всего 6 чело-

¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 627. Л. 49-52.

² РГАДА. Ф. 214. Кн. 627. Л. 33-35.

³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 627. Л. 32-60.

век, в то время как 13-летних – 23, 12-летних – 21, 15-летних – 16. Такое малое число 14-летних по переписи 1672 г. можно объяснить только влиянием событий 1658 г., когда большинство предбайкальских бурят, в том числе верхоленских бежали, спасаясь от жестокостей И. Похабова, в Монголию. Хотя нет достоверных сведений об их положении, очевидно, что они, без скота и земли, обнищавшие и беззащитные, пережили бедность и голод. Всё это усугубилось трудностями при возвращении домой.

Материал ясачных переписей подтверждает события 1658-1659 гг., что повышает их достоверность и надёжность как исторических источников. В рассматриваемых нами документах в возрастном интервале от 18 до 50 лет отсутствуют сведения по их возрасту или году рождения. Нет данных о численности детей от рождения до 6 лет, не приведены сведения о численности лиц старше 50 лет. Отсутствие таких сведений существенно затрудняет демографический анализ. Однако мы располагаем возможностями косвенным путём определить численность указанных выше возрастных групп.

Для этого произведём следующие расчёты. «Статистика населения» того времени в виду своего фискального характера учитывала только взрослых мужчин – ясакоплательщиков и иногда «подрослей» мужского пола. Для исследования нам необходимо определить численность обоих полов. Расчёты при условии количественного равенства трудоспособных и подростков обоего пола дали следующую численность: $795 + 502 \times 2 = 2596$ человек.¹ Для удобства округлим это число до 2600.

Теперь, применяя известный при таких расчётах коэффициент семьи равный «5», определим общую численность населения в родах, по которым имеются сведения как о числе ясакоплательщиков, так и подростках мужского пола: 795×5 получаем 3975, округляем для удобства расчётов это число до 4000 человек. Из этого высчитаем уже известное число трудоспособных и подростков обоего пола: $4000 - 2600 = 1400$ – это и есть в совокупности число детей до 6 лет и группа старше 50 лет.

¹ Расчёты произведены по: РГАДА. Ф. 214. Кн. 627. Л. 32-60 и Долгих Б.О. Указ. соч. – С. 285.

Для определения численности каждой из двух групп в отдельности мы используем данные Б.О. Долгих. По ним в 1691 г. в Верховенском присуде было «приискано» вновь «подрослей» и «захребетников» бурят–142 человека. Кроме того, было «приискано» в оклады умерших ясачных людей 44 подростка и сверх того объявилось еще 114, с которых ясак за 1691 г. не успели взять, и которых взяли на учёт для сбора с них ясака в 1692 г.¹

Суммируя (142 + 44 + 114) получим 300 новых плательщиков ясака. Часть из них – это мужчины 18-50 лет, ранее уклонявшиеся от его выплаты. Но большинство их это – «подросли». Это следует из отписки верхоленского приказчика А. Бейтона от 1699 г., «братских людей в разных родах подростков в ясак по вся годы прибывает. А в прошлом в 206 г. (1698 г.) приискано в братских родах вновь подростков 33 человека».² В начале 1690-х гг. подросли дети, родившиеся в первой половине 1670-х гг., после массового возвращения предбайкальских бурят, в том числе верхоленских на свои «породные земли». Многочисленность репродуктивного поколения обеспечила повышенную по сравнению с обычным уровнем рождаемость.

Таким образом, быстрый естественный прирост не ускользнул от внимания администрации. Анализ материала позволяет утверждать, что высокая рождаемость и сохранность детей – это действие компенсаторных демографических механизмов, имевших естественную природу вследствие разбалансировки вмещающего ландшафта и населения на этой территории в 1640-1660 гг., обусловленной значительной убылью населения из-за военных столкновений с казаками и последующим его бегством. Население должно было возрасти до полного заполнения экологической ниши, занимаемой полукошечниками (состояние демографического гомеостаза). В этих конкретных условиях традиционные экзогенные (внешние) регуляторы численности временно снизили своё действие.

Такая демографическая ситуация – следствие политической стабилизации в Предбайкалье в 1670-1690 гг., достигнутой в

¹ Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурят-монгольского народа // Советская этнография, 1953, №1. – С. 46-47.

² Там же.

результате его окончательного закрепления за Россией. Вторжения монгольских ханов, требовавших его возвращения, становились менее частыми и продолжительными. Снижившаяся смертность при сохранении высокой рождаемости, а она в этой ситуации могла ещё возрасти вследствие некоторого улучшения условий жизни, обеспечивала повышенный по сравнению с предшествующим периодом естественный прирост и увеличение численности населения в целом.

Возрастная структура, как известно, это результат естественного движения населения – в основном смертности и рождаемости. В рассматриваемый период их показатели определялись рамками традиционного типа воспроизводства населения.¹ Его практическое воплощение в полукочевом обществе верхоленских бурят вылилось в сохранение демографического равновесия, что было создано многовековой социальной практикой.

Расчёты показали, что численность младшей возрастной группы от рождения до 6 лет в родах верхоленских бурят не превышала 700 человек. В таком случае на каждый год из 6-ти приходится в среднем 116-117 рождений ($700: 6 = 117$), что в расчёте на 1000 населения составит в среднем 29 рождений. При средней выживаемости детей в этой возрастной когорте 50-65% показатель рождаемости составит 45-58 рождений на 1000 населения, что соответствует её уровню при традиционном типе воспроизводства населения и даже превышает его, приближаясь к физиологическому максимуму, которого она могла достичь в благоприятных условиях. Проведённые расчёты показывают допустимость численности этой возрастной группы детей 0-6 лет в количестве 700 человек и правомочность последующих реконструкций.

Остальные 700 человек из 1400 – это возрастная группа от 50 лет и старше. Однако, по нашему мнению, её численность была завышена вследствие зачисления в неё некоторых мужчин 45-50 лет по причине увечья или болезни, и потому их могли заменить в «ясачном платеже» более молодые. Это было выгодно местной власти – молодые более

¹ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. – М.: Финансы и статистика, 1982. – С. 59-61.

удачливы в охоте и порой платили ясак не только за себя, но и за своих отцов, пока они окончательно не переводились в разряд стариков и «дряхлых». В связи с этим мы уменьшаем численность нетрудоспособных до 600, при соответствующем увеличении на 100 человек числа трудоспособных. Тогда возрастная структура населения в родах верхоленских бурят могла выглядеть следующим образом (Табл. 2).

Таблица 2.

**Возрастная структура населения бурят
Верхоленского острога в конце XVII в. (реконструкция)**

Возрастная группа	Численность групп	Доля в населении
До 18 лет	1700	42,5
От 18 до 50 лет	1700	42,5
Старше 50 лет	600	15,0
Итого	4000	100,0

Реконструированная возрастная структура, разумеется, не является достоверной. Она может ориентировать нас в представлении о том, какой могла быть демографическая ситуация в рассматриваемой популяции. Вместе с тем синтез современных подходов с данными источников того времени позволяет считать её достаточно объективной. Численность населения в рассматриваемый период в целом в силу отмеченных выше факторов не могла не расти. Наши выводы коррелируют с данными демографической теории, в которой разработано понятие о стандартизированной возрастной структуре (Табл. 3).

Таблица 3.

Возрастная структура населения (по А.Г. Сундбергу)

Возрастная группа	Тип возрастной структуры, в %		
	Прогрессивная	Стационарная	Регрессивная
До 15 лет	40	27	20
15-49 лет	50	50	50
50 лет и старше	10	23	30
Итого	100	100	100

Источник: Демографическая энциклопедия. – М.: «Энциклопедия», 2013. – С. 121.

При регрессивной возрастной структуре население постепенно сокращается, при стационарной – его численность стабильна. Поскольку мы выше привели достаточно доказательств, указывающих на рост численности верхоленских бурят, то в последней четверти XVII в. возрастная структура их населения должна быть ближе к прогрессивной. Приведённая ниже динамика их численности в 1672-1696 гг. согласуется с этим (Табл. 4).

Таблица 4.

Динамика численности бурят Верхоленского острога в 1672-1696 гг. (по Б.О. Долгих)

Год	Эхириты		Булагаты		Итого	%
	Всего	%	Всего	%		
1672	452	100,0	558	100,0	1010	100,0
1677	497	110,0	588	105,4	1085	107,4
1681	507	112,2	651	116,7	1158	114,7
1696	652	144,3	846	151,6	1498	148,3

По этим данным за 1672-1696 гг. население обоих родоплеменных групп увеличилось на 48,3% при среднегодовом приросте 2,01%, в том числе у эхиритов – 44,3% и 1,84%; у булагатов – 51,6% и 2,15%. Совокупная численность плательщиков ясака составила 1498 человек. При коэффициенте 5 их общая численность составила около семи с половиной тысяч.

Такой численный рост, многократно превышавший естественный прирост, варьировавший в среднегодовом исчислении в пределах 1-5‰ (0,1-0,5%) был обусловлен учётом ранее не переписанных в их родах трудоспособных мужчин. Возможное действие этого фактора возрастало по мере завершения присоединения этой территории к России в последней трети XVII в. Несмотря на вероятный недоучёт населения, размеры которого трудно определить, его прирост не позволил этой группе восстановить к концу XVII в. численность, которую она имела накануне колонизации. Хотя население росло, в виду его значительной убыли ранее (примерно в два раза), процесс ещё был далёк от своего завершения.

По нашим данным это произошло в 30-е годы XVIII в., когда численность бурят достигла 40-50 тыс. человек,¹ выйдя на уровень начала XVII столетия. Следовательно, восстановительный период происходил с 1670 по 1730 гг. включительно и занял 60-70 лет. Всего же для восстановления численности понадобилось 90-100 лет – с 1630-40 по 1730-40-е гг.

Природа и климат Прибайкалья, отличающиеся от внутренних областей Центральной Азии бóльшим количеством осадков, богатством флоры и фауны определили здесь лучшие почвенные условия. Все это сказалось на видовом составе стада насельников Прибайкалья, где была значительна доля крупного рогатого скота. Последнее обусловило практику заготовки кормов, страховавшей от бескормицы. Система поливных пастбищ (утужная система), доставшаяся кочевникам от курыканского времени (курыканы – осёдлые земледельцы) делала шире и разнообразнее экономическую базу полукочевого хозяйства, чем у скотоводов-кочевников.

Наличие ввиду удалённости от центров земледелия его примитивного варианта в Прибайкалье для удовлетворения местных потребностей объективно повышали социально-экономический статус женщин и детей, так как их труд становился более востребованным. Сказанное должно было подкрепляться особенностями быта и материальной культуры полукочевников, перекочевки у которых происходили раз в сезон (4 раза в год) и наличие полустационарных и стационарных жилищ с курыканского времени.

Следовательно, взаимодействие двух обществ: развитого феодализма Московской Руси и родоплеменного бурятского, вызвав разнообразные социальные мутации в последнем, трансформировало его демографическую сферу. Выделенный на основе концепции о исторических типах воспроизводства населения его особый вид² – вид воспроизводства населения (ВВН) полукочевников-скотоводов лесостепной и горнотаёжной зон в условиях

¹ Ханхараев В.С. Буряты в XVII-XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. – Улан-Удэ. БНЦ. 2000. – С. 48.

² Автором статьи была использована категория «вид воспроизводства населения», введённая в научный оборот Ю.Л. Бессмертным: Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. – М.: Наука. 1991. – С. 192-194.

социальной реальности присоединения претерпел важные трансформации. Одним из примеров этого стало жёсткое, при ценности каждого плательщика ясака, пресечение русской администрацией межплеменных и межродовых столкновений, до этого – важный фактор регуляции численности, позволивший быстрее её восстановить, а впоследствии превысить прежние показатели. Все это укрепляло социально-экономические основы этого ВВН.

Таким образом, анализ архивного материала, основанного на синтезе теоретико-методологических разработок специалистов по исторической демографии с материалом по социально-экономической истории бурят, позволил прийти к следующим выводам:

1). Демография в родах бурят Верхоленья в последней трети XVII в. после войн и восстаний 1630-1660-х гг., массового исхода в Монголию в 1658-1659 гг. и возвращения складывалась благоприятно. Стабильность и рост населения, обусловленные естественным действием механизмов демографической компенсации, укрепляли социально-экономические основы выявленного нами ВВН полукочевников-скотоводов и в целом демографическую подсистему этого общества.

2). Демографической стабилизации способствовала регулярность сбора ясака. Последнее в немалой степени зависело от его размера. Поэтому русская администрация, ограничивая его размер для каждого плательщика, стремилась охватить ясаком самые отдалённые роды, компенсируя этим недобор. Это помогало сохранить при малочисленности русских казаков и крестьян стабильность в Прибайкалье, закрепляя тем самым его в составе России.

3). Все это налагалось на отношения данничества с местной верхушкой, к которым та была привычна. Смена сюзерена была даже ей выгодна, вместо монгольских ханов, периодически вторгавшихся сюда, им становился русский царь, прочная власть которого была фактором демографической стабилизации.

4). Эти выводы подтверждает возрастная структура населения, характеризующаяся как прогрессивная. В ней многочисленна группа детей и подростков. Это отражало улучшение социаль-

Историческая демография

но-экономической ситуации, эмоциональный и духовный подъём после возвращения из Монголии, где они испытали тяготы, обычно выпадавшие на беженцев.

5) Выводы о демографии верхоленских бурят можно распространить на все их родоплеменные группы Прибайкалья, объединённых с ними не только происхождением, но и сходством исторических судеб.

6) Совокупный анализ материала исследования позволяет выдвинуть тезис о том, что в XVII в. демографическая история бурят завершает его один цикл и вступает в новый цикл подъёма, продолжавшийся почти до конца XIX столетия. Являясь частью российского демографического подъёма XVIII-XIX вв., он способствовал в новых социально-экономических условиях развитию интеграционных процессов у бурят уже в составе Российского государства.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (Т) 63.2

УДК 314.88

Шумилов Е.Н.

**КРАСНОУФИМСКИЕ ЯСАЧНЫЕ И ОБРОЧНЫЕ
ЧЕРЕМИСЫ: РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ
В XVII- НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

Территория среднего Приуралья, включавшая в себя земли Красноуфимского уезда Пермской губернии, всегда отличалась полиэтничностью. К началу XVII в. здесь проживали татары, башкиры, остяки и вогулы. На протяжении XVII в. в регионе регулярно появлялись отдельные семьи казанских и уфимских татар, чувашей, вотяков (удмуртов). Но наиболее многочисленными из переселенцев были черемисы (марийцы). Если пришлые татары и чуваша органично и быстро вливались в состав местного населения, то ситуация с черемисами была более сложной: их отделял от тюркских народов языковой и культурно-религиозный барьер. Черемисы селились не компактно, а на значительном отдалении друг от друга, как в верховьях реки Сылва, левого притока Чусовой, так и в верховьях реки Бисертъ, правого притока Уфы.¹ Это привело к тому, что со временем оформились две обособленные группы черемисов – сылвенская и бисертская, поэтому рассмотрим их по отдельности.

Сылвенская группа черемисов проживала на правах арендаторов на довольно обширной территории бассейна Сылвы, принадлежавшей татарам и остякам. Первые сведения о наличии здесь черемисов относятся к 20-м гг. XVII в. Перепись 1623–1624 гг. зафиксировала четырёх ясачных черемисов. Это были: холостой «новоприходец» Тебеняк Одышев, имевший свой юрт (жильё) на реке Сылва, и трое черемисов, поселившихся в юртах Иренского поречья (Ирень – крупный левый приток Сылвы).²

¹ См.: Шумилов Е.Н. Административно-территориальное устройство нерусских народов Сылвенского поречья в XVII-XVIII вв. // Первые Татищевские чтения. – Екатеринбург, 1997. – С. 194-196.

² Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. VIII.– Пермь, 1900. – С. 126-127.

В 1644 г. часть территории в устье Кунгура, притока Ирени, царь Михаил Федорович пожаловал Соликамскому Вознесенскому монастырю. Жившая здесь «казанская черемиса» была выселена.¹ Выселенцы обосновались несколько южнее – на речках Сюда (ныне Судинка, приток Ирени) и Медянка – на правах арендаторов татарских земель.

В 1662 г. сылвенские черемисы, как и русские поселенцы, подверглись «башкирскому разорению». Башкиры «...и их Черемису, и жен их и детей, порубили, и в полон побрали, и пограбили без остатку...».²

Несмотря на людские потери, согласно данным переписи 1679 г., в Сылвенско-Иренском поречье тогда уже насчитывалось двенадцать черемисских деревень, в которых проживало 100 семей (276 душ мужского пола). Из них 31,5% приходилось на ясачных и 68,5% – на оброчных крестьян. Ещё 35 душ не имели юрт.³ Как видим, численно преобладали недавние переселенцы – оброчные крестьяне, платившие в государеву казну оброк. В отличие от них, старожилы платили ясак (натуральную подать) куницами.

Основная масса черемисов, включая ясачных, в 1679 г. проживала в верхнем течении реки Сылва. Одна деревня – Кобылья Голова – находилась на значительном расстоянии от других селений – в среднем течении Сылвы – на речке Солянка, притоке Лёка, впадающего в Сылву. Две деревни – Енохтаева и Верх-Чису – были расположены на реке Чис (ныне Тиса), левом притоке Сылвы, а деревни Малые и Большие Карши, Верхний и Нижний Ботам уже вышли за пределы Сылвенского поречья. Они разместились на башкирских землях по берегам речек Карши (ныне Каршинка) и Ботам (ныне Потам), левых притоков Ута, впадающего в Бисерть. В Иренском поречье тогда имелись три деревни черемисов, основанные, главным образом, указанными выше

¹ Шишонко В.Н. Пермская летопись. – Пермь, 1884. 3-й период. – С. 63-64.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1842. Т. V. – С. 201.

³ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 90.

выселенцами с речки Кунгур.¹ Набег калмыцкого тайши Аюки в 1682 г. на северо-запад Башкирии, затронул проживавших здесь черемисов. Они устремились в более безопасные места – на реку Сылва. Всего из территории Башкирии тогда прибыло более 40 семей, пополнивших категорию оброчных крестьян.² В результате за короткий отрезок времени черемисское население Сылвенско-Иренского поречья увеличилось на 28%.

К концу XVII в. земли по речкам Сюда и Медянка были хорошо освоены черемисами в хозяйственном отношении. Несмотря на это, данная территория самовольно заселялась русскими переселенцами, преимущественно со стороны Осы – одного из центров дворцовых крестьян на реке Кама. На неё также претендовали монастыри: в 1692 г. строитель новой Тохтарёвой пустыни получил от татарина Кураза Кучукова по поступной грамоте участок земли по речке Медянка, который сразу же заселил своими крестьянами.³

Согласно переписи 1704 г., в Сылвенско-Иренском поречье насчитывалось 17 черемисских деревень, еще в трёх селениях черемисы жили совместно с татарами, вотяками и чувашами (всего 213 юрт). Перепись зафиксировала появление новых переселенцев, в основном из Казанского, Уржумского и Уфимского уездов. За время, прошедшее после переписи 1679 г. у черемисов Сылвенского поречья появились новые селения – Каменка и Ураевы. Большие изменения произошли и в жизни обитателей Иренского поречья: они вновь стали новосёлами и переместились еще южнее – на татарские земли по рекам Тюш и Телес, притокам Ирени, основав здесь деревни Ключ, Верх Малый Телес, Верх Большой Телес и Тюш.⁴

Перепись 1719 г. отметила наличие у сылвенских черемисов 14 деревень, в том числе новых, устроенных на территориях далеко к югу от Сылвы – на реках Ут и Чатлык. При этом многие старые деревни поменяли названия: Кобенькова на Тебенякова,

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 226.

² Преображенский А.А. Указ. соч.– С. 171.

³ Шишонко В.Н. Пермская летопись. 5-й период. Ч. 2. – Пермь, 1887. – С. 230-239.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 744. Л. 161-179, 305-347.

Ураевы на Иванкова, Кобылья Голова на Солянку и так далее. Совсем иная ситуация сложилась у черемисов Иренинского поречья – они съехались в одну деревню – Малый Телес, где проживали совместно с татарами.¹

После переписи 1719 г. правительство предприняло попытку перевести ясачных татар и черемисов в разряд оброчных крестьян с возложением на них рекрутской повинности, но натолкнулось на их сопротивление. Ясачные татары устремились на башкирские земли соседней Уфимской провинции, где поселились на правах арендаторов-припущенников. Вслед за ними в миграционный поток влились черемисы, при этом численно превосходя татар-переселенцев. Правда, в отличие от татар среди них доминировали оброчные крестьяне. В Уфимской провинции сылвенские черемисы основали деревни Верхний Бугальш, Усть-Маш и Юву. В 1747 г. их записали в тептярское сословие.² Вскоре правительство отменило свое решение. Но миграционный процесс уже невозможно было остановить, поскольку, помимо попытки изменить социальный статус черемисов, были и другие причины для их переселения: давление со стороны русских переселенцев и начавшееся с начала XVIII в. насильственное крещение язычников. Местные татары, многие из которых были язычниками, ответили на насильственную христианизацию переходом в ислам. В свою очередь, ирениские черемисы, желая сохранить свои языческие обычаи, ушли в 1724 г. из Малого Телеса, основав в верховьях Ирени деревни Какшина, Озерки и Тюш (Верх Тюш).³

В 1735 г. сылвенско-ирениские черемисы принимали участие в походах против «бунтовщиков» – башкир на собственных лошадях, со своим оружием и коштом. В зимнее и летнее время они возили за полками по степи провиант. Длительные отлучки па-

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1625.

² ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 297. Оп. 2. Д. 99. Л. 9. Черемисы-тептяри уже рассматривались нами в статье Красноуфимские тептяри: расселение, численность, межнациональные связи в XVIII – начале XX вв. // Социальная история Южного Урала в новое и новейшее время: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева, 24 апреля 2003 г. – Уфа, 2003. – С. 24-27.

³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1631.

губно сказывалась на состоянии их хозяйств. К тому же «немалое число» черемисов погибло во время походов.¹

По данным переписи 1747 г., сылвенские черемисы жили в 11 деревнях и насчитывали 469 душ. Мы видим, что число деревень по сравнению с 1719 г. несколько сократилось: сказался исход черемисов на башкирские земли. Иренские черемисы проживали в пяти деревнях, в том числе в отдаленных селениях Солянка и Чатлык и насчитывали 258 душ.²

После проведения этой переписи ясачных черемисов перевели в государственные (оброчные) крестьяне с возложением на них рекрутской повинности. Многолетние попытки черемисов вернуться в «прежнее состояние», которое было для них более выгодным, не увенчались успехом. Изменение социального статуса вновь вызвало миграцию черемисов на башкирские земли. Однако, в отличие от первой волны, они и на новых местах так и остались государственными крестьянами.³

Материалы ревизии 1762 г. отмечают те же деревни черемисов, что и в 1747 г. Сылвенских черемисов (включая переселенцев на уфимских землях) насчитывалось 452 души (933 человека обоего пола), иренских – 68 душ (119 человек обоего пола), всего соответственно 520 душ и 1052 человека. По сравнению с предыдущей переписью, число мужчин у сылвенцев уменьшилась на 17 душ, у иренцев – в 3,7 раза. Помимо оттока населения на уменьшение численности иренских черемисов повлияла ассимиляция их татарами. К 1762 г. почти все мужчины деревни Какшина были женаты на татарках. Татарских жён имели черемисы и других иренских деревень. Это привело к тому, что к концу XVIII в. жители Какшиной стали считать себя татарами, а сама деревня получила наименование Кашкина (Кашка – авыл).⁴

В 1781 г. все черемисы Сылвенско-Иренского поречья были объединены в границах вновь созданного Красноуфимского

¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1485. Л. 13.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1631.

³ ГАПК. Ф. 297. Оп. 2. Д. 88. Л. 1.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1640.

уезда Пермского наместничества (позднее губернии).¹ Исключение составили лишь жители отдалённой деревни Солянка, оказавшиеся в Кунгурском уезде.

Очередная перепись 1795 г. показала, что черемисы проживали в трёх волостях Красноуфимского уезда – Тебеньковской (Сылвенское поречье), Енапаевской (Иренское поречье) и Манчажской (переселенцы на уфимской земле). Наиболее многочисленными оставались жители Сылвенского поречья – 988 человек обоего пола. Но их численность по сравнению с переписью 1762 г. выросла лишь на 5,5%. Более заметный прирост был у черемисов Иренского поречья – на 28,3% больше, чем в 1762 г. Правда, в их число были включены отатарившиеся жители деревни Какшина (Кашкина). Население Манчажской волости, состоявшее из сылвенских переселенцев, насчитывало 806 человек. Общая численность черемисов в 1795 г. составляла 1960 человек или на 908 больше, чем в 1762 г., т.е. за 33 года она выросла на 46,3%.² Но в общей численности населения Красноуфимского уезда в 1795 г. (61 558 человек) государственные (оброчные) черемисы едва превышали 3%.³

Через 39 лет в 1834 г., согласно ревизским сказкам, в демографии черемисского населения Красноуфимского уезда прослеживались те же тенденции, что и в конце XVIII в. Его численность росла быстрее на вновь освоенных территориях. Население Манчажской волости, проживавшее в девяти деревнях, по сравнению с 1795 г. выросло на 668 человек или на 45,3%. Тебеньковская волость в 1834 г. именовалась Ачитской. Её население, обитавшее в 12 деревнях, стало больше за 39 лет на 646 человек, т.е. увеличилось на 32,8%. Здесь продолжался отток населения в Манчажскую волость.⁴ Сведений о черемисах Енапаевской волости за 1834 г. нет, но известно, что к этому времени появилась

¹ Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. Т. XXI. – С. 21.

² Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1804. Ч. 2. – С. 199.

³ ГАПК. Ф. 39. Оп. 4. Д. 3. Л. 59об.

⁴ Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2837. Л. 216об.-274; Д. 2842. Л. 198об.-282; Д. 2851.

новая деревня – Тлякова. К 1869 г. в трёх деревнях Енапаевской волости (Верх-Тюш, Озерки и Тлякова) обитали 290 черемисов.¹

Появление в Приуралье бисертских черемисов относится к более позднему времени, чем сылвенских. Со второй половины XVII в. татары Бисертского поречья стали ежегодно пускать на свои земли черемисов и татар из других регионов (до 40 человек и более) промышлять «из кортому», т.е. за определённую арендную плату заниматься охотой и иными лесными промыслами. В 1680 г. часть их – 13 душ – получила статус постоянных жителей и была приписана к только что созданной Уткинской волости. Они платили тогда ясак по четыре куницы с человека.²

К началу XVIII в. черемисы Бисертского поречья жили в деревнях Бикбаева и Розбахтина. Именным царским указом от 1714 г. сибирскому митрополиту было приказано крестить языческие народы Урала и Сибири. В марте 1718 г. удалось окрестить часть жителей деревни Розбахтина. В следующем году многие черемисы, жившие в соседней деревне Бикбаева, бежали к башкирам. Оставшиеся жители этой деревни также остались некрещёнными, а население деревни Розбахтина отказалось принимать у себя священников. В мае 1729 г. была предпринята вторая (и вновь неудачная) попытка крещения жителей Бисертского поречья.³

К 1795 г. черемисы населяли в Бисертском поречье две деревни – Старо-Верх-Бисертская (Старо-Бухарова) и Верх-Пут. Скорее всего, это были те же что и ранее деревни, но с новыми названиями. Общая численность черемисов тогда составляла 210 человек (104 мужчины и 106 женщин), включая 40 новокрещённых. Они платили в казну по два рубля (души) шкурами лисиц, кожами лосей и оленей (на нужды кавалерии). Сверх того, с них ежегодно собирали в казну по 26 копеек на содержание ямских лошадей. Сборы с черемисов значительно превышали сбо-

¹ Пермская губерния. Список населённых мест по сведениям 1869 г. – СПб., 1875. – С. 131-132.

² Шишонко В.Н. Пермская летопись. 4-й период. – Пермь, 1884. – С. 452-457.

³ Шишонко В.Н. Пермская летопись. 5-й период. – Пермь, 1884. Ч. 3. – С. 575-585.

ры с местных татар. Эта дискриминация сложилась исторически еще в XVII в., когда черемисы помимо ясака в государеву казну выплачивали арендную плату татарам за пользование угодьями. Как и раньше они мало занимались хлебопашеством, предпочитая «звериные ловли и пчеловодство».¹

К 1816 г. бисертские черемисы создали новые деревни Накарякова и Упей (позднее Упея). В деревню Накарякова стали подселаться русские, и она со временем получила название Некрасова (по фамилии русского жителя). Согласно переписи 1834 г., в Бисертском поречье обитали 268 черемисов. После переписи их перевели в разряд оброчных крестьян. Это ещё больше способствовало сближению черемисов с русским населением и ассимиляции с ним, что стало сказываться на замедлении роста численности черемисов и даже вело к её уменьшению. При этом из числа черемисов продолжали формироваться новые группы новокрещенов. В 1850 г. бисертских черемисов было 246 человек, т.е. меньше, чем в 1834 г. Кроме того, в их составе имелись 33 новокрещенца.²

Как видим, две группы черемисов – сылвенская и бисертская – сформировались в разное время и существовали в разных условиях, но в их судьбе прослеживалась общая тенденция – сближение и постепенная ассимиляция татарами или русскими.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

¹ Попов Н.С. Указ. соч. – С. 194, 203.

² ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 323. Л. 86 (об.); Ф. 111. Оп. 1 Д. 2853, 2856, 2866.

ББК (С) 60.6

УДК 314.02

Герасимова Е.А.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГОРОДОВ ТВЕРСКОГО ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА
НА ПРИМЕРЕ ТВЕРИ И КАШИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1709 ГОДА)**

Демографические процессы и характеристики русских средневековых городов на сегодняшний день изучены в меньшей степени, чем система управления и экономика. Есть основания говорить о том, что работа в данной области только начинается.

В настоящее время в отечественной историографии намечены и определены направления и методика исследования. Так, И.Ю. Шустрова, обращаясь к материалам Ярославской губернии конца XVIII в., на основании таких демографических показателей как общая численность семьи, число поколений, число брачных пар, детность, родственные связи, попыталась описать типы семей. По её мнению, сложные семьи подразделяются на два типа: многолинейные (родство по боковой линии) и однолинейные (родство по прямой линии).¹ В больших неразделённых семьях исследовательница выделила несколько подтипов: отцовские; братские; смешанные (включают двоюродное/ троюродное родство).²

Л.Г. Степанова при анализе демографических показателей считает необходимым учитывать модели брачного поведения «европейскую» и «восточную». Для первой характерно позднее вступление в брак, отделение хозяйства сразу после заключения брака, для второй – раннее вступление в брак, совместное с ро-

¹ Шустрова И.Ю. К вопросу о демографических характеристиках семьи у русских Верхневолжского региона // Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII вв. – Тверь, 1999. – С. 301–306, 304.

² Там же. – С. 305.

дителями ведение хозяйства, наличие многосемейных дворохозяйств.¹ Исследовательница считает, что в России «отпочковыванию» молодых семей способствовало наличие неосвоенных территориальных ресурсов. Для северо-западной части России Л.Г. Степанова отметила закономерность зависимости размера семьи от имеющихся территориальных ресурсов и пришла к выводу, что в Европейской части России всё-таки преобладала «восточная» [восточно-европейская] модель брачного поведения.²

Учитывать эти моменты целесообразно при исследовании демографии верхневолжских городов. Демографические характеристики населения Твери и Кашина нами изучались по Переписным книгам 1709 г.³ Сравнение проводилось между данными по г. Кашину в целом и по Загородскому посаду Твери.

Половозрастной состав населения

По данным Переписных книг 1709 г. в городе Кашине числилось 1511 мужчин (включая детей и подростков), из них непосредственно на территории кашинского детинца и посада – 1424 мужчины, за границами Кашина (мигранты вынужденные и добровольные) – 87.⁴ В Загородском посаде Твери числилось 1318 мужчин. Тверичи указанных сотен практически все проживали в родном городе (за исключением одного жителя, проживавшего в Москве, и отправившихся на службу солдат).

Содержащиеся в книгах указания на возраст дворовладельцев и их детей мужского пола позволяют установить распределение мужчин Кашина и Твери по возрастным группам (нами был принят 10 летний шаг). Как видно из гистограммы (Рис. 1), и в Твери, и в Кашине преобладала возрастная группа с 10 до 20 лет.

¹ Степанова Л. Г. Демографические характеристики крестьянского двора в XV–XVI вв. // *Образы аграрной России IX–XVIII вв.* – М., 2013. – С. 126.

² Степанова Л. Г. Указ. соч. – С.131.

³ Переписная книга города Кашина 1709 года. – М., 2011; Переписная книга города Твери 1709 года. – Тверь, 2007.

⁴ Мигранты вынужденные – люди, покинувшие город для выполнения служебных обязанностей; мигранты добровольные – люди, переехавшие в другие регионы в связи с обучением ремёслам, ведением торговой деятельности и др., но учитываемые в переписных книгах.

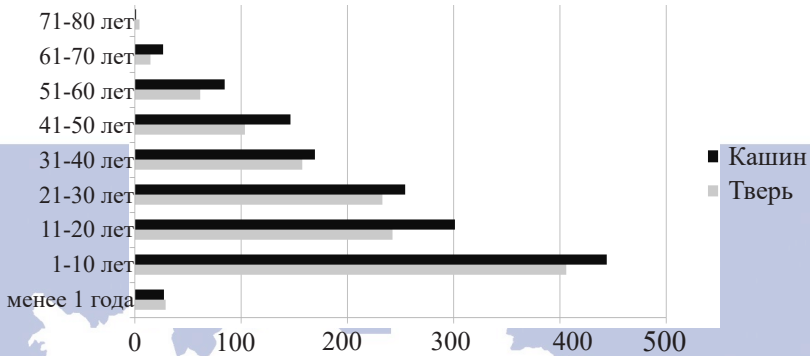

Рис. 1. Возрастной диапазон мужского населения Твери и Кашина

до 10 лет, далее соответственно от 11 до 20 лет и от 21 года до 30 лет. Наименее представительными были группа младенцев и стариков (от 61 до 80 лет).

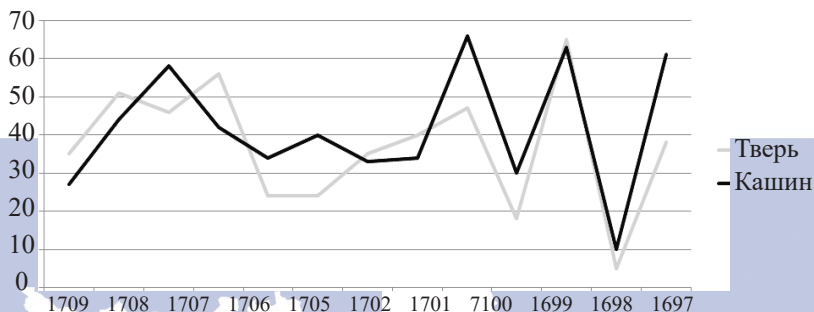
Самым старым жителем Кашина был Пётр Серков, «семидесят пяти лет»¹ (родился в 1634 г.), семидесятилетнего возраста достигли 19 человек; показательно, что в Кашине не удалось зафиксировать ни одного мужчины в диапазонах от 66 до 69 лет и от 71 до 74 лет. В Твери же зафиксированы мужчины более почтенного возраста – на момент переписи им было по 80 лет (родились около 1629 г.²). Отметим, что в переписных книгах зафиксирован возраст почти исключительно посадских людей, возраст у части духовенства, солдат и некоторых посадских остаётся неизвестным.

Имея показатели по возрастам, мы получаем возможность высчитать примерные годы рождения жителей и, таким образом, проследить своеобразные «пики» рождаемости (Рис. 2) Примем допущение о том, что наиболее точные данные соответствуют ближайшему двадцатилетию перед переписью – с 1709 по 1689 г.). Такие «пики» в Кашине приходятся на 1697, 1699 и 1701, 1704, 1706, 1707 и 1708 гг. (родились 61, 63, 66, 40, 42, 58 и 44 мальчика соответственно). В 1709 г. в Кашине из 1424 мужчин было 27 новорожденных. Самым молодым жителем Кашина в 1709 г. был

¹ Переписная книга Кашина. – С. 212.

² Переписная книга Твери. – С. 80.

Рис. 2. Ретроспективные показатели рождаемости мужского населения

Андрей Елин – «трёх недель»,¹ в Твери фиксируются младенцы одно- и двухнедельного возраста.

«Пики» рождаемости в Твери также приходятся на 1699, 1701, 1706, 1708 гг. Из 1 318 мужчин в Твери 35 были «новорожденками» (но, поскольку приводятся данные только по Загородскому посаду, в реальности по всей Твери это количество было большим). По данным о Загородском посаде Твери можно говорить о том, что в 1697, 1702, 1703, 1707 гг. рождалось от 30 до 35 мальчиков.

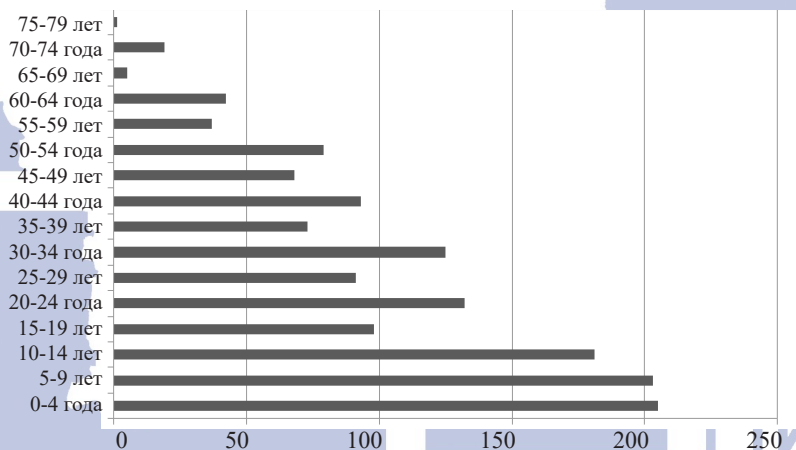
На основе деления общества по возрастным когортам целесообразно составить «половозрастные пирамиды» Кашина и Твери с общепринятым шагом в пять лет.² Но о женщинах из переписных книг практически ничего неизвестно – определить их точную численность и, тем более, возраст не представляется возможным. Удалось подсчитать число упоминаемых вдов и «девок», оказавшихся владелицами дворов (только для Кашина). В кашинской книге содержится 113 прямых упоминаний о женщинах, одна на территории Кашина не проживала. По косвенным данным о семейном положении мужчин и прямым указаниям на вдовство можно подсчитать потенциальное количество взрослых женщин детородного и старческого возраста. Данные книги позволяют определить

¹ Переписная книга Кашина. – С. 260.

² Возрастная пирамида // Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985. – [Электронный ресурс]. URL: <http://demography.academic.ru/1490/> (дата обращения: 15.03.2015).

потенциальное количество взрослых замужних женщин на основании пометок «холост», «женат», «детей нет», а также сведений о зятях и деверьях. Таким образом, удаётся установить приблизительное число женщин – 634. В Переписной книге Твери на данный момент выявлено 49 прямых упоминаний о женщинах.

Форма «возрастной пирамиды» позволяет определить тип общества: «старое» оно или «молодое». В «молодом» – пирамида принимает правильную форму, в «старом» – форму урны.¹ Если в обществе присутствует 4% и менее людей, старше 65 лет, то население является «молодым», если более 4%, но не больше 7% – то население «зрелое», если более 7% – «старое».² «Возрастная пирамида» в Кашине и Твери в целом – «правильной формы» (Рис. 3).

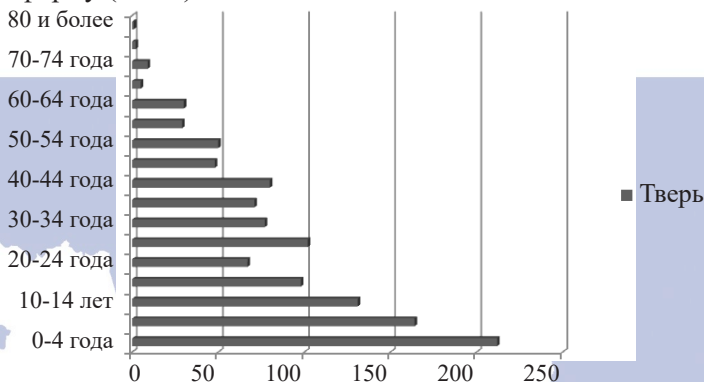
Рис. 3. Демографическая пирамида мужского населения Кашина

При этом, как видно из гистограммы, «возрастная пирамида» Кашина начала XVIII в. имеет форму «близкую к правильной». «Правильность» нарушается за счёт выделения возрастных группы в диапазоне от 30 до 54 лет включительно (в Кашине количество мужчин старше 55 лет составляло 62 человек, т. е. 4,2 % от общего числа мужчин, чей возраст был указан). Учитывая это, следует говорить о тенденции перехода к «зрелому» обществу.

¹ Там же.

² Там же.

Для Твери «возрастная пирамида» также имеет «правильную» форму (Рис.4):

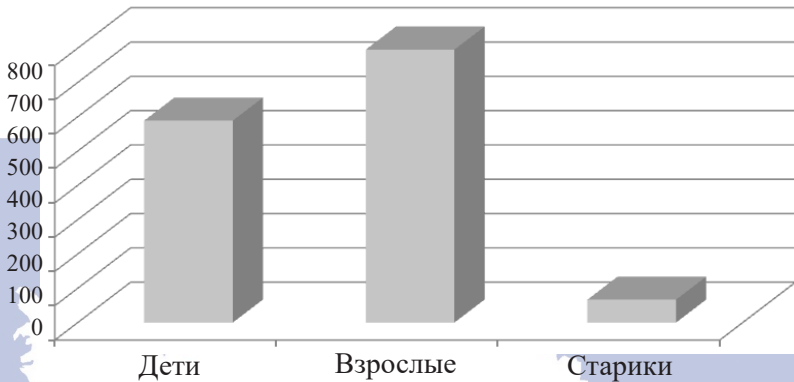

Рис. 4. Демографическая пирамида мужского населения Твери (Загородский посад)

Особое внимание при этом следует обратить на изменение тенденции, начиная с когорты 25–30 лет: на наш взгляд, это можно расценить как признак старения общества. Таким образом, можно прогнозировать в Твери на период после 1709 г. «зрелый» тип общества.

Имеющиеся данные о возрасте посадских людей дают возможность рассчитать коэффициент демографической нагрузки, предложенный К. Балодисом в 1913 г.¹ Он отражает нагрузку нетрудоспособного населения на производительное. При подсчёте коэффициента выявляется соотношение нетрудоспособного населения к трудоспособному, для чего учитывается количество детей до 14 лет, и стариков с 60-летнего возраста – все они относятся к нетрудоспособному населению. Отметим, что этот показатель имеет сугубо предварительный характер, поскольку есть необходимость учитывать потенциальное количество женщин беременных и недавно родивших, число посадских, которые жили «чёрной работой» или «кормились» за счет посадской общины, а также историчность времени вступления в трудовой возраст и самого коэффициента. Соотношение трудоспособного и нетрудоспособного населения в Кашине представлено на Рис. 5.

¹ Нагрузка демографическая // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. – URL: <http://demography.academic.ru/2049/> (дата обращения: 15.03.2015).

Рис. 5. *Соотношение трудоспособного и нетрудоспособного мужского населения Кашина*

Рассчитанный для Кашина коэффициент демографической нагрузки без учёта вышеуказанных условий, составил 0,8 – это достаточно высокий показатель. В Загородском посаде Твери он меньше – 0,72 (из 1318 мужчин 507 нами были отнесены к категории детей, 48 – к категории стариков, 763 к категории взрослых и трудоспособных), но заметна тенденция к увеличенной демографической нагрузке.

Детность, поколенность и тип семьи

По материалам Переписной книги 1709 г. в Кашине насчитывалось 623 семьи. Из них в 131 проживало по несколько поколений. Это большие семьи, при этом довольно часто они являлись расширенными – в таких семьях проживали родители, их дети с женами и внуками (т. е. в рамках большой семьи проживали несколько малых). Наибольшее число зафиксированных малых семей, проживавших в рамках одной большой – 5 (две большие семьи); 4 раза встречены семьи, состоявшие из 4-х малых; 18 раз – из 3-х малых; 109 – из 2-х.

В Кашине преобладали малые семьи (59%). Они были нескольких типов: родители и неженатые/замужние дети; женатые дворовладельцы без детей; неженатые дворовладельцы; неженатые/замужние братья и сестры; вдовы. Такая картина не является характерной только для начала XVIII в. По материалам переписей

Кашина 1646 г.¹ нами были также выделены семьи бездетные, с одним или двумя детьми, многодетные.² В 1646 г. в Кашине многодетные семьи насчитывали до 7 детей, а к 1709 г. до 5 детей (Табл. 1).

Таблица 1.

**Количество детей мужского пола в одной малой семье
(реконструкция)**

Год	Количество детей мужского пола у одного мужчины в семье							
	Нет	1	2	3	4	5	6	7
1646	191	127	65	42	24	6	1	3
1709	260	237	151	83	29	6	0	0

Из данных, представленных в таблице, видно, что к 1709 г. увеличилось количество бездетных семей, семей с одним, двумя и тремя детьми (мальчиками). Многодетные семьи с количеством детей свыше 6-и исчезли вовсе, и стала ярко выражена тенденция к уменьшению количества детей в семье. Очень вероятно, это было связано с ухудшением имущественного положения в среде посадских Кашина – не случайно весьма представительную группу в социально-хозяйственной структуре города составляли чернорабочие и нищие.

Сведения переписных книг позволяют в гипотетическом порядке установить возраст мужчины, в котором появлялся первый сын в семье посадских. В свою очередь минимальный возраст отцовства позволяет определить гипотетический минимальный брачный возраст.

В Кашине минимальный брачный возраст составляет 10 лет (Табл. 2), что вызывает удивление, так как это нерепродуктивный возраст. Такой нонсенс, возможно, следует отнести к ошибке писца. Наиболее же вероятным следует считать брачный возраст с 18 до 23 лет, при этом отметим, что брачный возраст мужчин имел тенденцию к увеличению. Об этом говорит то обстоятельство, что наибольшее число младенцев-мальчиков рождалось в семьях, возраст глав которых варьировался в пределах до 30 лет включительно.

¹ Список с переписных с Кашинских книг переписи Гаврила Юшкова да подьячего Кирила Семенова 154-го году // Кункин И.Я. Город Кашин. Материалы для его истории. Т. 1. – М.: Университетская тип., 1903. – С. 32 – 45.

² Многодетными считаются семьи, в которых трое и более детей.

Таблица 2.
**Возраст мужчин на момент рождения первого сына
 (реконструкция)**

Примерный возраст мужчины на момент рождения первого сына																
Возраст	10	15	16	17	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Кол-во человек	1	4	1	2	3	18	3	10	12	9	29	6	22	21	11	48
Возраст	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46
Кол-во человек	9	14	11	8	17	5	10	8	6	13	2	9	5	4	5	3
Возраст	47	48	49	50	53	54	56	58								
Кол-во человек	1	2	1	1	1	1	11	1								

Конечно, в семьях посадских рождались и девочки. Например, об этом косвенно говорит тот факт, что в некоторых семьях посадских не числились дети (т. е. мальчики), но при этом жили зятья.

На основе методики, используемой Л.Г. Степановой, можно установить некоторые характеристики брачного поведения и тип семьи. В Кашине брачный возраст был достаточно ранним, что характерно для «восточного» типа. Но при этом новая семья чаще вела самостоятельное хозяйство (так, 447 хозяйств принадлежали только одной нуклеарной семье, что, впрочем, не исключало совместного семейного предприятия), а это является чертой «западного» типа семьи. Это обстоятельство можно расценивать как переходный признак, вариант типа семьи, промежуточный между «западным» и «восточным». Наиболее вероятной нам представляется тенденция перехода к «западному» типу ведения хозяйства.

Подводя итог, следует сказать, что Кашин и Тверь были схожи по своим демографическим тенденциям. Совпали некоторые возрастные пики рождаемости, схожи показатели по типологии общества и демографической нагрузке. Хотя дальнейшее исследование материалов по Твери может изменить первоначальные выводы. Но по предварительным наблюдениям видно, что демографическая динамика «малого» города, такого как Кашин напоминала более крупный город – Тверь. Что особенно важно, так это близость двух городов друг другу, которые пусть и не составляли единый «субъект» государства, но входили в один географически близкий регион.

ББК (С) 60.7

УДК 311.314

Савинова А.И., Степанова Ю.В.

**ТВЕРСКИЕ КАРЕЛЫ В XVIII-XIX ВЕКАХ:
ТЕРРИТОРИЯ И ДЕМОГРАФИЯ ПО ДАННЫМ
КАРТОГРАФИЧЕСКИХ И СТАТИСТИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ**

В настоящем исследовании предпринята попытка комплексного изучения расселения и демографии тверских карел по демографическим, статистическим и картографическим данным второй половины XVIII–XIX вв.

Ранее подобное исследование по массовым источникам проводилось только А.Н. Вершинским, который, рассматривая статистические данные за вторую половину XIX в., сделал предварительные выводы о тенденциях демографического развития карельского населения Тверской губернии.¹ Им же были составлены карты расселения Тверских карел, хотя они отражали ситуацию более позднего времени: второй половины XIX и первой половины XX в.² До настоящего момента некоторые работы А.Н. Вершинского остаются неопубликованными.

Имеются также общие наблюдения о расселении тверских карел на территории Тверского края, представленные в работах Ю.В. Готье,³ А.С. Жербина,⁴ В. Салохеймо,⁵ но они относятся преимущественно к XVI–XVII вв. Краеведческие работы, содержащие весьма разнообразные и иногда подробные сведения о ка-

¹ Памятники истории верхневолжских карел // ГАТО (Государственный архив Тверской области). Ф. 2691 (А.Н. Вершинский). Оп. 1. Д. 365, 367, 369, 370; Вершинский А.Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. – М., 1935. Т.4. – С.73-105.

² Карта карельского расселения в Тверской губернии // ГАТО. Ф. 2691 (А.Н. Вершинский). Оп. 1. Д. 191.

³ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экон. быта Моск. Руси. – М.: Тип. Г.Лисснера и Д.Собко, 1906.

⁴ Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. – Петрозаводск, 1956.

⁵ Saloheimo Veijo. Entisen esivallan alle, uusille elosijoille. – Joensuu, 2010.

рельских селениях, не дают представления о динамике развития карельских анклавов и поселенческой структуры.¹ Кроме того, до настоящего момента у нас не было достаточно полноценного представления о местонахождении карельских анклавов, их конфигурации, взаимосвязи и динамике формирования.

Изучение демографии и семейно-брачных отношений тверских карел в Новое и новейшее время в отечественной историографии развивалось преимущественно в направлении этнографического исследования брачных и семейных традиций, включая обрядовую специфику и фольклор.² Однако, для изучения института карельской семьи и его особенностей необходимо использовать весь комплекс данных как статистико-демографического, так и этнографического характера. Этот подход представлен в исследованиях семьи и домохозяйства карел в XVIII-XIX вв. Т. Хюмянен³ и И.А. Черняковой (включая её работы о карелах Весьегонского уезда Тверской губернии).⁴ Важнейшим показателем, характеризующим состав семьи, является показатель населённости крестьянского двора (коэффициент дворности), который, в частности, анализируется в данном исследовании.

¹ Головкин А.Н. История Тверской Карелии; Карелы: от язычества к православию. – Тверь, 2008.

² Дементьева Л.А. Брачно-семейные традиции тверских карелов во второй половине XIX века // Карельский этнос: история и перспективы развития: (Тез. науч. конф.). – Олонец, 1996. – С. 28-30; Тароева Р.Ф. Некоторые стороны семьи и семейного быта у верхневолжских карел // Научная конференция, посвященная итогам работ Ин-та языка, лит. и истории Карел. филиала АН СССР за 1962 г.: Тезисы докл. – Петрозаводск, 1963. – С. 34-36; Фишман О.М. К изучению этнической культуры карел Верхневолжья // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. – Л., 1990. – С. 158-163.

³ Хюмянен Тапио. Положение женщины в семьях приграничной Карелии в XIX – начале XX столетия // Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Сборник статей и материалов Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН. – Петрозаводск, 2014. – С. 110.

⁴ Чернякова И.А. Брачное поведение в Олонецкой, Беломорской и Тверской Карелии в XVIII – XIX вв. // Население Карелии и карельская семья. – Йоэнсуу, 2003. – С. 133-143; Она же. База данных, составленная по архивным документальным источникам массового характера, как способ историко-демографического исследования семьи и домохозяйства карельского крестьянства XIX века // Информационные технологии и письменное наследие. Материалы IV международной научной конференции E1Manuscript-2012. –Петрозаводск, Ижевск, 2012. – С. 279-285.

Основными источниками исследования стали материалы переписей населения, проводившихся в 1710 г. (прежде всего, переписи дворцовых волостей Бежецкого уезда).¹ Использовались также описания поместных и монастырских земель Бежецкого и Тверского уездов: переписная книга Бежецкого уезда Санкт-Петербургской губернии переписи князя Федора Борисовича Нерьцкого (Каменский, Пироговский, Ивановский, Мещерский станы),² переписная книга Бежецкого уезда Санкт-Петербургской губернии переписи Саввы Михайловича Ушакова (Городенский, Полянский, Лошицкий, Есеницкий);³ переписная книга Тверского уезда – сказки, поданные дворянину Родиону Федоровичу Грязного (Шейский и Кушальский стан) и сказки, поданные Якову Елисеевичу Синявину (Микулинский стан).⁴ Важнейшим источником являются Экономические примечания по Бежецкому уезду⁵ и Экономические примечания по Вышневолоцкому уезду 1778 г.⁶

Данные о карельском населении представлены в источниках XIX в. – прежде всего, статистических сборниках, подготовленных в 1880-х гг. тверским земством.⁷ Среди этих сборников особо следует выделить материалы по Вышневолоцкому уезду, представляющие собой статистические данные о карельских поселениях и дающие подробную характеристику состава карельских и смешанных русско-карельских селений, а также сведения о карельской семье, брачных традициях и хозяйстве.

¹ Переписная книга дворцовых волостей Бежецкого уезда // РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7786.

² РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11449.

³ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11448.

⁴ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.16086.

⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп.1. Д.2.

⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп.1. Д.4.

⁷ Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Вышневолоцкий уезд. Т. III. – Тверь: Тип. Губернского Правления, 1889; Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том VI. Бежецкий уезд. – Тверь, Издание Тверского губернского земства, 1891. – Вып. 1: Текст; Вып. 2: Таблицы.

Использовались также описательные сведения о карельской семье, содержащиеся в Генеральном соображении по Тверской губернии за 1783-1784 гг.¹ и «Записке о карелах», составленной во второй половине XIX в.²

Имеющиеся данные дают достаточно разнообразные сведения о местонахождении отдельных карельских населённых пунктов и целых волостей, численности населения и количестве дворов, размерах обрабатываемой земли и угодий, времени появления карел на тверской земле, переселении из одного населённого пункта в другой. Из них мы можем получить характеристику состава карельских семей и дворохозяйств.

В исследовании представлены результаты изучения территории расселения карел в Тверской губернии в XVIII-XIX вв. Впервые локализованы отдельные карельские волости, выявлены населённые пункты, в которых проживало карельское или смешанное русское и карельское население. Эта работа была проведена с использованием ГИС-технологий. Нами использовался программный продукт QGIS 2.4. Локализация производилась на основе топографического межевого атласа А.И. Менде, составленного в 1840-1850-х гг.,³ списка населённых мест Тверской губернии 1859 г.⁴ и статистических таблиц за 1880-е гг. В нашей работе мы опирались на опыт локализации поселений XV-XVII вв., разрабатываемый в трудах А.А. Фролова.⁵ В статье также использовался электронный ресурс «Архивные карты. Обработка и представление архивных карт», разработанный под руководством В.Г. Щекотилова, включающий совместное представление архивных и

¹ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального описания по городам и уездам 1783-1784 гг. – Тверь, 1873.

² Записка о карелах, поселившихся в Тверской губернии // Тверские епархиальные ведомости, 1882, №3. – С. 81-88; № 4. – С. 117-125; № 6. – С. 171-176.

³ Топографический межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848 и 1849 гг. членами межевого корпуса и топографии военного ведомства под наблюдением ген.-майора Менде. – М., 1853.

⁴ Список населенных мест Тверской губернии. – Тверь, 1859.

⁵ Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли. Т. 1. – М., СПб., 2008. – С. 322.

современных карт, позволяющий сопоставлять данные Экономических примечаний, списка населённых мест Тверской губернии и атласа А.И. Менде.¹

В рамках демографического исследования была разработана база данных на базе MSExcel, формализующая данные статистических источников XVIII-XIX вв.

В результате произведённой локализации нами были выявлены компактные территории проживания тверских карел. В силу того, что административные границы Тверского края несколько раз менялись, мы посчитали возможным ввести территориальные обозначения групп тверских карел, тяготевших в различным городским или сельским центрам. В целом, можно выделить группы вышневолоцких, бежецких, весьегонских, зубцовских и микулинских карел, расселившихся на территории Верхневолжья (Рис. 1).

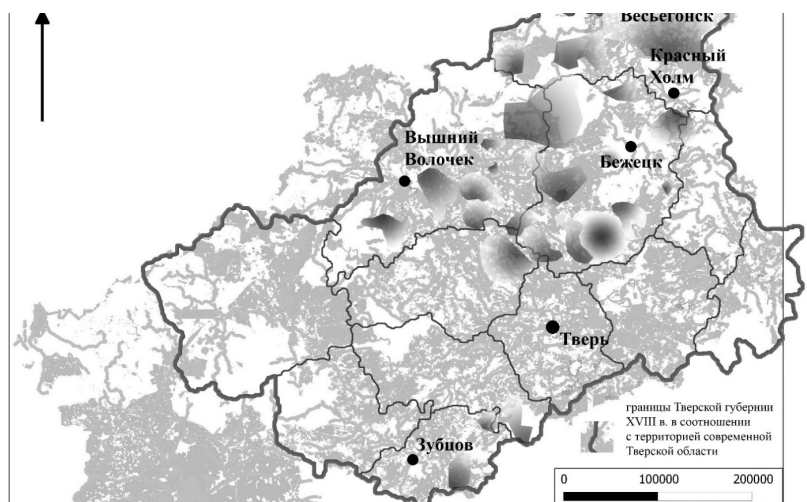
Наиболее полные данные имеются о расселении и демографии карел в Вышневолоцком и Бежецком уездах.

На территории Бежецкого уезда Тверской губернии во второй половине XVIII в. были населены карелами семи волостей, границы которых видоизменялись на протяжении всего XVIII и XIX вв.

Все они располагались в южной части Бежецкого уезда. Материалы Генерального межевания показывают, что наиболее крупной карельской волостью являлась Ивицкая волость. Она располагалась в центре карельского анклава Бежецкого уезда. Ее деление на «верхнюю» и «нижнюю» половины, зафиксированное источниками, совпадает с нижним и верхним течением р. Ивицы, однако, можно предположить, что оно было обусловлено не только географическим фактором, но и следствием расселения двух отдельных групп карел в верхнем и нижнем течении Ивицы. Характер карельского расселения в Ивицкой, Прудовской и Медвежьегорской волостях можно назвать компактным, поскольку в них не было смешанных русско-карельских поселений. Большая часть

¹ Архивные карты. Обработка и представление архивных карт. [Электронный ресурс]. – URL: <http://boxpis.ru/svg/> (дата обращения: 15.03.2015).

Рис. 1. *Расселение карел на территории Тверского Верхневолжья в XVIII-XIX вв.*

Ивицкой волости принадлежала дворцовому ведомству, хотя частично включала поместные владения.

Наиболее распространённым типом карельского населённого пункта в Бежецком уезде во второй половине XVIII в. являлась деревня из 12-15 дворов с населением 70-80 человек. В середине XIX в. количество дворов увеличивается.

В Вышневолоцком уезде карельское население было сосредоточено в пяти волостях. Наиболее компактно карельские поселения были представлены в Заборовской, Козловской и Никулинской волостях. Более разреженными они были в Осеченской и Раевской волостях. В Раевской волости карельские поселения располагались двумя отдельными группами.

Здесь преобладали деревни в среднем по 12-15 дворов, с численностью населения 60-70 человек. Средний показатель дворности населённого пункта – 5,6. Выше этот показатель был в Раевской волости – 6,6, что свидетельствует о стремлении карел к компактному проживанию в этих небольших анклавах, среди русского населения.

Усреднённый показатель дворности среди карел в Вышневолоцком и Бежецком уездах равен 5,3 (человека).

Данные о населённости двора можно интерпретировать при анализе состава карельской семьи. Согласно «Генеральному соображению по Тверской губернии», карельское население проживало «...большими домами, в которых, как правило, размещалось 2-3 семьи...».¹ Перепись 1710 г. содержит характеристики состава карельской семьи: «Во дворе корелянин Микифор Федотов 45 лет, жена его Алёна Алексеева дочь 38 лет, у него два сына Иван 6 лет, Матвей 2 года, у него ж брат родной Ефим 40 лет, жена его Фёкла Гурьева дочь 38 лет, сын его Июда 6 лет, дочь Наталья 2 недели...».² Таким образом, в XVIII в. для тверских карел было характерно домохозяйство, включавшее членов 2-3 малых (нуклеарных) семей, составлявших неразделённую, в частности, братскую семью.

В середине XIX в. показатели численности карельского населения и дворности возрастают. Средняя населённость двора – 6,8 (Рис. 2). Максимум – 14 человек. Рост населённости двора, по-видимому, был обусловлен прекращением процесса расселения и экстенсивного освоения карелами пустующих территорий. Косвенно он свидетельствует о сохранении карельской диаспорой своих этнических границ.

Рис. 2. Динамика населённости карельского крестьянского двора во второй половине XVIII – XIX в.

¹ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального описания по городам и уездам 1783-1784 гг. – Тверь, 1873. – С. 69.

² РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д.16086. Л. 510.

Во второй половине XIX в., в пореформенный период, показатель населённости двора резко уменьшается – в среднем до 4,5. Это можно объяснить тем, что в период активного развития промышленности увеличивается отток населения из сельской местности. Развивается отходничество. Этот процесс активно затронул и карельское население, у которого наблюдается резкое уменьшение коэффициента дворности, при сохранении этно-территориальных границ. В то же время растёт количество дворов в поселениях. И в целом увеличивается численность карельского населения. Это свидетельствует о дроблении крестьянской семьи и преобладании малой двухпоколенной семьи, состоявшей из ближайших родственников, достаточной для ведения хозяйства в новых условиях пореформенного времени.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (Т) 63.2

УДК 314.04

Асфандиярова А.А.

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ НА СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В СВЯЗИ С
УРБАНИЗАЦИЕЙ
И ТОВАРИЗАЦИЕЙ ЭКОНОМИКИ**

В первой половине XIX в. самодержавие в России определяло общественное развитие. Это касалось и вопросов народонаселения в целом, и урбанизационных процессов в частности. Подсчёт количества жителей империи производился в том числе по «городам» и по графе «городские жители». Но для исследователей дискуссионными остаются вопросы определения обоих понятий. Содержательное наполнение этих категорий является принципиальным для понимания социодемографических процессов в Российской империи.

Как представляется нам, наиболее корректным будет определение города, данное Б.Н. Мироновым. Он считает, что городами являются те поселения, которые считали таковыми современники и сами их жители.¹ Юридически городами в Российской империи в первой половине XIX в. назывались населённые пункты, официально признанные в качестве такового государством. Жалованная грамота городам 1785 года чётко сформулировала юридические права «городских обывателей» и определила формальные критерии города — получение от императора собственной жалованной грамоты, в соответствии с которой создавалось самоуправляющееся городское общество с правами юридического лица, а также утверждённые монархом герб и план города.

Большую сложность при оценке урбанизационных процессов в указанный период времени представляет количественный под-

¹ Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. — Л., 1990. — С. 27-31; Он же. Социальная история России периода империи. Т. 1. — СПб., 2003. — С. 315.

счёт городского населения. Согласно таким исследователям как Б.Н. Миронов, А.Р. Ивонин, количество городских жителей с 1740 гг. до 1860 гг. медленно уменьшалось. Но здесь необходимо иметь в виду, что, во-первых, данные статистики и ревизий не осуществляли строгого разделения городских и сельских жителей, а, во-вторых, города меняли условия своей жизнедеятельности и свои границы.

Власть на законодательном уровне предоставляла возможности для переселения в города. Основными группами горожан были купцы, мещане и торгующие крестьяне. Последние были «потенциальными претендентами» на статус горожанина, в зависимости от возможности, предоставленной им законодателем. Правительственная политика в отношении городских предпринимательских сословий была организована на началах корпоративности. Даже в рамках одного торгового сословия существовало деление на три гильдии, которые обладали разным объёмом прав и обязанностей. Термин «гильдия» в России первой половины XIX в. определял официальное имущественно-правовое положение купеческого сословия. Закон обеспечивал каждой гильдии определённые права и налагал ряд ограничений на их торгово-промышленную деятельность. В купечество можно было записываться в любое время года. Купцы 3-ей гильдии могли переходить во 2-ую, а те – в первую гильдию. Декларировалось, что члены всех трёх гильдий могли беспрепятственно перебираться из одного города в другой.¹

Государство ограничивало юридическую свободу предпринимателей. Несмотря на декларируемую свободу перемещения, переезд купцов в другие города или передвижение по территории страны были затруднительными, что ограничивало их хозяйственную деятельность. В случае отлучки на расстояние свыше 30 вёрст нужно было запастись паспортом, для чего требовалось рассчитаться ко времени отъезда с податями и повинностями, с частными долгами, найти двух поручителей за предстоящие непредвиденные платежи, получить разрешение от своего обще-

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXII. № 16188.

ства. Разрешение на выезд должны были брать и представители купеческой верхушки: члены магистратов и дум. Паспорта для купцов были либо плакатные, либо печатные.¹ Печатные паспорта по сравнению с плакатными были более статусными. Получали их купцы – владельцы каких-либо «домашних обзаведений». То есть даже для купцов 1-й и 2-й гильдий складывалось противоречие между декларацией их права на торговлю по всем городам Российской империи и регламентирующей практикой паспортной системы.

В 1830 г. были введены правила относительно хранения и выдачи купеческих и мещанских паспортов² и порядка записи в книги паспортов и билетов, выдаваемых купцам магистратами и ратушами.³ Эти правила в какой-то мере облегчили предпринимателям ведение торговой деятельности, процедура выдачи паспортов купцам упростилась. Для занятий торговой деятельностью за границей предпринимателей обязали приобретать заграничные паспорта. «Дополнительными правилами на выдачу заграничных паспортов» купцы и «лица торгового состояния» освобождались от пошлины, в отличие от лиц, которые не были записаны в гильдии.⁴

Мещанство — сословие в дореволюционной России, включавшее различные категории жителей. В ходе губернской реформы 1775 г. к ним были отнесены посадские люди с капиталом менее 500 рублей. В Жалованной грамоте городам 1785 г. все мелкие ремесленники и торговцы, не желавшие записываться в купеческие гильдии или цеха, были «поименованы» мещанами и, в отличие от гильдейцев, были обязаны уплачивать подушную подать, которая составляла 8 рублей в год, внутренние городские сборы, отбывать рекрутскую повинность.⁵ Одновременно мещанство получило право корпоративного объединения, в частности, элементы сословного самоуправления.⁶ Они могли быть избранными на все выборные городские

1 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20595.

2 ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. V. № 3774.

3 ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. VI. № 4210. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIX. № 17899.

4 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXII. № 16188.

5 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXII. № 16188.

6 Колоколов Е.Ф. Указатель законов для купечества. – М., 1847. – С. 67.

должности.¹ Эта мера способствовала поднятию престижа мещан, стимулировала их интерес к общественной жизни города.

Мещане каждого города, посада, местечка образовывали особое мещанское общество, которым управляли староста и его помощник.² Звание мещанина было потомственным и передавалось по наследству.³ Для записи в мещанство необходимо было иметь в городе недвижимую собственность, заниматься торговлей или ремеслом, нести податные обязанности, и исполнять городские общественные службы. При соблюдении этих условий записаться мог каждый желающий. Принадлежность к сословию оформлялась записью в городской обывательской книге.

В свою очередь, лишиться мещанского статуса мог только суд и мещанское общество. Выйти из мещанства горожанин мог и по собственному желанию, с согласия общества. Мещане, по указу Сената о порядке взыскивания податей от 21 августа 1822 г., получили право переходить в состояние крестьян за неимением другого промысла. Этого права были лишены те из них, которые «не только сами, но и отцы их никогда в земледелии не занимались».⁴ При обратном же переходе из крестьянского состояния «соискатели» должны были иметь формальное согласие городского или посадского общества на то, что они принимают к себе нового мещанина, и разрешение «на выход» от общества крестьян. Переходящие в иное сословие должны были платить все подати по обоим состояниям до новой ревизии.

По манифесту от 14 ноября 1824 г. мещане были разделены на две категории: «торгующие мещане» и «посадские». Эти две категории различались между собой объёмом прав и обязанностей. Кроме прочего, эта мера была принята для того, чтобы «охранять пользу купечества».

Крестьяне не спешили записываться в другие городские сословия, так как размер подушного сбора, который платили горожане,

1 Большая Советская Энциклопедия. Т. 9. – М., 1987. – С. 415.

2 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXII. № 16188.

3 ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 444. Л. 2об.

4 ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 444. Л. 2об.

был вдвое выше, чем у крестьян.¹ Дети крестьян, родившиеся в городе, получали городскую прописку, но продолжали числиться крестьянами и не могли входить в состав городского общества.²

Крестьяне, занимавшиеся торговлей и промыслами, освобождались от подушной подати, но несли городскую повинность. Она определялась «особым узаконением», а там, где узаконения не было, составляла 10-процентный сбор с цены свидетельства.³ В дополнение к данному указу, 20 февраля 1825 г. последовал циркуляр Министерства финансов № 2343 о том, что ни одно торговое заведение не может существовать без билетов, «исключая лавки, дозволенные содержать посадским и крестьянам (5, 6 родов)».⁴

В 1835 г. на крестьян, торговавших по свидетельствам третьего класса, было распространено право заграничной азиатской торговли.⁵ Крестьянам предоставлялось право торговать в розницу в городе и уезде не только своей губернии, но и в посторонней. На такую деятельность выдавалось соответствующее свидетельство. Крестьяне могли свободно закупать и производить в уездах и городах «припасы всякого рода», продукцию сельского хозяйства и продавать их на торгах и рынках из возов, судов и лодок, а на ярмарках иметь для этого временные лавки.⁶ Таким образом, государство всемерно поощряло крестьянское предпринимательство. Для привлечения капиталов в промышленность и торговлю 3 марта 1848 г. появился указ, предоставлявший крепостным крестьянам право покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимое имущество. В указе было подчеркнуто, что, «желая дать новое поощрение промышленности, призна-

1 Прокутина Л.В. Источники формирования тобольского мещанства в конце XVIII-первой трети XIX в. // Тобольский исторический сборник. – Тобольск, 1994. Ч. 2. – С. 27.

2 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXIX. № 30115.

3 ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. X. № 8391.

4 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXIII. № 25853.

5 Российские законы о торговле и промышленности. Руководство для торговых сословий / Сост. А. Леонгард. – СПб., 1855. – С. 102.

6 Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 76.

ли мы за благо право приобретения земель и другой недвижимой собственности распространить на крепостных людей». Но практическая реализация данного указа всецело зависела от воли помещика, в связи с чем данный указ, скорее, являлся лишь своего рода декларацией о намерениях.

Несмотря на повышение нормы взноса в казну, крестьяне воспользовались предоставленным им правом заниматься постоянной торговлей в городах. Торговые крестьяне начали играть более заметную роль в неперiodической торговле, а к концу 50-х годов XIX в. стали успешно конкурировать с гильдейским купечеством, постепенно концентрируя торговлю в своих руках.

Итак, в связи с развитием капитализма правительственная политика Российской империи в первой половине XIX в. в отношении субъектов экономической деятельности была организована на началах сословного принципа. Объём предоставляемых прав горожанину и крестьянину зависел от финансовой заинтересованности власти. Отсюда вытекала противоречивость и непоследовательность официальных мер в сфере поощрения торговли.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 314.58

Кобзев А.В.

**БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
СЕЛА ТОМЫЛОВО СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ЗА 1865–1896 ГГ.¹**

Село Томылово расположено у речки Томыловка. Этнический состав села – мордва (эрзя). По данным Списков населенных мест Симбирской губернии за 1859–1913 гг. (далее Списки или Список) село входило в Мало-Борлинскую волость Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. В этническом отношении в волости преобладало русское население. На шесть русских селений приходилось одно мордовское село Томылово. В 1884 г. доля мордовского населения в Мало-Борлинской волости составила 30,7%, но к 1911 г. выросла до 32,8% или на 2,1%. Соответственно доля русского населения снизилась с 69,3% в 1884 г. до 67,2% в 1911 году.²

Как видим в Табл. 1, в селе на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. наблюдается положительная динамика населения. По данным Списка за 1859 г. в селе проживало 2418 человек, из них 1159 мужчин (47,9%) и 1259 женщин (52,1%). К 1911 году численность населения выросла в 1,7 раза и составила 4173 человека. Из них мужчин было 2074 человек (49,7%) и женщин – 2099 человек (50,3%).

Сохранившиеся в Государственном архиве Ульяновской области метрические книги села Томылово охватывают период с 1865 по 1896 гг., исключая лакуны за 1866, 1868 и 1869 гг.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-11-73005 «Стратегии социо-культурного и демографического воспроизводства устойчивых малых социумов нетитульных этносов в русской среде (на примере сёл Симбирской губернии XVIII – начала XX вв.)».

² Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1884. – С. 31; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Выпуск 7. Сенгилеевский уезд. – Симбирск, 1914. – С. 1.

Таблица 1.

**Динамика численности населения в с. Томылово
в 1859–1911 гг.**

Томылово при р. Томыловке		Годы			
		1859	1884	1897	1910- 1911
Численность жителей	Мужчины	1159	1515	1787	2074
	Женщины	1259	1552	1894	2099
	Всего	2418	3067	3681	4173

Источник: Список населенных мест Симбирской губернии по сведениям 1859 года. – СПб., 1863. – 99 с.; Список населенных мест Симбирской губернии. – Симбирск, 1884. – 194 с.; Список населенных мест Симбирской губернии в 1896 году. – Симбирск, 1897. – 470 с.; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Выпуск 7. Сенгилеевский уезд. – Симбирск, 1914. – 156 с.

Для реконструкции брачных отношений жителей села были использованы данные метрических книг о месте жительства жениха и невесты. Как правило, в метрических книгах отмечалось из каких деревень, волостей, уездов и губерний были родом жених и невеста. Фиксировалась их сословная принадлежность и возраст брачующихся. Сопоставление данных метрических книг о месте жительства жениха и невесты с данными Списков об их этническом составе позволяет реконструировать не только структуру брачного рынка (брачные круги), но и межэтнические брачные отношения.

За 1865–1896 гг. был зарегистрирован 831 брак, из них 641 брак — это браки среди жителей с. Томылово. Их удельный вес составил 77%. Остальные 190 внешних браков были браками между женихами с. Томылово и невестами других сёл и деревень Симбирской губернии. Их удельный вес составил 23% (см. Табл. 2, Рис. 1). Из 641 брака в двух случаях невесты женихов с. Томылово — жители других губерний Российской империи. В 1873 году житель села женился на крестьянке Эстляндской губернии, и в 1894 году ещё один — на крестьянке деревни Новиковка Городищенского уезда Пензенской губернии.¹

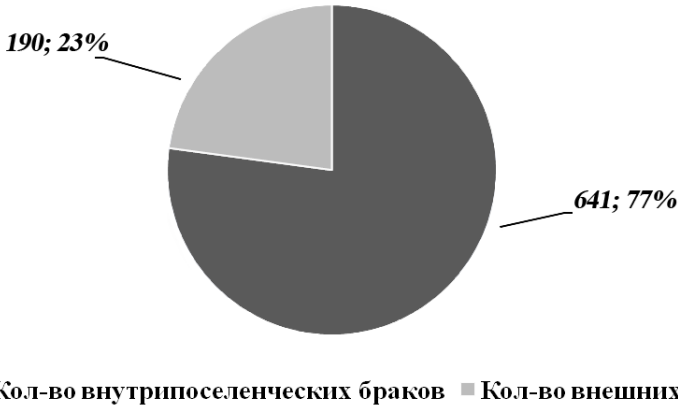
¹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 134. Оп. 16. Ед. хр. 44. Л. 235об.-244; Ед. хр. 49. Л. 283об.-266.

Динамика браков в с. Томылово в 1865–1896 гг.

Годы	Село Томылово														Итого
	1865	1867	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	
Кол-во браков	22	30	18	41	28	32	33	23	24	36	34	35	30	27	413
Кол-во внутри-поселенческих браков	19	23	14	29	18	29	18	21	21	34	28	31	24	25	334
Кол-во внешних браков	3	7	4	12	10	3	5	2	3	2	6	4	6	2	69
Годы	Село Томылово														Итого
	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	
Кол-во браков	24	23	24	39	16	33	37	33	36	20	44	47	24	28	428
Кол-во внутри-поселенческих браков	21	19	19	25	11	25	26	20	29	14	31	28	18	21	307
Кол-во внешних браков	3	4	5	14	5	8	11	13	7	6	13	19	6	7	121

Источник: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Ед. хр. 467–469, 502; Оп. 14. Ед. хр. 492–495; Оп. 16. Ед. хр. 44–49; Оп. 32. Ед. хр. 129.

Браки крестьян с. Томылово с жителями других селений прослеживаются в течение всех наблюдаемых 28 лет. За весь период не было ни года без заключения брака с жителями иных деревень и сёл. Удельный вес таких браков колебался в пределах 5–41%. Наименьшее число внешних браков (всего два) было зафиксировано трижды: в 1876, 1878 и 1882 гг. Удельный вес этих браков составил: в 1876 г. – 8,7%, 1878 г. – 5,5% и в 1882 г. – 7,4%. Соответственно удельный вес внутрипоселенческих браков в эти годы составил 91,3%, 94,5% и 92,6%. (см. Табл. 2, Рис. 1).

Рис. 1. *Соотношение внутриселенческих и внешних браков в с. Томылово в 1865–1896 гг.*

Наибольшее число внешних браков было отмечено в 1872–1873 гг., 1886, 1889–1890 гг. и 1893–1894 гг. Удельный вес внешних браков был следующим: 1872 – 29,2%, 1873 – 35,7%, 1886 – 35,9%, 1889 – 29,7%, 1890 – 39,3%, 1893 – 29,5%; 1894 – 40,5%. В абсолютных цифрах это составляло, например, в 1894 году 28 внутриселенческих и 19 внешних бракосочетаний (см. Табл. 2, Рис. 2).

Всего в структуре брачных связей с. Томылово в 1865–1896 гг. было задействовано 22 населённых пункта. Из них восемь мордовских сёл и деревень и 14 селений с русским населением. Доля браков между мордвой абсолютно преобладает — 89%, доля браков с русскими, соответственно, составила 11% (Рис. 3). Следует обратить внимание на то, что в этих брачных парах женихи были из мордвы, а невесты — русские, что, возможно, детерминировано характером выборки.

В численном выражении из 185 браков 165 были заключены между жителями мордовских сёл и деревень, и всего 20 браков между мордвой и русскими (Табл. 3).

Иерархия брачных кругов жителей с. Томылово выглядит следующим образом. В четвёрку ведущих селений, с которыми крестьяне села поддерживали устойчивые брачные отношения на протяжении длительного времени, входили Еделево (66 браков),

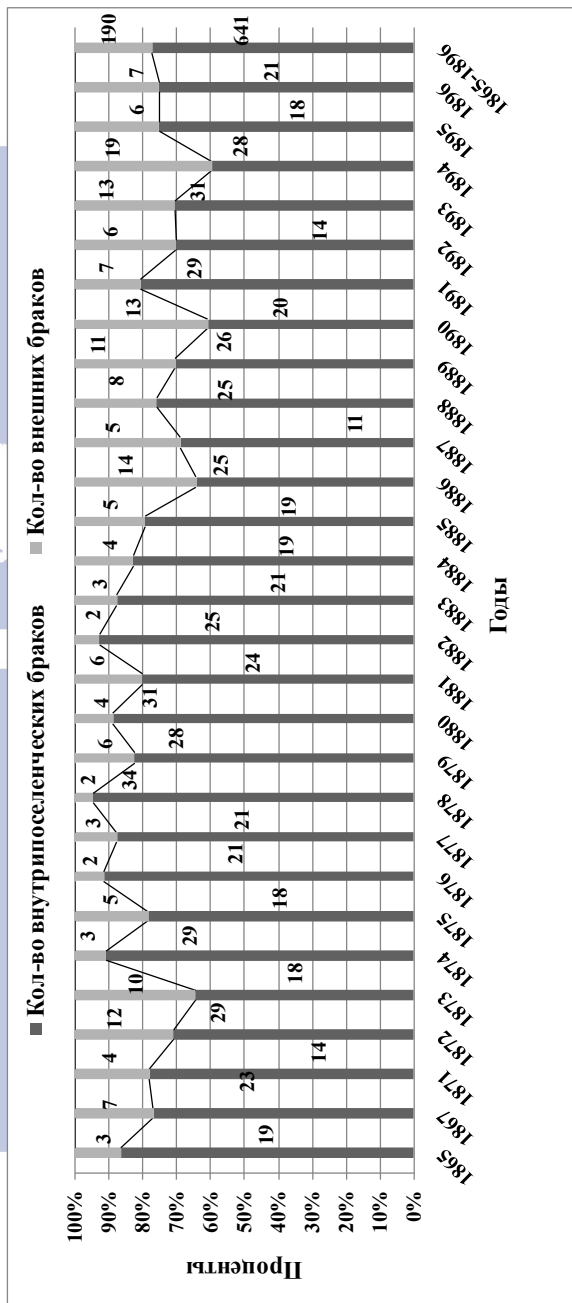
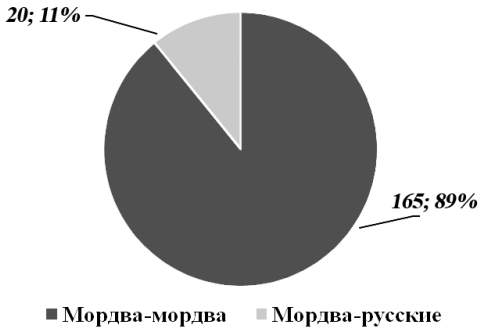

Рис. 2. Динамика удельного веса внутрисословных и внешних браков в с. Томылово в 1865–1896 гг.

Источник: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Ед. хр. 467–469, 502; Оп. 14. Ед. хр. 492–495; Оп. 16. Ед. хр. 44–49; Оп. 32. Ед. хр. 129.

Рис. 3.
Этнический состав брачующихся с Томылово в 1865–1896 гг.

Таблица 3.
Частотность брачных связей с Томылово в 1865–1896 гг.

Браки жителей села Томылово (по линии жениха)	Кол-во браков	Этнический состав	Во-лость	Уезд	Губер-ния
Томылово-Еделево	66	Мордва	Николь-ская	Сызран-ский	Сим-бирская
Томылово-Кузова-тово	57	Мордва	Кузова-товская	Сенгиле-евский	
Томылово-Кивать	19	Мордва	Кузова-товская		
Томылово-Нижние Коки	15	Мордва	Горюш-кинская		
Томылово-Верх-ние Коки	3	Чуваши, мордва	Соба-кинская	Карсун-ский	
Томылово-Мор-довская Темрезань	2	Мордва	Кузова-товская		
Томылово-Соро-кино	2	Мордва	Жадов-ская		
Томылово-Алеш-кино	1	Мордва	Старо-рачей-ская	Сызран-ский	
Итого	165				

Браки жителей села Томылово (по линии жениха)	Кол-во браков	Этнический состав	Во-лость	Уезд	Губер-ния	
Томылово-Волынщина	5	Русские	Уваровская	Сенгилеевский	Симбирская	
Томылово-Старая Ерыкла	2	Русские	Собакинская			
Томылово-Баевка	1	Русские	Кузovatовская			
Томылово-Алексеевка	1	Русские	Никольская	Сызранский		
Томылово-Чириково	1	Русские	Чертановская	Сенгилеевский		
Томылово-Трубетчина	1	Русские	Уваровская			
Томылово-Дворянское	1	Русские	Уваровская			
Томылово-Игнатовка	1	Русские	Поповская			
Томылово-Репьевка	1	Русские	Репьевская	Сызранский		
Томылово-Никольское	1	Русские	Никольская			
Томылово-Сызрань	2	Русские				
Томылово-Ивановка	1	Русские		Симбирский		
Томылово-Новиковка	1			Городищенский		Пензенская
Томылово-Тюрпсании	1			Вирляндский		Эстляндская
Итого	20					

Источник: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Ед. хр. 467–469, 502; Оп. 14. Ед. хр. 492–495; Оп. 16. Ед. хр. 44–49; Оп. 32. Ед. хр. 129.

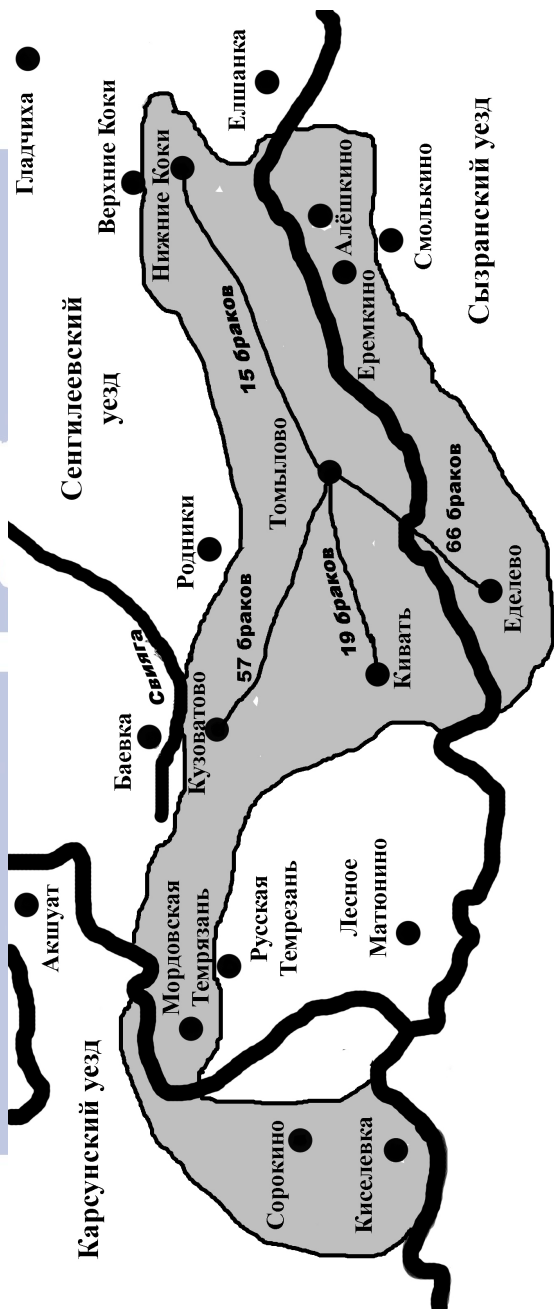

Рис. 4. Количество и удельный вес экзогенных браков жителей с. Томылово в 1865–1896 гг.

Кузоватово (57 браков), Кивать (19) и Нижние Коки (15). Совокупная доля браков, приходившаяся на эти сёла, составила 92% по отношению к внешним бракам мордовского населения с. Томылово (Табл. 3 и Рис. 4).

Село Еделево располагалось в Никольской волости Сызранского уезда, сёла Кузоватово и Кивать в Кузоватовской волости Сенгилеевского уезда и с. Нижние Коки в Горюшкинской волости Сенгилеевского уезда. Все эти сёла находились от Томылово в 12–22 км. Сёла Томылово, Кузоватово и Кивать располагались в юго-западной части Сенгилеевского уезда и примыкали к северной границе Сызранского уезда, вблизи которой находились мордовские сёла и деревни Еделево, Ерёмкино и Алёшкино. По существу, все эти мордовские селения образовывали этнический анклав, разделённый административными границами Сенгилеевского и Сызранского уездов Симбирской губернии (Рис. 5).

В демографическом отношении наиболее крупными сёлами, с которыми томыловцы имели общий брачный рынок, были Еделево и Кузоватово. В Еделево по Подворной переписи Симбирской губернии 1910–1911 гг. проживало 4392 человека, в Кузоватово — 3860 человек, что сопоставимо с численностью

Условные границы этнического анклава мордовского населения южной части Карсунского, юго-западной части Сентигилеевского и северной части Сызранского уездов

Рис. 5. Карта-схема: Брачный рынок с. Томьлово в 1865–1896 гг.

населения Томылово. В сёлах Кивать и Нижние Коки проживало несколько меньше — 2472 и 3333 человека соответственно.¹

Об устойчивости кроссбрачных отношений говорят следующие данные. Браки между жителями Томылово и Еделево за 28 наблюдаемых лет отмечены на протяжении 25 лет. Выпадают из этого ряда только 1876 и 1895–1896 гг., когда между крестьянами этих сёл не был заключён ни один брак. Браки между жителями Томылово и Кузоватово за 28-летний период были зафиксированы в течение 15 лет. Ни одного брака не было в 1865, 1870–1871, 1876, 1879–1881, 1883, 1885 годах. В паре Томылово — Кивать, из 28 лет, браки регистрировались в общей сложности также 15 лет, а не заключались в 1872, 1874–1875, 1880–1882, 1885, 1887, 1890–1892, 1895–1896 гг. Наконец в паре сёл Томылово — Нижние Коки браки наблюдались 13 лет, и не было браков в течение 17 лет (в 1871, 1873–1879, 1882–1889, 1891–1892 гг.).

Следует обратить внимание на то, что во всех приведённых случаях речь идёт о браках, когда жених был из Томылово, а невеста извне (Еделево, Кузоватово, Кивать и Нижние Коки). Для получения полной картины интенсивности брачных отношений необходим зеркальный анализ метрических данных, когда невесты были из Томылово, а женихи из Еделево, Кузоватово, Кивать и Нижних Кок (Табл. 4).

Пока можно вести речь о степени интенсивности брачных отношений только по мужской линии (жених из Томылово). В 1865–1885 гг., то есть в течение 20 лет, наиболее интенсивными были брачные отношения в паре Томылово — Еделево. За это время был заключён 41 брак, другими словами, в среднем в год заключалось по два брака. Наибольшее число браков в этой паре сёл приходится на 1872 год — девять браков. В последующие восемь лет было заключено 25 браков или в среднем в год по три брака. Это много, но всё же меньше, чем за этот же период в паре брачных отношений Томылово — Кузоватово (см. Табл. 4).

¹ Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Выпуск 7. Сенгилеевский уезд. — Симбирск, 1914. — С. 4, 18, 26; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Выпуск 8. Сызранский уезд. — Симбирск, 1914. — С. 2.

Динамика кроссбрачных отношений с. Томылово с жителями сёл Еделево, Кузоватово, Кивать и Нижние Коки в 1865–1896 гг.

Годы	Село Томылово													
	1865	1867	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882
Томылово-Еделево	1	2	2	9	5	1	2	0	1	1	5	3	2	1
Томылово-Кузоватово	0	0	0	1	0	1	1	0	1	1	0	0	0	1
Томылово-Кивать	1	2	2	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0
Томылово-Нижние Коки	1	1	0	2	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0
Годы	Село Томылово													
	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Томылово-Еделево	1	2	3	3	3	3	4	2	1	2	4	3	0	0
Томылово-Кузоватово	0	1	0	4	2	3	6	10	6	3	3	10	1	2
Томылово-Кивать	2	1	0	1	0	2	1	0	0	0	1	3	0	0
Томылово-Нижние Коки	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	2	1	4

Источник: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Ед. хр. 467–469, 502; Оп. 14. Ед. хр. 492–495; Оп. 16. Ед. хр. 44–49; Оп. 32. Ед. хр. 129.

В бинарной конструкции Томылово — Кузоватово интенсивная брачность приходится на 1886–1896 гг. За 11 лет между жителями сёл было заключено 50 браков, то есть каждый год в среднем пять женихов из Томылово брали себе в жёны невест из села Кузоватово. Дважды в 1890 и 1894 годах число браков достигало рекордных значений: десять венчаний ежегодно. Но за

предшествующий период 1865–1885 гг., то есть за 17 лет, было заключено всего семь браков (см. Табл. № 4).

В 1865–1885 гг. приоритетными для томьловцев были брачные отношения с мордовским селом Еделево. С середины 1880-х гг. наряду с Еделево вторым по важности селом в кроссбрачных отношениях стало село Кузоватово.

Помимо мордовских селений Сенгилеевского уезда крестьяне села Томылово имели брачные связи с мордвой Сызранского и Карсунского уездов. Правда, эти браки были единичными. В 1873 г. был заключен брак между жителем с. Томылово и крестьянкой д. Алешкино Старо-Рачейской волости Сызранского уезда. В 1893 году в церкви села Томылово состоялось браковенчание крестьянина этого села и крестьянки д. Сорокино Жадовской волости Карсунского уезда.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в мордовском селе Томылово наблюдается рост населения. Здесь преобладали однородные в этническом смысле браки. Их удельный вес составлял 89%. Брачный рынок женихов из Томылово включал несколько соседних мордовских поселений. Браки с русскими невестами носили единичный характер. О некоторой устойчивости брачных связей с русским населением можно вести речь только в случае с селом Волинщина Уваровской волости Сенгилеевского уезда. Пять невест этого села в разные годы стали жёнами крестьян с. Томылово. Среди мордовских сёл стабильные кроссбрачные отношения по мужской линии поддерживались с сёлами Еделево, Кузоватово, Кивать и Нижние Коки (в порядке убывания). Все эти селения располагались в определённой близости к с. Томылово, в пределах 12–22 км. Численность населения в них по состоянию на 1910–1911 гг. была сопоставима с численностью населения в с. Томылово и варьировалась в пределах 3,8–4,4 тыс. человек.

В Сенгилеевском уезде мордовское население хоть и составляло самый крупный нерусский этнический анклав, но всё же оставалось этническим меньшинством по сравнению с преобладающим русским населением. Было ограничено и количество мордовских поселений в относительной территориальной близости, входив-

Историческая демография

ших в общий брачный рынок. Высокая доля внутриселенческих браков в Томылово, скорее всего, объяснялась тем, что это село располагало необходимыми внутренними людскими ресурсами достаточными для воспроизводства и прироста населения. Прочность общинных патриархальных связей, характерная для мордовского населения Симбирской губернии, сохранившаяся в условиях пореформенной России, побуждала к аккумуляции рабочих рук в крестьянском хозяйстве и земельного фонда в сельской общине. Можно полагать, что немалую роль играла этническая замкнутость. Зафиксированный факт нуждается в объяснении: было ли это следствием позиции окружающего русского населения (своеобразная сегрегация) или же результат позиции самой мордвы.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 314.8

Шафиров А.В.

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА
СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Обращение к демографическому анализу крестьянства связано с общим развитием исторической демографии, расширением предметной области аграрной истории России и усложнением представлений об историческом процессе, что характерно для исторической науки второй половины XX столетия. Однако, несмотря на множество работ по истории крестьянства, проблема численности крестьянского сословия Симбирской губернии – типичного аграрного региона – до сих пор не исследована, региональная специфика не раскрыта, показатели текущего и периодического учёта крестьянского населения не введены в научный оборот.

Данная статья представляет собой первую попытку выявления и анализа численности крестьянства и его удельного веса в структуре всего населения Симбирской губернии во второй половине XIX в. Основными источниками стали документы и материалы официальной государственной статистики.

Единственным широкодоступным и наиболее изученным источником по численности крестьянского сословия и всего населения Симбирской губернии в указанный период остаются материалы Первой всеобщей переписи населения России.¹ Именно сведения переписи 1897 г. приводятся в качестве иллюстрации количества всего наличного населения, его сословной, национальной и конфессиональной структуры. Другими источниками, которые отражают изменения количества и состава населения в

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. Симбирская губерния, 1904. – 177 с.

Историческая демография

указанный исторический период, являются обобщённые «Статистические таблицы Российской империи за 1858 год», которые были подготовлены и изданы А. Бушеном; сведения о губернии, собранные по линии Генерального Штаба полковником А.И. Липинским; издания Симбирского статистического комитета, наиболее ценными из которых являются Списки населённых мест и Памятные (впоследствии – Справочные) книжки за различные годы. Первичными материалами, содержащими данные текущего учёта населения губернии, стали документы волостных правлений и уездных полицейских исправников, необходимые для составления Всеподданнейших отчётов губернаторов, которые хранятся в Государственном архиве Ульяновской области.

Названные источники в разной степени учитывают основные демографические показатели крестьянства Симбирской губернии. Тем не менее, на основе этих материалов нам удалось проследить динамику его численности, изменение соотношения различных групп крестьянского сословия. Также рассмотрены показатели рождаемости и смертности, которые характеризуют уровень естественного движения населения в границах Симбирской губернии.

Исторически вторая половина XIX в. в демографическом плане гомогенна – это время традиционного типа воспроизводства населения. Исходя из имеющейся статистики, за нижний рубеж отчёта примем время перехода от учёта всего приписного населения к учёту только наличного (постоянно проживающего) в 1858 г. Верхним – 1897 год – время, когда была произведена Первая всеобщая перепись населения. Статичность границ региона в указанный временной промежуток позволяет исключить погрешность территориально-административного характера при выявлении динамики численности крестьян.

Как известно, российское крестьянство в пореформенный период оставалось крайне неоднородным. В 60-е гг. XIX в. крестьяне Симбирской губернии законодательно и фактически продолжали делиться на государственных, удельных и помещичьих (владельческих). Этому способствовала, видимо, разница в условиях освобождения, размерах наделов и суммах выкупных платежей.

Все учётные документы до середины 1870-х гг. продолжали чётко разграничивать крестьянство на три разряда, указывая численность каждого из них в отдельности. Рассмотрим их в том порядке, что задан источниками.

Появление сословия государственных или «казённых» крестьян связано с военными и финансовыми преобразованиями Петра I в начале XVIII в. Основу будущего разряда государственных крестьян на территории Симбирского края составили бывшие категории служилых людей. Вследствие смещения границ государства на юг и юго-восток и утраты регионом важной военно-стратегической функции их число здесь заметно сократилось, но при этом всё же данные социальные группы совсем не исчезли. Другая часть сословия государственных крестьян была представлена ясачными людьми. В 1835 г. почти все государственные крестьяне губернии были переведены в подчинение удельного ведомства, а в 1849 г. вновь составили категорию государственных крестьян. К 1860 г. основную массу государственных крестьян в регионе составляли бывшие лашманы, подчинённые Адмиралтейству.¹ В 1860 г. сюда же были отнесены однодворцы. В Симбирской губернии государственные крестьяне были самой малочисленной группой крестьянского населения.

Крупнейшей категорией в губернии были удельные крестьяне. Вообще территория Среднего Поволжья являлась центром удельного хозяйства России. Сама категория появилась вследствие реформирования дворцового хозяйства на основании закона «Учреждение об императорской фамилии» от 5 апреля 1797 г. Её основу составили бывшие дворцовые крестьяне. В первой половине XIX века численность удельных крестьян непрерывно увеличивалась. Это объяснялось частыми переводами помещичьих крестьян в удельное ведомство через механизм выморочного имущества, невозможностью помещикам расплатиться по закладной, продажи дворянских имений с крестьянами.² К этой

¹ Лашманы – крестьяне, задействованные на заготовке корабельного леса. От немецкого *Laschmann* (*laschen* — «обрубать, отесывать, обделывать» и *Mann* — «человек»).

² Клеянкин А.В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Сим-

же категории в 1835 г. были причислены однодворцы, свободные хлебопашцы и ямщики Симбирской губернии.¹ Однако в 1849 г. они вновь были переведены в состав государственных крестьян с сохранением подчинения удельному ведомству.

Помещичьи (владельческие) крестьяне появились в Симбирском крае после начала государственной колонизации во второй половине XVII в. Это связано с пожалованием земельных владений феодалам и монастырям. Помещики переводили на новые земли часть своих крестьян. Беглые крестьяне, стихийно переселявшиеся из центральных и северо-восточных земель в надежде на вольницу, уже в начале XVIII в. были прикреплены к земле и переданы в частные руки. В период реформ по укреплению положения высшего сословия Екатериной II и Павлом I было передано дворянам большое количество дворцовых крестьян.

К середине XIX в. все частновладельческие крестьяне подразделялись на две группы – в первую входили крестьяне, прикрепленные к владельческой земле и непосредственно участвующие в процессе производства, а ко второй, значительно уступавшей по численности, относились дворовые люди, исполняющие функции домашней прислуги.

Рассмотрим численность крестьянства Симбирской губернии по категориям в пореформенное время (Табл.1).

По приведённым данным видно, что численность всех категорий крестьянства продолжала возрастать в пореформенное время. Выбываются из ряда лишь сведения за 1867 г. о помещичьих крестьянах. Наши предположения по этому поводу сводятся к следующему. Во-первых, после отмены крепостного права началось сокращение дворовых людей. Вероятно, многие бывшие дворовые люди вошли в состав мещанского и других сословий. Во-вторых, сведения 1867 г. были составлены на основании сведений губернского статистического комитета, достоверность

бирской губернии первой половины XIX века. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1974. – С. 23.

¹ Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: очерки. – Грозный, 1959. – С. 6.

которых вызывала сомнения у исследователей.¹ В-третьих, причиной сокращения помещичьих крестьян могли стать рекрутские наборы, которые продолжались до 1874 г.

Таблица 1.

**Численность отдельных категорий крестьянства
Симбирской губернии в 1860-е гг.**

Годы	Крестьяне государственные (чел.)			Крестьяне удельные (чел.)			Крестьяне помещичьи (чел.)		
	м. п.	ж. п.	всего	м. п.	ж. п.	всего	м. п.	ж. п.	всего
1858	38091	38824	76915	243079	264862	507941	214213	228121	442334
1862	243079	264862	507941	249296	270294	519590	217798	229950	447718
1867	40167	40368	80535	—	—	551237	206898	224246	431144

Источник: Бушен А. Статистические таблицы Российской империи: выпуск 2. Наличное наследие империи за 1858 год. – Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1863. – С. 171; Литинский А.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Часть 1. – СПб.: Военная типография. 1868. – С. 254; Статистический временник Российской империи. Серия 2. Выпуск 1. – СПб.: ЦСК МВД, 1866. – С. 72-75.

С начала 1870-х гг., когда основные реформы были проведены, сословные границы, характерные для дореформенного периода, практически исчезли. В 1871 году все категории крестьян были объединены в сословие сельских обывателей. Поэтому несколько позднее изменяется и форма фиксации численности крестьянства. В эту же группу, помимо крестьян, была включена и небольшая группа жителей под названием «Колонисты».

¹ Кабузан В.М. О достоверности учёта населения России (1858-1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. 1981. Институт истории СССР; отв. ред. В.И. Буганов, отв. секр. В.Ф.Кутъев. – М., 1982. – С. 105.

Они представляли собой в основном иностранных переселенцев, которые занимались сельским хозяйством и связанным с ним ремеслом. Численность их в губернии была незначительной и не превышала 2 тыс. человек.

Несовершенство статистики второй половины XIX в. даёт погрешность в определении и общей численности населения Симбирской губернии, и отдельных социальных и профессиональных групп. Материалы центральных ведомств зачастую не совпадают с данными губернских учреждений. Расхождения в абсолютных показателях численности количества населения варьируются от 4 до 10%.¹ Конкретные причины несоответствия учётных данных не совсем понятны.

Для определения динамики численности крестьянства предпочтение отдано статистике центральных органов, а также использованы материалы, признанные другими исследователями наиболее полными и достоверными. Так, в работе Г.Н. Плотниковой по выявлению численности крестьянства Пермской губернии указано, что: «Наиболее достоверными исходными данными, на наш взгляд, можно считать статистические сведения Х. Мозеля, офицера Генерального штаба, специально подготовленного для данного рода деятельности»² [Мозелем проведено историко-географическое и статистическое описание Пермской губернии. В Симбирской губернии подобную работу осуществил полковник Александр Иосифович Липинский – А.В. Шафиров].

Для дореформенного периода использованы «Статистические таблицы Российской империи», составленные А. Бушеном.³ Эти данные являются более достоверными и объективными по сравнению с материалами X ревизии, т. к. учёт населения в них произведён не по всему приписному, а только по наличному населению на конкретной территории.⁴ Другими сопоставимо достоверными сведениями явля-

¹ Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 107.

² Цит. по: Плотникова Г.Н. Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2006. – С. 48.

³ Бушен А. Статистические таблицы Российской империи за 1858 г. – С. 171.

⁴ Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 100.

ются материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года.¹ Промежуточные сопоставимые данные, отображающие естественное движение населения губернии, приводятся в издании Центрального статистического комитета Российской империи – «Статистическом временнике Российской империи»,² где наряду с другими показателями представлена динамика народонаселения за 1867 г.

Представим показатели общей численности населения губернии и численности крестьянства в виде таблицы (Табл. 2, см. стр. 176). Далее на их основе вычислим удельный вес крестьянства в структуре населения Симбирской губернии (эти числа округлены до сотых).

Как видно из таблицы, в начале исследуемого периода доля крестьянства в общей структуре населения губернии составляла 90,02%. В 1860-е гг. наблюдается незначительное снижение удельного веса крестьянства при увеличении его численности в абсолютных цифрах. Это можно объяснить активностью в воспроизводстве других сословных групп населения губернии (например, купечества и православного духовенства, сохранявших традиционный уклад семейных отношений). К концу XIX в. доля крестьянства среди всего населения губернии выросла до 94,18%. Это характерно для большинства аграрных губерний России.³

В абсолютных показателях рост крестьянства за весь период составил 411 877 человек. Главным фактором увеличения численности населения являлся естественный прирост. Механическое движение населения не играло определяющей роли в данном случае. Хотя источники, где имелись бы достоверные и объективные сведения, характеризующие миграции как из сельской местности в города, так и в другие губернии Европейской России и Сибири, появились лишь в 80-е гг. XIX в.⁴

¹ Плотникова Г.Н. Указ. соч. – С. 48.

² Статистический временник Российской империи. Серия 2. Выпуск 1. – СПб.: ЦСК МВД, 1866. – 587 с.

³ Ульянов А.Е. Динамика численности крестьянского населения Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3. – Тамбов: Грамота, 2009. – С. 200.

⁴ Возможной причиной замедления роста численности крестьян-

Изменение численности и удельного веса крестьянства
Симбирской губернии в 1859 – 1897 гг.

Годы	Крестьяне государственные (чел.)			Крестьяне удельные (чел.)			Удельный вес крестьянства (%)
	м. п.	ж. п.	всего	м. п.	ж. п.	всего	
1858	495383	531807	1027190	555176	585797	1140973	90,02 %
1862	507231	540612	1047843	565283	603010	1168293	89,69 %
1867	521125	549677	1070802	581101	611409	1192510	89,79 %
1897	687357	751710	1439067	728909	798939	1527848	94,18 %

Источник: Буиен А. Статистические таблицы Российской империи. – С. 171; Липинский А.И. Материалы для географии и статистики Симбирской губернии. Т. 1. – С. 254; Статистический временник Российской империи. Серия 2. Выпуск 1. – С. 72-75; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. Симбирская губерния, 1904. – С. 17, 48-49.

Главными показателями, которые влияют на естественное движение населения, являются уровни рождаемости и смертности. Приведём выборочно показатели рождаемости и смертности за различные годы. Так, в 1867 г. на территории Симбирской губернии родилось 63 725, а умерло – 48 921 человек; естественный

скового населения губернии стала достаточно мощная миграция в рамках переселенческой политики, стартовавшей в 1891 году. По аналогии можно сослаться на ситуацию в Алатырском уезде в конце XIX в. См.: Илюшин Г.В. Дубёнское Присурье: очерки по истории мордвы, русских и татар, проживавших в Дубёнском Присурье с древности по 1928 год, до образования Дубёнского района. – Саранск, 2008. – С. 248.

прирост равнялся +14 804.¹ В 1885 году прирост населения губернии составил +24 301.² По сведениям 1888 г. общий прирост населения был равен +26 384, причём отдельно указывался показатель прироста крестьянства +20 824.³ За 1894 г. – естественный прирост несколько снизился и составил +18 574.⁴ Это связано с сильнейшим голодом 1891-1892 гг. и эпидемией холеры 1892 года.

Таблица 3.
Естественное движение населения Симбирской губернии
во второй половине XIX века

Год	Общее число жителей	Число рождений (чел.)	Коэф. рожд. (%)	Число смертей (чел.)	Коэф. смертн. (%)	Абсолютный естественный прирост (чел.)	Коэф. естеств. прироста (%)
1867	1 192 510	63 725	53,43	48 921	41,02	+14 804	12,41
1885	1 527 762	73 259	47,95	48 958	32,04	+24 301	15,91
1888	1 605 335 (из них крестьян – 355349)	80 877	50,37	54 493	33,94	+26 384 (прирост крестьян составил +20824)	16,43 (при этом у крестьян К.Е.П. равен 15,36)
1894	1543758	81 300	52,66	62 726	40,63	+18 574	12,03

Источник: Памятная книжка ... за 1868 год. Отд. III. – С. 10; ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 17. Л. 46 об.–47; ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. Л. 38 об–39; ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 97. Л. 19 об–20.

¹ Историко-статистическое описание Симбирской губернии 1868 // Памятная книжка Симбирской губернии на 1868 год (с приложением). Отд. III. – Симбирск: Типография Симбирского Губернского Правления, 1868. – С. 10.

² Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 17. Л. 46об.-47.

³ ГАУО.Ф. 48.Оп. 1.Д. 38.Л. 38об.–39.

⁴ ГАУО.Ф. 48.Оп. 1.Д. 97.Л. 19об.–20.

Для Симбирской губернии, как и для других губерний Среднего Поволжья этого периода, характерен восходящий демографический тренд. Учитывая, что доля крестьянства в социальной структуре региона была доминирующей, то именно уровень естественного прироста в крестьянской среде определял эту тенденцию. Однако, несмотря на высокую рождаемость, достаточно высокой оставалась и смертность населения. Это (наряду с другими признаками) свидетельствует о том, что Демографический переход I (от традиционного к индустриальному типу воспроизводства населения) в Симбирской губернии ещё не начинался. Особенно это было характерно для крестьянской среды, где сохранялась патриархальность жизненного и семейного укладов. Показательно, что в начале и в конце исследуемого периода коэффициент естественного прироста практически совпадают.

На демографии в пореформенное время сказываются последствия преобразований в аграрном секторе страны: фактическое сокращение земельных наделов крестьян, неопределённость их положения после отмены крепостного права, приведшие к волнениям и восстаниям. В начале 1890-х гг. среди причин, повлиявших на естественный прирост, уже были названы неурожаи и голод, а также достаточно сильная эпидемия холеры 1892 года в губернии. Тем не менее, во второй половине XIX столетия в Симбирской губернии крестьянство оставалось преобладающей социальной группой. Рост численности крестьян и в абсолютных показателях, и в процентном отношении за исследуемый период соответствует общероссийской тенденции.

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.6

УДК 311.31

Исупов В.А.

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА ТЫЛОВЫХ РАЙОНОВ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Население, его численность, состав, профессиональная и образовательная подготовленность людского контингента, словом, все то, что можно включить в понятие «человеческий потенциал», являли собой решающую силу, внесшую основной вклад в Победу в годы Второй мировой войны. Деятельность по определению наличного военно-мобилизационного и трудового потенциала велась в нашей стране в течение всей войны. Она была возложена на Госплан СССР и его органы на местах – республиканские, областные (краевые) плановые и статистические управления. Полученные данные передавались для практического использования специальным государственным структурам: Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной Армии при Наркомате обороны СССР (Главупраформ) и Комитету по распределению рабочей силы (с 1942 г. – Комитету по учету и распределению рабочей силы) при СНК СССР. Госплан и ЦСУ СССР совместно с Комитетом по учёту и распределению рабочей силы в течение всей войны составляли балансы рабочей силы с целью определить наличные трудоспособные ресурсы, которые уменьшались с каждым военным годом. Главупраформ прилагал титанические усилия по выявлению мобилизационного ресурса различных регионов.

Цель настоящей статьи – установить, на какие источники информации опирались государственные структуры в этой сложной работе и, вместе с тем, дать сжатую характеристику этих источников. Отметим попутно, что проблема точности и достоверности источников является одной из основных проблем бурно развива-

ющегося ныне направления исторических исследований – исторической демографии. Хронологические рамки статьи охватывают не только весь период Второй мировой войны, но и первые годы после её завершения. Это обусловлено тем, что документы 1946–1948 гг. содержат информацию, которая подводит итоги войны и, тем самым, проливает свет на события военных лет.

В начальный период войны главным фундаментом, на который опирались статистики, осуществляя расчёты военно-мобилизационного и трудового потенциала страны и её отдельных регионов, служили материалы переписей населения. Они содержат сведения не только о численности населения страны и её отдельных регионов, но почти всю информацию о составе населения как по полу и возрасту, так и по социально-экономическим группам (по образованию, занятости, социальной и профессиональной структурам, национальности). Последняя перед Второй мировой войной перепись населения была проведена в СССР 17 января 1939 г. Эта перепись проводилась в особых условиях. Она была организована по постановлению СНК СССР от 26 сентября 1937 г., после признания материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г. дефектными.¹ Многие статистики, руководившие этой злополучной переписью, были обвинены в несовершенных ими преступлениях и подвергнуты жестоким репрессиям. Значительные потери понесли и работники провинциальных статистических органов.

Важнейшей целью, поставленной перед организаторами переписи 1939 г. было исправление допущенных ошибок, в том числе и преодоление последствий «преднамеренного вредительства». В результате перепись 1939 г. из обычной статистической операции превратилась в масштабную политическую акцию. Газета «Правда», выражавшая сугубо официальную позицию советских властей, писала, что перепись покажет «как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. – М., 1991. – С. 227.

советских людей».¹ Собственно, научно-практическая цель переписи – получение по возможности точной информации о населении явно уступала интересам идеологии. Вокруг самой переписи была создана завеса бессмысленной секретности. Не удивительно, что перепись 1939 г. вызвала множество споров в современной историко-демографической литературе по вопросу её достоверности.² Нет необходимости повторять основные положения дискуссии – они хорошо известны. Для задач, решаемых в настоящей статье, не имеют значения приёмы искажения данных в ходе переписи. Укажем только, что современные исследователи в принципе сошлись во мнении: перепись 1939 г., несомненно, завысила численность населения как страны в целом, так и её отдельных регионов. Кроме того, перепись явно преувеличила степень урбанизации Советского Союза.³ Но для нас особенно важно, что завышение численности населения неизбежно повлекло за собой искажение его структурных характеристик, так как завышается не просто абстрактная численность населения. Последняя, как известно, состоит из мужчин и женщин различного возраста. Соответственно искажение общей численности населения приводило к искажению его структуры не только в целом по стране, но и по её отдельным регионам.

Фальсифицируя вольно или невольно цифровые показатели переписи, статистики не предполагали, что с началом войны это вызовет серьёзные трудности при оценке военно-мобилизационного и трудового потенциала страны. Только в годы Великой Отечественной войны стало очевидно то, что, вынуждая статистиков исказить в угоду идеологическим фетишам демографические характеристики, советские руководители обманывали сами себя.

¹ Правда, 1939, 4 сентября.

² Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4; Андреев Е., Дарский Л., Харьковская Т. Опыт оценки численности населения СССР, 1926 - 1941 гг. (Краткие результаты исследования.) // Вестник статистики, 1990, № 7; Исупов В.А. Тайны советской статистики // Вестник АН Сиб. Отд. Серия история. Филология. Новосибирск, 1991; Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. – М., 1996.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М., 2001.

Но, несмотря на многочисленные дефекты, материалы переписи 1939 г. были в принципе пригодны для использования в практических целях, однако в данные переписи необходимо было вносить обоснованные поправки. Иными словами, материалы переписи нуждались в очищении от искажений. Вместе с тем, для этого недоставало сведений, которые были засекречены – сам факт преднамеренной фальсификации переписи 1939 г. тщательно скрывался. Тем не менее, за неимением других цифр, в начале Великой Отечественной войны перепись 1939 г. служила важным ориентиром для определения людского потенциала и военно-мобилизационных возможностей СССР. Отметим, кстати, что с этой же целью материалами переписи населения 1939 г. небезуспешно пользовалась немецкая разведка.⁴ Из этого следует, что псевдосекретность, созданная вокруг переписи 1939 г., была не только бессмысленной, но попросту вредной затеей, причинявшей ущерб, прежде всего, самому Советскому Союзу. Материалы переписи не использовались в той мере, в какой их можно было бы использовать и, таким образом, были созданы искусственные сложности при определении собственных же людских ресурсов.

Важно отметить, что переписи населения имеют очень большое значение не только для экономики и армии, но и для выявления параметров демографического развития. Погрешности переписи обусловили возникновение явно негативной тенденции в развитии советской демографической статистики. В частности, к началу Великой Отечественной войны недостаточно точно была определена численность населения Советского Союза. Как известно, текущая оценка численности населения производится на основании итогов последней переписи населения, к которым добавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

Сегодня, по мере включения в научный оборот новых статистических документов, мы имеем возможность выяснить, как на основании вышеприведенной методики проводились расчёты по определению численности населения России. Статистики ЦСУ при Госплане

⁴ Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. – М., 2003. – С. 18-22.

СССР исходили из следующих данных: перепись населения 1939 г. показала, что численность населения РСФСР (без Карело-Финской АССР, но включая Крымскую АССР) составляла 108,8 млн человек. Естественный прирост в 1939 г. составил 1,9 млн человек. Потери населения России за счет оттока населения в другие союзные республики (отрицательное сальдо миграции) составили 0,2 млн человек.¹ Таким образом, численность населения РСФСР на начало 1940 г. была определена исходя из следующего расчёта:

$$108,8 + 1,9 - 0,2 = 110,5 \text{ млн человек.}$$

Естественный прирост населения РСФСР в течение 1940 г. составлял по прикидкам статистиков 1,5 млн человек. За счёт миграций Россия потеряла 0,3 млн человек.² Следовательно, население РСФСР на начало 1941 г. составляло:

$$110,5 + 1,5 - 0,3 = 111,7 \text{ млн человек.}$$

У нас нет уверенности в точности этих цифр, так как все статистические документы 1930-х гг. заполнены материалами, свидетельствующими о неточности текущего учёта естественного и механического движения населения.³ К примеру, начальник Центрального управления народно-хозяйственного учета при Госплане СССР (так до 21 марта 1941 г. именовалось ЦСУ СССР) И.В. Саутин 31 марта 1940 г. докладывал председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в Загсах, приводимые цифры не являются вполне точными».⁴ Энергичные усилия властей по повышению точности регистрации рождений и смертей, предпринятые во второй половине 1930-х гг. положительно сказывались на развитии советской демографической статистики. Тем не менее, статистический учёт в нашей стране проводился с большими погрешностями. Так, в 1939 г. в России было зарегистрировано 4,1 млн родившихся, тогда как на самом деле, на свет появилось

¹ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 391. Л. 39; Д. 406. Л. 113.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 391. Л. 39, 40.

³ Исупов В. А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 2011.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 20.

почти 4,3 млн младенцев (не было учтено почти 200 тыс. младенцев). В этом же году ЗАГСы РСФСР зафиксировали 2,1 млн смертей. На самом деле умерло 2,2 млн человек (погрешность около 100 тыс. смертных случаев).¹ Но особенно большими неточностями характеризовался статистический учёт мигрантов, который был организован только в городах на основе прописки-выписки. В сельской местности, где люди были лишены паспортов, мигранты вообще не регистрировались. Кроме того, напомним, что данные о численности населения страны и её отдельных регионов по переписи 1939 г. (она была исходной точкой при проведении расчётов) изначально содержали неточности. Они в свою очередь механически перешли в расчёты динамических рядов численности населения.

Погрешность расчётов статистиков, работавших в начале 1940-х гг. невольно подтвердили оценки современных статистиков. По данным Госкомстата России, опубликованным в 1998 г., население нашей страны в начале 1940 г. насчитывало 110,1 млн. человек, а в начале 1941 г. – 111,4 млн. человек.² Казалось бы, расхождение между современными оценками и расчётами, проведёнными в 1940-е гг. минимально и находится в пределах допустимой статистической ошибки. Но это сходство иллюзорно. Дело в том, что нынешние оценки не учитывают население Крымской АССР, которая была выведена из состава РСФСР в 1954 г. А расчёты начала 1940-х г. население Крыма учитывают. Таким образом, налицо несовпадение территориальных границ. Между тем, по данным переписи 1939 г., в Крымской АССР проживало 1,1 млн. человек.³ Следовательно, советские статистики не сумели с требуемой точностью определить численность населения страны к началу Великой Отечественной войны.

Вместе с тем, со значительными погрешностями регистрировались пол и возраст умерших, что приводило к преувеличенному представлению о численности мужчин призывных возрастов. Это

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927. п – 1957 – URL: <http://www.demoscope.ru/knigi/-dars/adk.html>; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 537. Л. 10.

² Население России за 100 лет (1897–1997). Стат. сб. – М., 1998. – С. 32.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – М., 1992. – С. 25.

вызывало ошибки в расчётах численности и состава населения отдельных регионов страны. Численность населения Западной Сибири на начало 1941 г. было определено в 9266,6 тыс. человек.¹ Это послужило основой для оценки численности мужчин призывного возраста. Считалось, что количество мужчин 18–45 лет в Западной Сибири составляло 1576,8 тыс. человек, что, скорее всего, превышало их реальную численность.²

Таким образом, мы встретили войну при отсутствии достоверных данных о наличии людских ресурсов. Это существенно затрудняло плановое использование людского потенциала. В конечном счете, на места высылались явно завышенные наряды на мобилизацию военнообязанных, которые подчас невозможно было выполнить. В 1941 г. ни Госплан, ни ЦСУ, ни Наркомат обороны СССР, ни местные статистические и плановые органы не имели точных сведений о численности мужчин боеспособных возрастов, что чрезвычайно важно для укомплектования армии. Отсутствовала достоверная информация о количестве женщин трудоспособных возрастов, подростков, вступающих в рабочий возраст и лиц старше 60 лет. Между тем, эти данные были крайне необходимы при распределении трудовых ресурсов. Это, в свою очередь, создавало затруднения при замене уходивших на фронт мужчин небоеспособными гражданами. Не определено было и количество детей – дошкольников и подростков, а, следовательно, было неясно, сколько же женщин не смогут прийти на заводы и фабрики? Какое количество детских садов и яслей потребно, чтобы высвободить женщин от домашних забот и направить их на производство?

В таких условиях, о каком-либо строгом планировании и эффективном использования людских ресурсов страны не могло идти и речи. Летом 1941 г., с началом широкомасштабных боевых действий, в деятельности государственных органов и штабов, не обладавших точной информацией о советском людском потенциале, произошел сбой. В свою очередь это вызвало множество ошибочных решений,

¹ Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.). – Новосибирск, 2008. – С. 67.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 55.

растерянность и, в конечном итоге, явно избыточный призыв. В целом, в течение всей Великой Отечественной войны многие решения о воинской мобилизации носили не планомерный и упорядоченный характер, а являлись ситуационными и подчас бессистемными.

В июле 1942 г. Новосибирский обком под давлением обстоятельств военного времени принял явно запоздалое, но важное решение об организации специального обследования людского потенциала области с целью его последующего рационального использования. Его итогом стал фундаментальный 340-страничный аналитический доклад, подготовленный отделами обкома партии и облисполкома при активном участии местных научных работников. Составители доклада считали необходимым специально подчеркнуть: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (демографических – В. И.) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела – не имеется. Органы статистического управления до последнего времени не занимались учетом и анализом происходящих сдвигов в составе населения и потому не располагают соответствующими материалами. Между тем, этот вопрос сейчас, в обстановке отечественной (так в источнике – В. И.) войны, приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию».¹ В результате властям, при расчёте людских ресурсов и организации трудовых и военных призывов, приходилось действовать не по заранее составленному плану, но импровизировать, принимать ситуационные решения, далеко не во всех случаях основанные на точных данных.

Важно учитывать, что и без того неточные материалы переписи 1939 г. быстро устарели и утратили значение информационной базы. Резкие колебания рождаемости и смертности, характерные для военных лет, крупномасштабные воинские мобилизации и эвакуация, передвижение спецконтингента быстро и кардиналь-

¹ ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 23.

но изменили численность и состав населения тыловых регионов страны. В этих условиях приходилось искать новые источники информации о мобилизационном и трудовом потенциале тыловых районов. В 1943 г. сотрудники ЦСУ СССР разработали таблицы единовременных отчётов сельсоветов, которые предназначались для получения сведений о половом и возрастном составе сельского населения. Эти таблицы, получившие наименование форма «С» заполнялась работниками сельсоветов на основе похозяйственных книг и списков временно проживавших. Затем таблицы направлялись районным инспекторам ЦСУ для проведения статистической обработки и получения сводных (по районам) данных. Таблицы формы «С» содержат ценнейшую информацию о распределении наличного сельского населения по полу и возрасту.

Очевидно, что единовременные отчёты сельсоветов преследовали фискальные и мобилизационные цели. Их использовали налоговые учреждения, органы по учёту и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине, отчёты о численности и структуре сельского населения составлялись особенно тщательно, а потому были достаточно надёжны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в социально активных возрастах от 18 до 49 лет.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения, произошедшие в военные годы. Однако этот досадный пробел в источниковой базе восполняется при использовании материалов карточной системы распределения продуктов. ЦСУ и Госплан СССР использовали материалы Наркомторга СССР как базу для учёта численности и состава населения городов и рабочих поселков. Карточная система была введена постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. Рабочие, служащие и их иждивенцы получали хлебные карточки непосредственно на предприятии

ях, а так называемое «неорганизованное» население в карточных бюро на основании стандартных справок, заверенных в бюро технического учёта. Горожане были заинтересованы в постановке на учёт, а сама карточная система являла собой эффективный способ контроля над городским населением. В Сибири карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия для жителей городов были введены 1 сентября 1941 г. Данные о количестве выданных хлебных карточек являются источником дополнительных сведений не только о численности, но и структуре городского населения.

Важным источником по определению размеров трудового потенциала городского населения является учёт неработающего населения городов. В ходе этих, периодических учётов, организация которых возлагалась на ЦСУ СССР, выявлялись все не работавшие мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины от 15 до 50 лет. Из списков не работавших исключались инвалиды первой и второй групп, учащиеся вузов, техникумов, школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. Учёт, как правило, проводился без опроса населения, по сведениям управляющих домами, комендантов общежитий и домовладельцев. Полученные материалы тщательно сверялись с данными карточных бюро о числе выданных хлебных карточек. Учёт людских ресурсов, как города, так и села показал, что, в ходе трудовых мобилизаций, запас нигде не работавших женщин, подростков и стариков, составлявших в военное время основной массив незадействованного труда, постоянно сокращался. Тем не менее, даже в суровые годы войны в городах оставались люди, не занятые на производстве и существовавшие за счет неконтролируемых государством источников дохода. В политическом аспекте это означало выпадение их из структуры тоталитарного государства. Проведённый в марте 1942 г. учёт выявил в городских поселениях Новосибирской области 48 тыс. нигде не работавших женщин (не учившихся и не имевших на своём попечении детей до 8 лет). В Омской области таковых насчитывалось свыше 14 тыс. человек, в Алтайском крае – около 9 тыс. человек.¹ По подсчетам ЦСУ СССР, которые

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 999. Л. 24.

были сверены с данными Наркомторга СССР о количестве выданных хлебных карточек, в Барнауле в 1943 г. численность не работавших и не учившихся женщин, не имеющих детей до 8 лет, составляла почти 5 тыс. человек. В Анжеро-Судженске таковых насчитывалось 2,2 тыс., в Киселевске – 1,2 тыс., в Томске – почти 4 тыс., в Тюмени – свыше 2 тыс. человек.¹

В 1944 г., по всем городам Советского Союза, было выявлено 614 тыс. нигде не работавших мужчин и женщин.² В Новосибирской области повторный учёт не работавшего населения, проведённый 15 марта 1944 г. показал, что количество незанятых мужчин в возрасте от 14 до 55 лет составляло 1791 человек. Незанятых женщин в возрасте от 14 до 50 лет было много больше – 41 978 человек, в том числе бездетных или не имеющих детей моложе 8 лет – 11 340 человек. В результате областные власти получили возможность мобилизовать в Красную армию и на производство дополнительно 23 062 человек.³ В действительности количество неработающих мужчин и женщин было значительно больше того, что обнаруживали официальные проверки. Н.М. Шверник, стремясь подчеркнуть положительные стороны деятельности руководимого им Комитета по учету и распределению рабочей силы, а заодно поставить в неловкое положение представителей других ведомств, писал: «Проводимый ЦСУ единовременный учет городского неработающего населения (без опроса населения) не обеспечивает выявления неработающих граждан».⁴ По-видимому, эффективность административно-бюрократической системы, действовавшей в СССР в годы войны, сильно преувеличена.

После завершения войны появился источник, содержащий сведения о половозрастном составе не только сельского, но и городского населения. Государственные органы использовали этот источник для выявления как численности и состава населения, так и гендерных аномалий, сложившихся вследствие огромных

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 412. Л. 2, 34, 38.

² ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23. Л. 14.

³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22. Л. 8об.

⁴ ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23. Л. 15.

военных потерь. Мы имеем в виду списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) и Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В списки вносились граждане 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. № 13842Р разрешил статистикам использовать списки избирателей для расчётов с целью определения численности и половозрастного состава населения.¹ Основным недостатком этого источника является то, что в списки избирателей не включались некоторые группы населения, в частности лишённые избирательных прав заключённые. Кроме того, исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. К тому же информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не может считаться статистически «чистой», так как имеет «примеси» в связи с притоком в города и деревни мужчин в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Поэтому, надо иметь в виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в стране была значительно напряжённее, чем это показывает используемый источник.

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения. Изменения, происшедшие в численности и структуре населения моложе 18 лет, можно проследить, используя статистические сведения, полученные после завершения Великой Отечественной войны. Такого рода данные содержат материалы подсчёта детей и подростков, организованного ЦСУ СССР в декабре 1947 – январе 1948 гг. в городских поселениях страны. Этот учёт являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведённую, однако, без опроса населения. Информация о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчётов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобществлённого жилищного фонда от-

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 1.

чѣты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсѣта проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14% детей и подростков.

Подсѣт численности населения моложе 18 лет зафиксировал две глубокие демографические ямы, образовавшиеся в возрастной структуре населения. Они соответствовали двум мощным демографическим катастрофам, обрушившимся на Россию в XX столетии: в 1932–1933 и 1939–1945 гг. Впоследствии наличие этих демографических ям нашло подтверждение в ходе проведения и статистической обработки материалов первой после Второй мировой войны Всесоюзной переписи населения 1959 г.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.6

УДК 314.02

Чернышева Н.В.

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА
НАСЕЛЕНИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В связи с принятием 5 декабря 1936 г. новой Конституции в административно-территориальном делении СССР были произведены изменения, в результате которых Кировский край был преобразован в область, а Удмуртская АССР получила статус самостоятельной административной единицы.

К началу 1941 г. общая площадь Кировской области составляла 121,7 тыс. кв. км, что составляло около 0,5% территории СССР и 2,5% территории РСФСР. Область включала в себя 50 административных районов, 2 города областного подчинения (г. Киров, г. Слободской), 8 городов и 14 рабочих посёлков.¹ Весной 1940 г. г. Нолинск был переименован в г. Молотовск, соответственно был переименован и район (Табл.1).

Таблица 1.

**Список городов и рабочих поселков Кировской области
накануне войны**

Населённый пункт	Численность	Населённый пункт	Численность
г. Киров	144905	р. п. Мураши	7791
г. Слободской	23398	р. п. Кирс	6562
г. Котельнич	18457	р. п. Белохолуницкий	6787
г. Омутнинск	17383	р. п. Сосновка	5967
г. Советск	10764	р. п. Песковка	4742
г. Халтурин	9308	р. п. Рудничный	4451

¹ ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. Р-2756. Оп. 5. Д. 2. Л. 3.

Продолжение таблицы 1.

Населённый пункт	Численность	Населённый пункт	Численность
г. Уржум	8760	р. п. Вахруши	4319
г. Молотовск	8478	р. п. Аркуль	3676
г. Яранск	7349	р. п. Лесозаводской	3411
г. Малмыж	6526	р. п. Мурыгино	2793
р. п. Зуевка	12440	р. п. Первомайский	2550
р. п. Вятские Поляны	10624	р. п. Косино	1979

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Он. 2. Д. 1683. Л. 3.

В начале 1941 г. территория Кировской области увеличилась. На основании Указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 января и 22 марта 1941 г. к Кировской области были присоединены Опаринский, Лальский и Подосиновский районы Архангельской области.¹ В январе 1941 г. путём разукрупнения Кировского, Верховинского, Халтуринского районов был образован Медянский район.² В начальный период войны административно-территориальные преобразования касались в основном статуса некоторых населённых пунктов Кировской области.

В 1944–1945 гг. рабочими посёлками стали сёла Каринторф, Стрижи, Медведский, Лянгасово, городами – Зуевка, Мураши, Луза. «Появление» новых городов и рабочих посёлков связано с размещением в них эвакуированных или созданием новых заводов, а также с увеличением объёмов производства местных предприятий, направленных на добычу полезных ископаемых и использование ресурсов, в основном леса. Росту также способствовало их расположение на линиях транспортной системы области (боль-

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перечислении Опаринского района Архангельской области в состав Кировской области» от 17 января 1941 г. // Правда. 1941. 18 янв. – С. 1; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перечислении Подосиновского и Лальского районов Архангельской области в состав Кировской области» от 22 марта 1941 г. // Кировская правда. 1941. 23 марта. – С. 1.

² РСФСР. Административно-территориальное деление. 1942 г.: справочник. – М., 1942. – С. 140.

шинство таких населённых пунктов являлись железнодорожными станциями либо через них проходила железная дорога, автомобильный тракт). На завершающем этапе войны количество районов области увеличилось до 60. В 1944 г. путём разукрупнения был образован Мухинский район, а в 1945 г. – Буйский, Корляковский, Новотроицкий, Порезский и Рожкинский районы.

Согласно переписи 1939 г., в Кировской области проживали 2226 тыс. человек или 1,9% от населения РСФСР,¹ в т.ч.: русские (2078 тыс. чел.), марийцы (57,0 тыс. чел.), татары (31,4 тыс. чел.), удмурты (23,8 тыс. чел.), коми (10,9 тыс. чел.) и др.² Плотность населения в 1941 г. составляла 19 чел. на кв. км, а к концу войны снизилась до 16 чел. на кв. км.³

Динамика численности населения области представлена на нижеследующей диаграмме (Рис. 1).⁴

В предвоенный период численность населения области была подвержена различным колебаниям. Сокращение количества сельских жителей и увеличение горожан было обусловлено воздействием разных причин: административно-территориальных преобразований, переселенческой политики, советско-финской войны и пр.

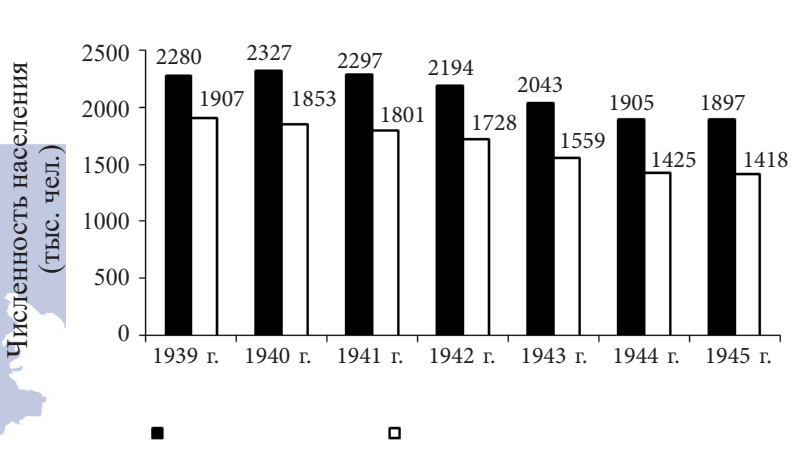
Необходимо также отметить, что, начиная с 1941 г., население области сокращалось, главным образом, за счёт снижения численности сельского населения, и данная тенденция сохранилась на протяжении всей войны и в послевоенный период. В связи с мобилизацией в 1941–1945 гг. на фронт ушли 584,8 тыс. жителей

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 1. 1900–1939 гг.; отв. ред. Ю.А. Поляков. – М., 2000. – С. 361.

² ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2287. Л. 13.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги, под ред. Ю.А. Полякова. – М., 1992. – С. 24; ГАСПИ КО (Государственный архив социально-политической истории Кировской области). Ф. П-1290. Оп. 12. Д. 39 а. Л. 1; ГАСПИ КО. Ф. П 1290. Оп. 10. Д. 36. Л. 1.

⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – С. 24; Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность: ист. стат. сб.; ред. кол. Н.И. Зорин и др. – Киров, 2000. – С.18; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области; ред. кол. В.А. Зырин и др.: стат. сб. – Киров, 1996. – С.26; ГАКО. Ф. Р 2344. Оп. 2. Д. 1275. Л. 2; Там же. Д. 1683. Л. 1-1об.; ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-3об., 10; Там же. Д. 17. Л. 79; ГАСПИ КО. Ф. П 1290. Оп. 12. Д. 39а. Л. 1; РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 32, 53.

Рис. 1. Динамика численности наличного населения Кировской области в годы Великой Отечественной войны (среднегодовые показатели)

области, большинство из которых – сельчане. Более 257,9 тыс. человек не вернулись с войны.¹ Эвакуация временно и частично компенсировала отсутствующее мобилизованное население. К началу 1942 г. в Кировскую область были эвакуированы 231,572 тыс. человек из различных регионов.² Со второй половины 1943 г. активно развёртывались реэвакуационные процессы, связанные с освобождением оккупированных районов. К концу 1945 г. подавляющая часть населения, прибывшего в Кировскую область в ходе эвакуации, вернулась в родные места.

Городское население области пополнялось в основном за счёт прибывших с эвакуированными заводами рабочих, а также трудовой мобилизации сельчан. Таким образом решалась проблема нехватки рабочих рук в городах и рабочих посёлках. По данным Областного бюро учета и распределения рабочей силы, если в 1942 г. в области были привлечены в порядке мобилизации и трудовой повинности 125 тыс. человек, тогда как в 1943 г. – 262 тыс.³

¹ Козлов П. Е. Сотворение победы. Книга памяти. Т. 16. – Киров, 1995. С. 12; Загвоздкин Г. Г. В битве за Отечество: 1941–1945 гг. // Энциклопедия земли Вятской. Откуда мы родом? История. Т. 4. – Киров, 1995. – С. 393.

² ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 469. Л. 19.

³ ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 754. Л. 8.

На протяжении всей войны сальдо миграции населения Кировской области было положительным, за исключением 1944 г., когда количество выбывших в 1,3 раза превысило прибывающий контингент за счёт реэвакуации населения. В 1945 г. сальдо вновь приобрело положительную динамику благодаря демобилизации солдат Красной Армии (Табл. 2).

Таблица 2.

**Сальдо миграции населения Кировской области
в 1941–1945 гг. (реконструкция)**

Годы	Сальдо миграции (чел.)		
	Всего	Село	Город
1941	+71399	+23412	+72600
1942	+11947	+19803	+22188
1943	+20733	+32234	+2283
1944	-20405	+19091	-29620
1945	+11432	+13852	-10450

Имеющаяся статистическая отчётность по типу миграций позволяет судить лишь о внутренних переселениях жителей Кировской области. В первые годы войны сохранялось, как и в довоенный период, преобладание миграции по типу «село – село» (1941 г. – 71,5%; 1942 г. – 52,8%).¹ Однако уже в 1943–1944 гг. ситуация меняется, чему способствовала объявленная трудовая мобилизация. В результате 2/3 миграций деревенские жители области совершали в города (69,1% и 68,0% соответственно), т.е. мигрировали по типу «село – город».² В последний год войны доля выехавших в города сельчан уменьшается, но по-прежнему остается высокой – около 50%.³ Напротив, преобладающая часть горожан перемещалась внутри области по типу «город – город». Лишь в 1945 г. миграционный поток «город – село» доминиро-

¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р 2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 9; Там же. Д. 863. Л. 7.

² Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р 2344. Оп. 2 Д. 1227. Л. 5; Там же. Д. 1275. Л. 7.

³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р 2344. Оп. 2. Д. 1679. Л. 9.

вал в передвижениях городских жителей, что было обусловлено окончанием войны и появлением возможности вернуться на постоянное место жительства в сёла.

Активные социально-демографические процессы отразились на половозрастной структуре. Война, с одной стороны, нарушила половую пропорцию ровесников, а с другой – усугубила непропорциональное соотношение полов в соседних возрастных группах мужчин и женщин, которое существовало ещё в 1939 г. ввиду Первой мировой и Гражданской войн. Кроме того, довоенный «женский перевес» объяснялся и тем фактором, что смертность женщин в СССР снизилась в большей степени, чем смертность мужчин.¹ Данный фактор наряду с военными потерями действовал и в двадцатилетний межпереписной период.

В результате всех этих процессов только за первые полтора года войны количество городского населения увеличилось почти на 150 тыс. человек, в то время как доля сельских жителей сокращалась с каждым годом: 1941 г. – 84%, 1943 г. – 77%, 1945 г. – 74% (по данным на январь).² В целом к началу 1945 г. в городах области проживали более 466 тыс. жителей.³

Снижение численности мужского населения области в 1959 г. наблюдается во всех возрастных группах, за исключением когорты 20–29 летних, т. е. мальчиков, родившихся в предвоенный период (1930–1939 гг.). Резкое сокращение количества мужчин и женщин в возрасте от 0 до 19 лет обусловлено общей тенденцией снижения рождаемости в годы войны и в тяжёлое послевоенное время. По всей стране уже в начале 1942 г. отмечается падение коэффициента рождаемости, а в последующие годы – ещё большее снижение числа рождений. Если в 1941 г. коэффициент рождаемости в Кировской области составлял 34,5%, то в 1945 г. – 13,4%.⁴ Значительному

¹ Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил Европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистические исследования). – СПб., М., 1998. – С. 225.

² Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность: ист.-стат. сб.; ред. кол. Н.И. Зорин и др. – Киров, 2000. – С. 18; ГАСПИ КО. Ф. П 1291. Оп. 1. Д. 17. Л. 79; РГАЭ. Ф 1562. Оп. 20. Д.241. Л. 53.

³ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9.

⁴ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р 2344. Оп. 1. Д. 2975. Л. 2 об.; Там же.

уменьшению доли мужчин за двадцатилетний период в возрастной группе 30–39 лет способствовала мобилизация в годы войны юношей 1919–1927 г. р., многие из которых не вернулись с фронта. Сокращение числа женщин к 1959 г. характерно для возрастного периода от 0 до 39 лет. При этом доля женского пола в старших возрастах (40 лет и старше) значительно увеличилась (Табл. 3).

Таблица 3.
**Соотношение населения Кировской области по полу
(сведения переписей 1939 и 1959 гг.)**

1939 г.				1959 г.			
Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1 022 849	45,9	1 203 344	54,1	840 337	43,8	1 076 156	56,2

Источник: ГАСПИ КО. Ф. П 1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; *Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги.* – С.29-30; *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР;* ред. Ю.С. Чупрова. – М., 1963. – С. 62-63; *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том;* ред. А.А. Слемзин, В.А. Солдатов. – М., 1962. – С. 20-21.

В целом, сравнительные данные переписей позволяют говорить о наметившихся в период между их проведениями регрессивных демографических тенденциях в Кировской области: росте доли пожилых людей одновременно с сужением воспроизводства населения.

Немаловажным в определении динамики населения в военные годы являлся дефицит рождаемости. Историки и демографы для определения дефицита рождаемости чаще всего прибегают к методике, разработанной Б. Урланисом, предложивший использовать в качестве среднестатистического индикатора количество рождений за первый год войны. Расчёты исследователя свидетельствуют, что за военный период в области могло появиться на 194,5 тыс. больше детей (Табл. 4).

Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Д. 860. Л. 4; Д. 1226. Л. 4; Д. 1227. Л. 3 об.; Д. 1273. Л. 41 об.; Д. 1275. Л. 2; Д. 1683. Л. 10-10 об.; Д. 1697. Л. 2-43; Оп. 5. Д. 1. Л. 100-100об.; ГАСПИ КО. Ф. П 1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-3об.; Д. 17. Л. 79; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: стат. сб.; ред. кол. В.А. Зырин и др. – Киров, 1996. – С. 26.

Таблица 4.

**Дефицит рождаемости в Кировской области в годы
Великой Отечественной войны, тыс. чел.**

Годы	Фактически родилось	Должно было родиться	Дефицит рождаемости
1941	79,3	79,3	0
1942	57,1	79,3	22,2
1943	20,0	79,3	59,3
1944	19,8	79,3	59,5
1945	25,8	79,3	53,5
Итого:	202,0	396,5	194,5

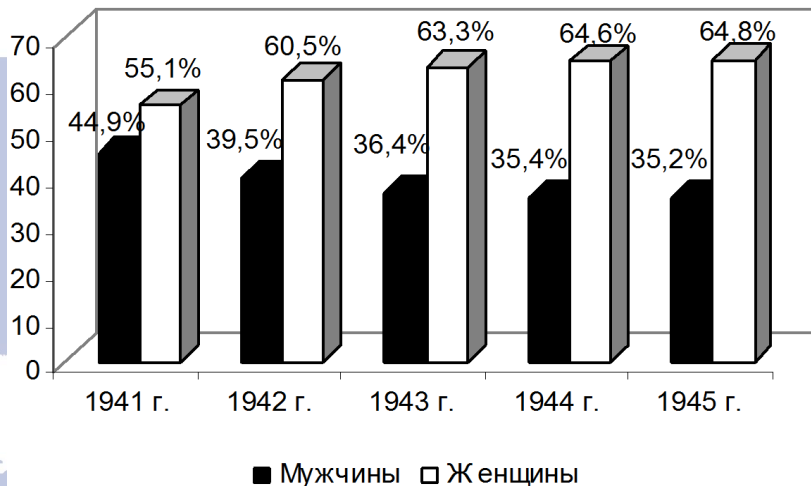
Источник: ГАКО. Ф. Р 2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Там же. Д. 860. Л. 4; Д. 1226. Л. 4; Д. 1273. Л. 4.

Наметившаяся в 1942 г. депопуляция региона была прогнозируема в связи с резким увеличением смертности на фоне снижающейся рождаемости. Уровень младенческой смертности в Кировской области значительно превышал общесоюзный, достигнув своего пика в августе 1942 г., когда количество рождённых детей в области превысило количество умерших до 1 года. Почти 40% родившихся в 1942 г. детей области не дожили до 1 года. Лишь в 1943 г. коэффициент младенческой смертности снизился до показателей довоенного уровня, но по-прежнему оставался высоким.

Резкое увеличение общей смертности в Кировской области отмечалось с первых месяцев войны, и стабильно высокие показатели сохранялись до октября 1942 г. В последующие военные годы высокая смертность сохранялась в условиях зимне-весеннего периода, когда человеческий организм особенно ослаблен и подвержен влиянию различных инфекций. В 1944 г. уровень общей смертности приблизился к показателям 1939 г., а в 1945 г. был значительно ниже (в том числе и за счёт послевоенных месяцев).

Сведения о составе населения по полу в годы войны имеются только по сельской местности (сводки о численности личного населения, сведения сельсоветов), и они позволяют

наиболее точно проанализировать диспропорции между полами, образовавшиеся в 1941–1945 гг. (Рис. 2).

Рис. 2. Гендерная структура сельского населения Кировской области в 1941–1945 гг. (данные на 1 января)

Если в начале войны диспропорция полов представляла собой соотношение 10:12 в пользу женщин, то уже к 1943 г. на десять мужчин, проживающих в сельской местности области, приходилось семнадцать женщин.¹

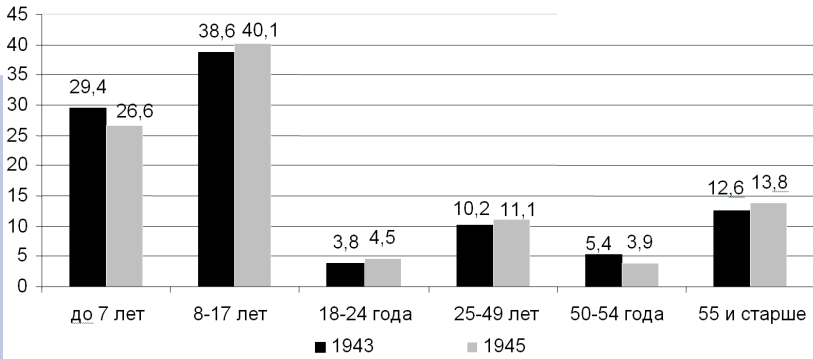
Как видно из Рис. 3, в 1943 г. 68% лиц мужского пола составляли несовершеннолетние (возрастные группы до 7 лет и 8-17 лет). Мужчины трудоспособного возраста в большинстве ушли на фронт. Каждый восьмой мужчина, проживающий в сельской местности, был старше 55 лет.

Среди женщин ситуация несколько иная. За счет эвакуированных детских учреждений 42,5% лиц женского пола составляли девочки с момента рождения до 17 лет. Девушки в возрасте от 18 до 24 лет мобилизованные на фронт и в города на работу составляли лишь 1/10 часть лиц женского пола (Рис. 4).²

¹ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1229. Л. 15-15об, 38-38об.; ГАКО. Ф. Р-2756. Оп. 5. Д. 2. Л. 4; ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-3об.

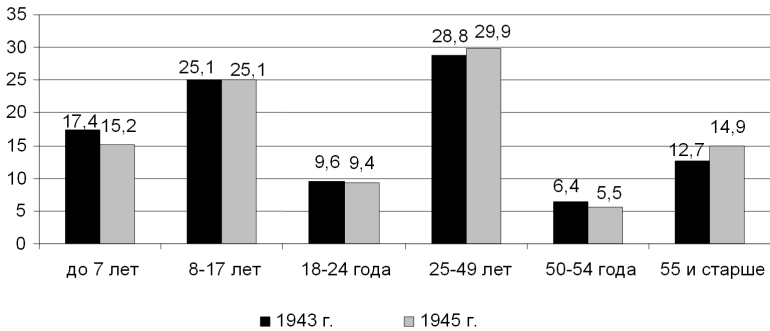
² ГАКО. Ф. Р 2344. Оп. 2. Д. 1229. Л. 34-38об.; Д. 1681. Л. 15-16об.

В процентах

Рис. 3. Динамика возрастного состава мужчин, проживавших в сельской местности Кировской области (данные на 1 января)

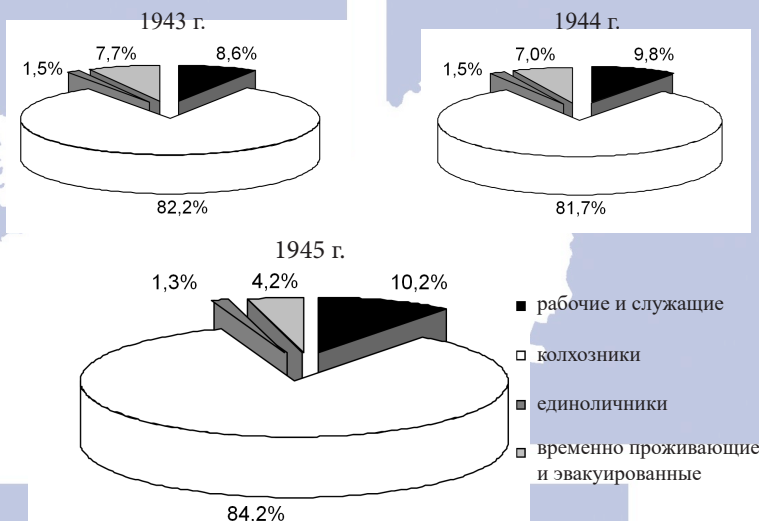
В процентах

Рис. 4. Динамика возрастного состава женщин, проживавших в сельской местности Кировской области (данные на 1 января)

Всё наличное сельское население было учтено по 4 категориям: «рабочие и служащие»; «колхозники», «единоличники», «временно проживающее и эвакуированное население». Преобладающее большинство населения составляли колхозники (более 80%). Единоличники составляли около 1,5%. С каждым годом росла доля рабочих и служащих, проживающих в сельской местности (1943 г. – 8,6%; 1944 г. – 9,8%; 1945 г. – 10,2%). Колебания численности временно

проживающего и эвакуированного населения отражали эвакуационно-реэвакуационные процессы. После начала перелома в войне с 1943 г. по 1945 г. доля эвакуированного населения, проживающего в сельской местности Кировской области, сократилась в 1,8 раза.

Рис. 5. Социальный состав сельского населения Кировской области (по данным сельсоветов)

Итак, в годы войны административно-территориальные преобразования привели к увеличению количества районов области. Социально-экономическое развитие региона способствовало территориальному перераспределению населения Кировской области в пользу городских поселений. Но численность населения страны и области резко сократилась. Только через девять с половиной лет после окончания войны, т. е. к январю 1955 г., население СССР достигло довоенного уровня.¹ Для Кировской области война стала не только «демографической катастрофой» (на фоне негативных довоенных тенденций), но и отправной точкой, обозначившей вектор депопуляции. Также под влиянием происходивших в период войны событий менялся половозрастной и социальный состав населения региона.

¹ Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. – М., 1985. – С. 71.

ББК (С) 60.7

УДК 314.02

Безносова Н.П.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ АССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941-1959 гг.)

За годы Великой Отечественной войны демографическая структура населения Коми АССР подверглась значительной деформации. Прежде всего это выразалось в огромной диспропорции полов – количественном преобладании женщин, которых в начале 1945 г. было на 126,5 тыс. или в 2,6 раза больше, чем мужчин. Структура населения, сложившаяся в республике к окончанию войны, представлена в Табл. 1.

Таблица 1.

Половозрастной состав населения Коми АССР на 1 января 1945 г.

Возраст	Год рожд.	Всего, чел.	Доля насел., %	Мужчины, чел.	Доля в которге, %	Женщины, чел.	Доля в которге, %
0-3	1941-1944	19521	7,0	9722	49,8	9799	50,2
4-7	1937-1940	31351	11,2	15370	49,0	15981	51,0
8-11	1933-1936	27217	9,7	13043	47,9	14174	52,1
12-13	1931-1932	15857	5,7	7394	46,6	8463	53,4
14-15	1929-1930	16126	5,8	7133	44,2	8993	55,8
16-17	1927-1928	14752	5,3	6027	40,9	8725	59,1
18-24	1920-1926	27389	9,8	6104	22,3	21285	77,7
25-49	1895-1919	84092	30,0	29892	35,5	54200	64,5
50-54	1890-1894	13150	4,7	5013	38,1	8137	61,9
55-59	1885-1989	11303	4,0	4151	36,7	7152	63,3

Возраст	Год рожд.	Всего, чел.	Доля насел., %	Муж., чел.	Доля в когорте, %	Женщ., чел.	Доля в когорте, %
60 и старше	1884 и раньше	19327	6,8	6250	32,3	13077	67,7

Источник: НАРК (Национальный архив Республики Коми). Ф. Р-140. Оп. 5. Д. 39. Л. 5-46.

Из этой таблицы видно, что в возрастной пирамиде выделяется своей малочисленностью когорта от 0 до 3 лет, т. е. рождённых в военные годы, что явилось следствием резкого снижения рождаемости и высокой младенческой смертности. Их удельный вес в составе населения (7,0%) заметно ниже удельного веса граничащих с ним детских когорт. Так, группа 4-7-летних составляла 11,2% населения, а группа 8-11-летних – 9,7%. То есть, несмотря на то, что рождённые в предвоенные годы пережили тяжёлые эпидемии детских инфекционных заболеваний второй половины 1930-х гг., а детство их пришлось на тяжёлые военные годы, они были многочисленнее по сравнению с когортой «детей войны».

Молодёжь от 18 до 24 лет составляла 9,8% населения. Но в этой возрастной группе были самые большие гендерные диспропорции: в городе женщин насчитывалось в 2,5 раза больше, чем мужчин, в селе – в 4,2 раза.¹ Максимально высокие потери и наиболее глубокий среди всех возрастных групп дисбаланс соотношения численности мужчин и женщин объясняются тем, что мужчины этого возраста составляли основу воинского контингента в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны. Численность пожилых и престарелых людей (60 лет и старше) была относительно невелика, однако из-за снижения долей младшей детской и мужской мобилизационной групп их удельный вес в составе населения оказался к окончанию войны достаточно высоким – 6,9%. Добавим также, что доля пожилых и престарелых людей в городской местности

¹ НАРК. Ф. Р-140. Оп. 5. Д. 39. Л. 5-46.

была заметно ниже, чем в селе. Если рассматривать трудоспособное население (16-59 лет), то численность женщин данной категории в целом по Коми превышала численность мужчин на 48,3 тыс., при этом в городских поселениях преобладали мужчины, в то время как в сельской местности женщин было в 3 раза больше, чем мужчин (Табл. 2).

Таблица 2.

**Численность и распределение трудоспособного населения
Коми АССР на 1 января 1945 г.**

	Всего в возрасте 16-59 лет, чел.	Из них		Всего в возрасте 16-59 лет, %	Из них	
		Муж.	Женщ.		Муж.	Женщ.
Всего по Коми АССР	150 686	51 187	99 499	100,0	34,0	66,0
Город- ское на- селение	53 085	27 138	25 947	100,0	51,1	48,9
Сельское наделе- ние	97 601	24 049	73 552	100,0	24,6	75,4

Источник: НАРК. Ф. Р-140. Оп. 5. Д. 39. Л. 5-46.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в возрастной пирамиде самыми пострадавшими оказались когорты 1941-1944 и 1920-1926 годов рождения, то есть те, кому к окончанию войны было от 0 до 3 лет и от 18 до 24 лет. Наибольшему сокращению подверглось мужское сельское население активного трудоспособного (он же мобилизационный) возраста. К окончанию войны удельный вес мужчин в деревнях упал до 35,5%. В большинстве городских поселений демографическая ситуация была более благоприятной, особенно на завершающем этапе войны.

Важнейшим источником послевоенной нормализации возрастно-половой структуры стала начавшаяся поэтапная армейская демобилизация. По данным органов государственной статистики, к

середине декабря 1945 г. в Коми прибыло 6043 демобилизованных воина. К августу 1946 г. их численность возросла до 9771, из них 7884 были зарегистрированы в сельской местности.¹ Демобилизация не смогла ликвидировать дисбаланс, но оздоровила демографическую ситуацию в сельской местности, привела к сближению численности мужчин и женщин, особенно в брачных возрастах.

Сложившаяся в стране диспропорция в соотношении полов в пользу женщин, связанная с потерями мужчин в годы Великой Отечественной войны, была характерна для всех регионов страны, и к моменту проведения первой послевоенной переписи населения, состоявшейся в январе 1959 г., преодолеть её так и не удалось. Через 14 лет после окончания войны мужчины составляли в СССР 45,0% (в городе – 45,2%, в селе – 44,9%) в РСФСР – 44,6% (в городе – 44,9%, в селе – 44,3%).² Исключение составляли лишь районы Севера и Дальнего Востока, где численно преобладали мужчины. К таким регионам относилась и Коми АССР. Следствием специализации хозяйственного комплекса на добывающих отраслях промышленности и связанного с этим интенсивного миграционного притока мужчин трудоспособного возраста стал тот факт, что послевоенная диспропорция в соотношении полов в Коми была преодолена очень быстро. Правда, если в городских поселениях мужское население стало преобладающим уже во второй послевоенный год, то в сельской местности это произошло только к концу 1950-х гг. В целом по Коми в 1959 г. мужчин было больше, чем женщин на 33,6 тыс. человек (в городе – на 31,4 тыс., в селе – на 2,2 тыс.). Удельный вес мужчин составлял 52,1% населения, женщины – 47,9% (в городе – соответственно 53,2% и 46,8%; в селе – 50,3% и 49,7%).

Расчёты показывают, что в целом по Коми в 1959 г. на 100 мужчин приходилось 92 женщины (в городе – 88, в селе – 99) (Табл. 3-5). Мужчины преобладали в городах Воркута, Инта, Микунь, во всех рабочих посёлках Воркутинского горсовета (за

¹ НАРК. Ф. Р-605. Оп.1. Д. 1236. Л.12,15.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940-1959; отв. ред. Ю.А. Поляков. – М., 2002. – С. 225, 366.

исключением Цементнозаводского), в рабочих посёлках Железнодорожного района (кроме Вожаёля), в большинстве посёлков Интинского и Печорского районов, посёлке Кажым Койгородского района. Наибольший дисбаланс в пользу мужчин наблюдался на территории Воркутинском горсовета (57,8% мужчин против 42,2% женщин), а в рабочих посёлках Заполярный, Комсомольский, Промышленный, Северный, входивших в состав Воркутинского горсовета, мужчины составляли свыше 60% населения. Вместе с тем в городах Сыктывкаре, Ухте, Сосногорске, посёлке Верхняя Инта Интинского района, посёлках Водный, Вой-Вож, Ярега Ухтинского района, посёлок Ньючим Сыктывдинского района преобладали женщины. Практическое равенство полов наблюдалось в г. Печоре, посёлках Цементнозаводский Воркутинского горсовета и Вожаёль Железнодорожного района.¹ На уровне административных районов мужчины доминировали в 7 из 18 районов (Железнодорожном, Интинском, Койгородском, Печорском, Троицко-Печорском, Ухтинском, Усть-Вымском) и более других – в Троицко-Печорском (57,2%). Женщины составляли большинство в 11 районах, особенно в Помоздинском, где их доля достигала 54,2%.²

Таблица 3.

Половозрастной состав населения Коми АССР по когортам в 1959 г.

Возраст, лет	Год рождения	Всего, тыс. чел.	В % к итогу			Число женщин на 100 мужчин
			Оба пола	Муж.	Женщ.	
Всё население		815,0	100,0	100,0	100,0	92
0-4	1955-1959	107,3	13,2	12,8	13,5	97
5-9	1950-1954	82,0	10,0	9,7	10,4	98
10-14	1945-1949	43,7	5,4	5,2	5,6	98
15-19	1940-1944	57,1	7,0	7,5	6,5	80

¹ НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 8662. Л. 1-6.

² Там же.

Возраст, лет	Год рождения	Всего, тыс. чел.	В % к итогу			Число женщин на 100 мужчин
			Оба пола	Муж.	Женщ.	
Всё население		815,0	100,0	100,0	100,0	92
20-24	1935-1939	113,5	13,9	17,0	10,6	57
25-29	1930-1934	99,9	12,3	14,0	10,4	69
30-34	1925-1929	95,8	11,8	11,8	11,7	92
35-39	1920-1924	54,8	6,7	6,1	7,4	111
40-44	1915-1919	40,5	5,0	4,8	5,2	101
45-49	1910-1914	38,4	4,7	4,3	5,1	109
50-54	1905-1909	26,7	3,2	2,8	3,8	125
55-59	1900-1904	19,7	2,7	1,7	3,2	177
60 лет и старше	1899 и раньше	35,6	4,4	2,3	6,6	267

Источник: Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. – Сыктывкар. 1990. – С. 18-19.

Анализ по возрастным группам населения выявил отличия структур в разных типах поселений (город-село).

В городских поселениях численный перевес мужчин был характерен для всех возрастных групп до 54 лет, за исключением когорты 35-39 лет, т. е. 1920-1924 годов рождения, мужская часть которой понесла наибольшие потери в годы Великой Отечественной. Наибольшая диспропорция в пользу мужчин наблюдалась в диапазоне от 20 до 29 лет, при этом среди 20-24-летних на 100 мужчин приходилось 59 женщин, а среди 25-29-летних – 70. Ситуация кардинально меняется после 55 лет, когда женщин становится уже больше, чем мужчин. Особенно большой разрыв возникает после 60 лет. Если в когорте 55-59 лет женщин было в 1,3 раза больше, то в возрасте 60 лет и старше – в 2,8 раза (Табл. 4). Диспропорция в пользу женщин в старших возрастных группах была связана с потерями мужского населения в годы Первой мировой и Гражданской войн, а также большей продолжительности жизни женщин.

Таблица 4.

**Половозрастной состав городского населения
Коми АССР в 1959 г.**

Возраст, лет	Год рождения	Всего, тыс. чел.	В % к итогу			Число женщин на 100 мужчин
			Оба пола	Муж.	Женщ.	
Всё население		484,0	100,0	100,0	100,0	88
0-4	1955-1959	58,4	12,0	11,6	12,7	96
5-9	1950-1954	43,8	9,0	8,6	9,5	98
10-14	1945-1949	25,0	5,2	4,8	5,4	98
15-19	1940-1944	35,7	7,4	7,5	7,3	86
20-24	1935-1939	71,9	14,9	17,6	11,8	59
25-29	1930-1934	61,9	12,8	14,2	11,3	70
30-34	1925-1929	62,5	12,9	12,4	13,5	96
35-39	1920-1924	37,4	7,7	7,0	8,5	106
40-44	1915-1919	26,6	5,5	5,5	5,4	87
45-49	1910-1914	23,1	4,8	4,9	4,7	83
50-54	1905-1909	14,8	3,0	2,9	3,2	95
55-59	1900-1904	9,5	2,0	1,6	2,4	133
60 лет и старше	1899 и раньше	13,4	2,8	1,4	4,3	276

Источник: Городские поселения Коми АССР (по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – Сыктывкар, 1991. – С. 17, 19.

В сельских поселениях во всех возрастах до 34 лет преобладали мужчины, а с 35 лет численный перевес был на стороне женщин. При этом в диапазоне от 20 до 29 лет диспропорция в пользу мужчин в селе была более выраженной, чем в городе. Так, среди 20-24-летних на 100 мужчин приходилось только 55 женщин, среди 25-29-летних – 67. Преобладание женщин в составе сельского населения начинается после 35 лет и постоянно нарастает. Так, в группе 35-39 лет на каждые 100 мужчин приходилось 122 женщины; 40-44 года – 134; 45-49 лет – 163; 50-54 года – 179; 55-59 лет – 236; 60 лет и старше – 262 (Табл. 5).

**Половозрастной состав сельского населения
Коми АССР в 1959 г.**

Возраст, лет	Год рождения	Всего, тыс. чел.	В % к итогу			Число женщин на 100 мужчин
			Оба пола	Муж.	Женщ.	
Всё население		331,0	100,0	100,0	100,0	99
0-4	1955-1959	48,9	14,8	14,9	14,7	98
5-9	1950-1954	38,2	11,5	11,6	11,5	98
10-14	1945-1949	18,7	5,7	5,7	5,6	99
15-19	1940-1944	21,4	6,5	7,5	5,4	71
20-24	1935-1939	41,6	12,6	16,0	9,0	55
25-29	1930-1934	38,0	11,5	13,7	9,3	67
30-34	1925-1929	33,3	10,0	10,8	9,3	85
35-39	1920-1924	17,4	5,3	4,7	5,8	122
40-44	1915-1919	13,9	4,2	3,6	4,9	134
45-49	1910-1914	15,3	4,6	3,5	5,8	163
50-54	1905-1909	11,9	3,6	2,6	4,6	179
55-59	1900-1904	10,2	3,0	1,8	4,3	236
60 лет и старше	1899 и раньше	22,2	6,7	3,7	9,8	262

Источник: Городские поселения Коми АССР (по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – Сыктывкар, 1991. – С. 18, 20.

Сравнительный анализ данных переписи 1959 г. по возрастному и половому составу населения Коми АССР с аналогичными показателями по России позволил выявить ряд особенностей:

– в составе населения Коми доминировали мужчины, в то время как в среднем по России численно преобладали женщины (мужчины составляли в РСФСР – 44,6% населения, в Коми АССР – 52,1%);

– в возрастной пирамиде в Коми выше, чем в среднем по России был удельный вес детей от 0 до 9 лет (23,2% против 21,9%),

значительно выше была доля молодёжи 20-29 лет (26,2% против 18,8%), а также лиц в возрасте 30-39 лет (18,5% против 15,0%). Вместе с тем в Коми меньше, чем в России была доля подростков и юношества 10-19 лет (12,4% против 14,9%), лиц в возрасте 40-49 лет (9,7% против 11,3%), заметно меньше – людей 50 лет и старше (10,3% против 18,1%). Подобные отличия были характерны как для городского, так и сельского населения;

– население Коми выделялось молодостью. Суммарная доля когорт от 0 до 30 лет составляла в Коми 61,8% от всего населения, в России – 55,6% (в городе – соответственно 61,3 и 54,9, в селе – 62,6 и 56,4);

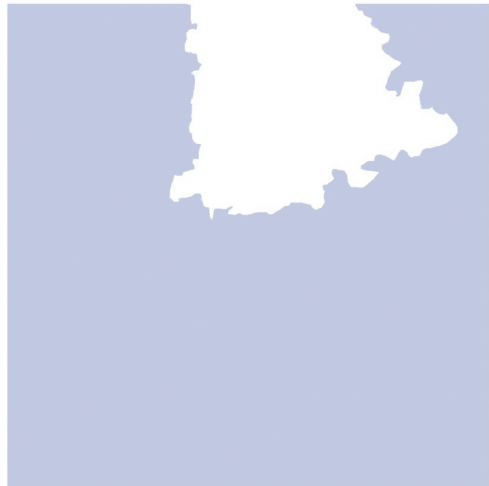
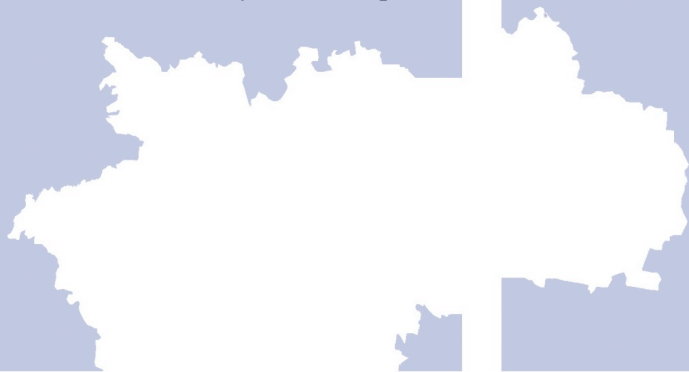
– самую многочисленную группу городского населения в Коми составляла молодёжь в возрасте 20-29 лет (27,7% городского населения), в то время как в российских городах самой многочисленной была возрастная группа детей и юношества от 0 до 19 лет (34,3%).¹

Таким образом, к концу 1950-х гг. в Коми АССР сложилась очень благоприятная структура населения с точки зрения трудовых ресурсов. Её отличала повышенная доля детей и подростков, высокая доля активного самостоятельного населения и незначительная доля лиц пожилого возраста. В большей степени это относится к городскому населению, где удельный вес молодёжи и людей трудоспособного возраста был необычайно высок. Особенно быстрыми темпами в послевоенные годы росло городское трудоспособное население (мужчины 16-59 лет и женщины 16-54 лет). Только за один 1956 г. оно увеличилось с 222,3 до 271,0 тыс. чел. (на 22%). Годовой прирост в 48,7 тыс. чел. образовался в основном за счёт миграционного прироста (+47,1 тыс. чел.). Отметим также положительное сальдо вступивших в трудоспособный возраст (+3,8 тыс. чел.) против вышедших из трудоспособного возраста (-1,2 тыс. чел.), а также умерших в трудоспособном возрасте (-1,0 тыс. чел.).²

¹ См. Население России в XX веке. Указ. соч. Т. 2. – С. 216-217, 366.

² НАРК. Ф.Р. – 140. Оп. 5. Д. 82. Л.26.

Трудоспособное население в Коми составило в 1959 г. 529,5 тыс. чел., или 65% всего населения (в городе – 69,3%, в селе – 58,7%).¹ Но самым важным и значимым, на наш взгляд, являлся тот факт, что к концу 1950-х гг. глубочайшая когортная и гендерная деформация, нанесённая в Коми селу в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны, в целом была успешно преодолена.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

---

¹ Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. – Сыктывкар, 1990. – С. 22-24.

**ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОГРАФИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 314.02

Григоричев К.В.

ИЗМЕНЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: СУБРЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Ведущей тенденцией демографического развития Иркутской области, как и России в целом, в последние 10-15 лет стал рост рождаемости. Число рождений с минимального уровня 1999 г. (26,7 тысяч) выросло более чем на 44% (38,5 тысяч в 2012 г.), а общий коэффициент рождаемости (ОКР) – с минимальных 9,5 промилле – до 15,9. Однако уже с 2009-2010 гг. прирост числа рождений и значений ОКР сначала снизился, а затем и фактически прекратился. Сформировалась своеобразное плато, отражающее пиковые воздействия структурных факторов, заложенных подъёмом рождаемости в 1980-е гг. В 2013 г. число рождений сократилось на 2%; несколько снизился и ОКР (с 15,9‰ до 15,7‰).

В исследовательской литературе и медийной среде сложилось несколько версий о ключевых причинах и факторах роста рождаемости в России (в том числе и в рассматриваемом регионе), произошедшего в 2000-е годы. Эти изменения описываются как элементы второго демографического перехода² или как закономерный этап более общего процесса единого демографического перехода.³ Не останавливаясь здесь на анализе этих позиций и мнений, отметим только, что непродолжительность роста рожда-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, соглашение №14-46-04099.

² Захаров С.В. Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости // ДемоскопWeekly. 2012. № 495-496. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (дата обращения: 02.02.2015); Van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // Population Bulletin. 1987. N. 42(1) – Pp. 1-59.

³ Вишневыский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo Sapiens // Демографическое обозрение. Т.1. №1. – С. 6-30.

емости прогнозировалась уже несколько лет назад.¹ Сейчас уже можно относительно уверенно констатировать завершение этого процесса, что определяется, прежде всего, структурными причинами. Практически не оставляет возможностей для сохранения текущего числа рождений прогнозируемое снижение числа женщин в Иркутской области в возрасте от 20 до 35 лет (на 10% к 2018 г. и на 25% к 2023 г. по сравнению с 2013 г.).

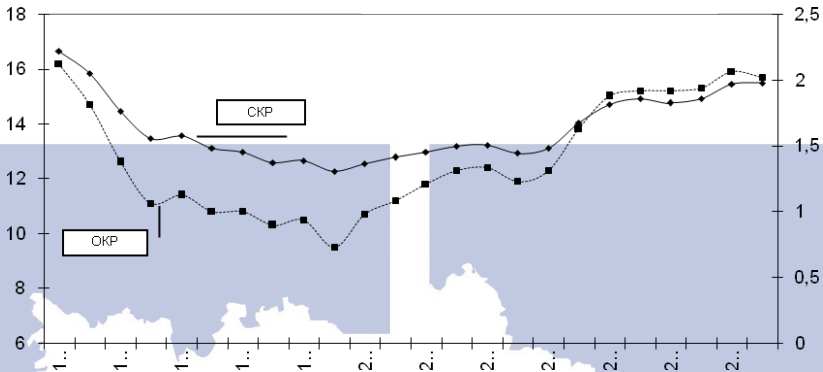
В этой ситуации нам представляется важным попытаться увидеть не столько количественные итоги обозначенного этапа (они более или менее очевидны), сколько возможные качественные изменения в структуре рождаемости. Проведённый ранее анализ показал, что на фоне роста числа рождений в регионе происходят довольно заметные сдвиги в возрастной модели рождаемости.² На протяжении второй половины 2000-х гг. пик рождаемости в городском населении заметно смещался в сторону возрастной группы 25-29 лет, тогда как в сельском населении максимальный уровень возрастного коэффициента рождаемости сохранялся в когорте 20-24-летних. Однако в первом случае смешивается население самых разных местностей, которые лишь по формальным признакам отнесены к одной статистической группе: жители регионального центра и крупных городов (более 100 тысяч человек), малых периферийных городов и небольших поселений, образ жизни в которых, несмотря на «городской» статус, тяготеет к сельским моделям. Но подобная ситуация складывается и с сельским населением: при анализе на региональном уровне в одну группу попадают и местности, прилегающие к крупным городам, а значит вовлеченные в их социокультурную орбиту, и сельская глубинка. В результате процессы, происходящие в структуре рождаемости (в том числе возрастной) размываются, а качественные изменения становятся малозаметными.

¹ Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. №3. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod> (дата обращения: 03.04.2015).

² Григоричев К.В. Новые тренды рождаемости в Сибирском регионе (Иркутская область) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск: Либриус, 2010. – С. 115-127; Григоричев К.В., Савин С.П. Изменение возрастной модели рождаемости: случай Иркутской области // Фундаментальные исследования, 2014, № 12-6. – С. 1338-1342.

Задачу этого текста мы видим в попытке взглянуть на процессы эволюции рождаемости на субрегиональном уровне на примере Иркутской области. Последняя, являясь достаточно типичным сибирским регионом, внутренне чрезвычайно разнородна и включает различные типы населения. Вокруг регионально-го центра (собственно г. Иркутск, около 613 тысяч жителей) на протяжении второй половины XX–начала XXI вв. сложилась и развивается городская агломерация, включающая два городских центра (Ангарск – около 227 тыс. чел. и Шелехов – около 50 тыс. жителей), а также пригородные территории трёх сельских районов, насчитывающие около 100 тыс. человек. Помимо агломерации, в области расположено несколько городов второго порядка, численностью населения от 90 до 280 тыс. человек, несколько малых городов и более десятка поселений городского типа. Среди сельских районов выделяется группа территорий, прилегающих к городским центрам и Транссибирской магистрали, социально-экономическое развитие которых имеет выраженную специфику. Особым случаем является включенная в состав области территория Усть-Ордынского бурятского округа, имеющего этнодемографическое своеобразие. Подобная пространственно-демографическая структура заставляет взглянуть на демографическую ситуацию в области не в формате усреднённых цифр, а как на сложную динамическую систему.

Динамика общего и суммарного коэффициентов (СКР) рождаемости по Иркутской области в целом представлена на Рис. 1. Она демонстрирует, что после этапа быстрого роста в первой половине – середине 2000-х годов, рождаемость в регионе стабилизировалась вблизи уровня простого воспроизводства (СКР в 2012 г. составил 1,97, в 2013 г. – 1,98). Уровень рождаемости вырос по сравнению с минимальными значениями конца 1990-х гг. (1,31 в 1999 г.) более чем в полтора раза. Традиционно значения СКР для городского населения несколько ниже (1,76 в 2012 г. и 1,78 в 2013 г.), для сельского – заметно выше: 2,98 в 2012 г. и 2,97 в 2013 г. Подобный уровень рождаемости был характерен для рубежа 1980-1990-х годов и внешне

Рис. 1. *Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Иркутской области, 1990-2013 гг.*

соответствует признакам серьёзного оздоровления демографической сферы в регионе, что вселяет в региональные власти некоторый оптимизм.

Однако при рассмотрении динамики суммарного коэффициента рождаемости на субрегиональном (муниципальном) уровне картина значительно усложняется. На Рис. 2 хорошо заметно, что на подавляющей части территории Иркутской области уровень рождаемости (СКР) за 2000-2011 гг. заметно вырос и лишь примерно в трети муниципальных образований не достиг уровня простого воспроизводства (2,15). Подобное соотношение позволяет предположить, что позитивная в целом картина динамики рождаемости в области задается основной массой муниципальных образований, демонстрирующих высокие значения СКР.

Вместе с тем, максимальные значения суммарного коэффициента рождаемости показывают наиболее отдалённые и, что важнее, малочисленные районы и малые города региона. Высокий уровень рождаемости здесь сочетается с небольшим числом родившихся: в большинстве муниципальных образований данной группы число рождений в 2011 г. не превышало 400 человек. Исключение составили лишь Усть-Ордынский бурятский округ и несколько сельских районов. Небольшой в абсолютных цифрах рост рождаемости здесь приводит к очень заметному изменению значений суммарного коэф-

фициента рождаемости. Так, в Усть-Удинском районе число рождений с 2000 по 2011 гг. выросло на 78 случаев (242 и 320 рождений соответственно), но привело к значительному росту СКР за этот период: с 2,17 до 3,34. Нередко рост СКР происходил за счёт сокращения численности и изменения структуры населения на фоне минимального роста числа рождений и даже их сокращения(!): например в Катангском районе области в 2011 г. число родившихся снизилось по сравнению с 2000 г. на 4 человека, а суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,00 до 1,57. Иными словами, территории, входящие в данную группу, имеют достаточно высокий уровень рождаемости, но не они в целом определяют число рождений в регионе.

Напротив, территории, где значение СКР ниже 2,15, – это наиболее крупные муниципальные районы и города области, составляющие не более одной трети всех муниципальных образований региона. Однако на них приходится около двух третей (63,9%) абсолютного числа рождений и 69% населения области. В этой группе находятся муниципальные образования, формирующие Иркутскую агломерацию, на которую приходится более 37% всех родившихся при относительно невысоких значениях СКР: 1,53-1,58 для городов и 1,93 для пригородного Иркутского сельского района. (Здесь же стоит отметить специфику пригородного района: при самом высоком числе рождений по сельским территориям, данный район имеет минимальное значение СКР в сельской местности. Последнее связано с быстрым ростом населения пригорода за счет переезда горожан и широким распространением городских практик, в том числе – репродуктивных – в пригороде.)

Анализ динамики изменения уровня СКР показывает сходную картину: прирост значений данного показателя максимален в муниципальных образованиях с невысоким абсолютным числом рождений. И, напротив, в районах и городах области, давших максимальный объём прироста числа рождений, рост СКР оказался весьма невысоким. В результате вклад территорий, где рост общего коэффициента рождаемости был наиболее значительным в увеличение числа родившихся, оказался практически в 2 раза меньше, чем остальных территориях области.

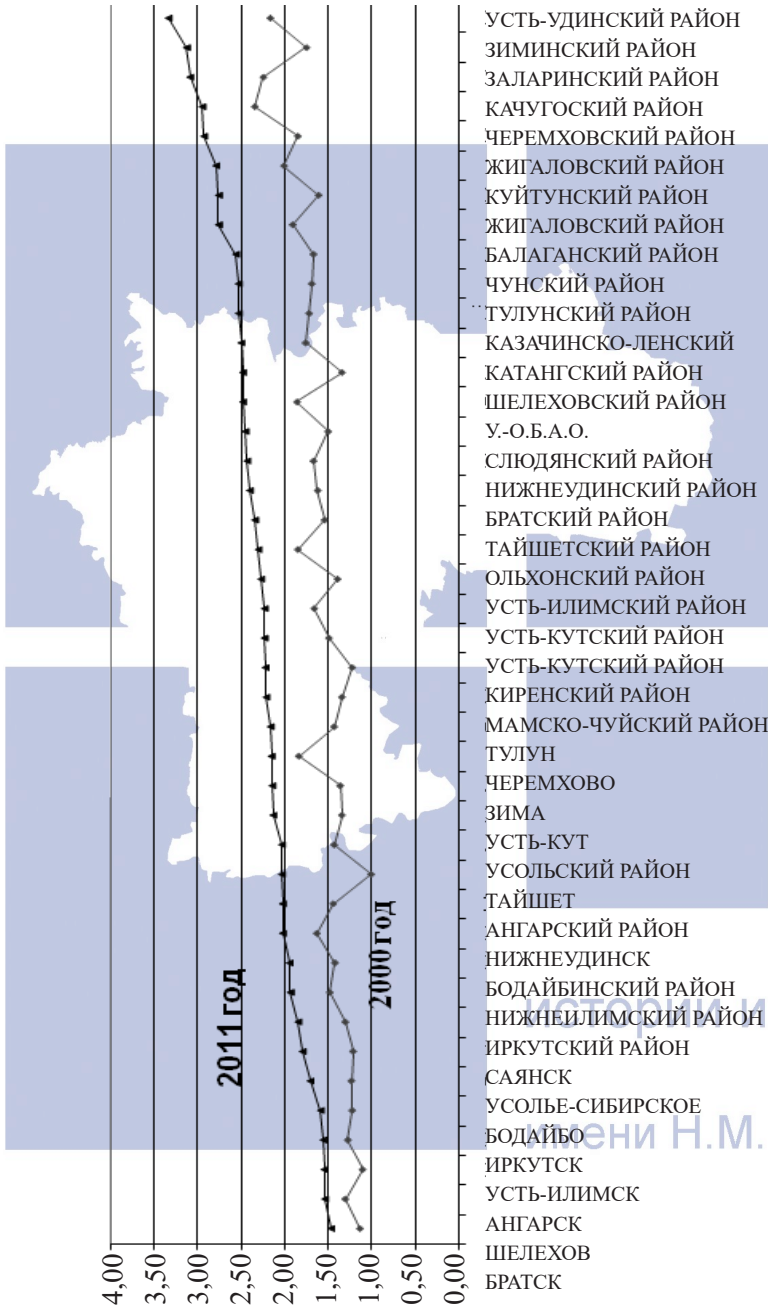

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости по муниципальным образованиям Иркутской области, 2000-2011 гг.

Закономерным является вопрос о причинах и факторах подобной динамики рождаемости по муниципалитетам. Дифференциация возрастной структуры населения в обозначенных группах муниципальных образований навряд ли может в полной мере объяснить показанные выше различия в силу разнонаправленных отличий. Если в большинстве городов и районов с низкими значениями СКР доля молодежной группы 15-24-летних немного ниже, чем в среднем по области (12,1-14,9% против 15,3%), то в областном центре и пригородном Иркутском районе, являющимися лидерами по числу рождений среди городов и сельских районов, её удельный вес заметно выше (19,2% и 17,1% соответственно). В этой ситуации представляется целесообразным рассмотреть динамику возрастных коэффициентов рождаемости. Действительно, СКР интегральный показатель рождаемости нивелирует различия в удельном весе половозрастных групп, но одновременно скрадывает различия возрастной структуры рождаемости. Изменения же в уровне рождаемости по возрастным группам могут не только корректировать значения СКР в условных поколениях (которыми, как правило, оперируют при оценке рождаемости), но заметно влиять на итоговую рождаемость в реальных поколениях.

Уже с начала 2000-х гг. в населении области сложилась тенденция к постепенному смещению пика рождаемости в более старшие когорты. Наиболее быстро эти изменения шли в населении Иркутской агломерации, заметно отставая в других поселениях региона. Основным элементом этого процесса являлся рост возрастных коэффициентов рождаемости в группах 25-29 лет и 30-34 года.¹ К началу 2010-х гг. обозначенные тенденции проявились уже более отчётливо.

В Табл. 1 представлена выборка по муниципальным образованиям Иркутской области, критериями которой являются, с одной стороны, более высокие значения ВКР в группе 25-29 лет, чем в группе 20-24 года, а с другой – положительная динамика ВКР в старшей из обозначенных возрастных групп. Данные критерии

¹ Григоричев К.В. Новые тренды рождаемости. – С. 115-127.

позволяют выделить муниципалитеты, в которых на протяжении 2000-х гг. происходит быстрая смена возрастной модели рождаемости, выраженная в смещении пика рождений в более старшие когорты. В эту группу попадает практически вся территория Иркутской агломерации, несколько крупнейших областных индустриальных городов за её пределами, а также два сельских района.

Однако сам по себе рост уровня рождаемости в старших возрастных группах еще не означает изменения модели рождаемости и может быть объяснен позитивным влиянием комплекса пронаталистских мер 2007-2010 гг. Ориентированные на стимулирование рождения второго и последующего ребенка, эти меры объективно в качестве целевой группы рассматривают женщин старших возрастных групп. И в этом смысле более показательным является снижение на протяжении рассматриваемого периода значений ВКР в группе 20-24 года среди населения муниципалитетов, включённых в Табл. 1.

Таблица 1.

Изменение возрастных коэффициентов рождаемости по отдельным муниципальным образованиям Иркутской области, 2000-2011 гг. (реконструкция)

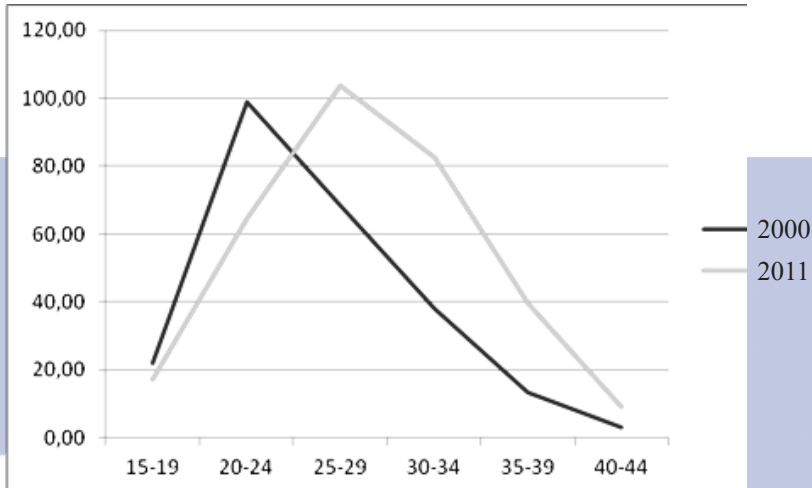
	Год	Возрастной коэффициент рождаемости, ‰		Отношение ВКР в группах 25-29 лет / 20-24 года
		20-24 года	25-29 лет	
г. Ангарск	2000	90,10	65,24	0,72
	2011	83,55	99,80	1,19
Ангарский район	2000	73,02	58,20	0,80
	2011	114,99	114,79	1,00
г. Братск	2000	88,86	64,65	0,73
	2011	76,29	91,34	1,20
г. Иркутск	2000	99,02	68,35	0,69
	2011	64,73	103,63	1,60
Иркутский район	2000	108,04	82,88	0,77
	2011	108,34	115,61	1,07

	Год	Возрастной коэффициент рождаемости, ‰		Отношение ВКР в группах 25-29 лет / 20-24 года
		20-24 года	25-29 лет	
Ольхонский район	2000	132,25	121,57	0,92
	2011	121,43	142,86	1,18
г. Усть-Илимск	2000	93,90	77,86	0,83
	2011	86,31	102,69	1,19
Усть-Илимский район	2000	101,10	75,19	0,74
	2011	115,26	131,27	1,14
г. Черемхово	2000	114,91	82,03	0,71
	2011	127,43	139,48	1,09
г. Шелехов	2000	103,82	71,35	0,69
		83,49	105,19	1,26

Действительно, повышение числа рождений в старших возрастных группах (как за счёт реального роста рождаемости, так и за счёт изменения календаря рождений – реализации репродуктивных планов раньше планировавшего срока) объективно должно было привести к уменьшению вклада младших возрастных групп в суммарный коэффициент рождаемости в условном поколении, что, однако, не предполагает снижения ВКР в данной группе. Уменьшение же уровня рождаемости среди молодёжи, происходящее на фоне довольно быстрого роста её численности и удельного веса, свидетельствует об изменении моделей фертильного поведения.

Наиболее рельефным примером описываемых изменений может служить областной центр – г. Иркутск (Рис. 3). Всего за десятилетие возрастной коэффициент рождаемости в группе 20-24 года здесь снизился более чем на треть с одновременным ростом ВКР в когорте 25-29 – летних. Подобная разнонаправленная динамика, на наш взгляд, позволяет говорить именно о смене модели рождаемости, а не об исключительном воздействии мер по повышению рождаемости.

Следовательно, можно достаточно уверенно говорить о том, что во второй группе муниципальных образований (а это, напомним,

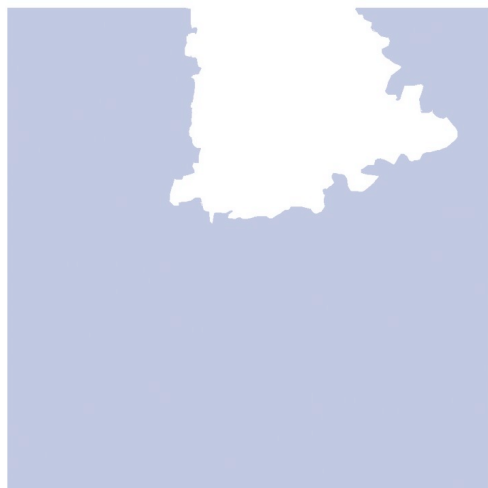

Рис. 3. Динамика возрастной модели рождаемости, г. Иркутск, 2000-2011 гг. (возрастные коэффициенты рождаемости, ‰)

крупнейшие города области и прилегающие к ним районы) рост рождаемости оказался в большей степени экстенсивным и определялся, с одной стороны, структурной волной, сложившейся на основе повышения рождаемости в 1980-е гг., а с другой – спецификой внутрорегиональной миграции. Так, высокая численность и удельный вес молодежи в областном центре определяется значительным числом ВУЗов, приток абитуриентов в которые приводит к значительному росту возрастных групп 15-19 лет и 20-24 года. Такая «молодая» структура населения, складывающаяся в этих местностях, обеспечивает довольно высокий потенциал роста рождаемости. Однако быстрое изменение возрастной модели рождаемости (смещение пика рождений в более старшие возрастные группы – 25-29 лет и старше) приводит к тому, что благоприятные структурные изменения здесь не реализуются через рост числа рождений, а откладываются на более поздние сроки. С учётом же возрастной структуры миграционного оттока из Иркутска¹ этот потенциал может и не быть реализован.

¹ Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н. Демографические перспективы Иркутска // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение, 2008, №1. – С. 73-84.

Таким образом, можно вполне определённо говорить о том, что пронаталистские шаги, реализованные правительством России в последнее десятилетие, имели наибольший эффект для населения периферийных сельских районов и малых городов. Однако в силу малочисленности жителей таких территорий и постоянного ухудшения их возрастной структуры за счёт вымывания молодого населения в рамках образовательной миграции, эти территории уже не обладают достаточным потенциалом для формирования и закрепления долгосрочных демографических тенденций. Напротив, долговременные тенденции в регионе формируются в районах концентрации населения, где фактический уровень рождаемости (отражающийся в СКР) невысок, а относительно большое число рождений связано с особенностями возрастной структуры. Недоучёт подобной гетерогенности региона может привести к размыванию реальных процессов в обобщённой картине демографического развития, выбору неверных сценариев демографических прогнозов.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 314.06

Лукичева Л.Ю., Прокопенко С.А.
КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
СУБМОДЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ
ОБЛАСТИ В XXI ВЕКЕ

В настоящее время большинство базовых демографических показателей в России негативны или внушают тревогу. Эта ситуация – результат среднесрочных и долгосрочных процессов, уходящими своими корнями в советское прошлое. В целом негативный тренд берёт своё начало в 1930-е гг., когда в масштабах государства стали меняться тип воспроизводства и структура населения. Эти стадияльно-цивилизационные процессы, связанные с индустриализацией и урбанизацией страны, накладывались на специфическую политику сталинского руководства (особо отметим негативную роль коллективизации), которая серьёзно повлияла на демографический потенциал и на смену репродуктивного поведения. Катастрофические потери в ходе Второй мировой войны усугубили демографические проблемы Советского Союза, серьёзно деформировав половозрастную структуру населения.

Помимо советского наследия природа негативной социо-демографической ситуации в постсоветской России связана с началом перехода в 1970-1980-е гг. к постиндустриальному типу воспроизводства населения и с острым социально-экономическим кризисом 1990-х гг. В результате мы имеем особую демографическую макро модель, сочетающую черты разных типов и режимов воспроизводства населения. Назовём некоторые из них: низкая рождаемость и плодовитость, малолетность, низкая младенческая смертность, сравнительно высокая обычная смертность (особенно мужская в репродуктивных когортах), низкая ожидаемая продолжительность жизни для мужчин.

Наряду с этой общей картиной в ряде регионов России наблюдаются серьёзные отличия. Самый яркий пример – Северный Кавказ, где в большинстве субъектов федерации сохраняется вы-

сокая рождаемость и многодетность, что можно объяснить стадийным отставанием и социокультурными особенностями социумов на этих территориях.

Задача статьи – попытаться выделить социо-демографические субмодели на территории Ульяновской области. Ответ на этот вопрос поможет дать более точный демографический прогноз для области и учесть эти данные при выстраивании демографической политики. Напомним, что общероссийский прогноз развития социально-демографической ситуации исходит из сокращения трудоспособного населения, что можно теоретически компенсировать в краткосрочной перспективе более рациональным расселением жителей по территории страны, но требует огромных затрат; и потому неизбежен вынужденный выбор в пользу более открытой иммиграционной модели, что неминуемо определит поворот к изменению этнической и политической идентичности России.¹

В Ульяновской области с приходом на пост губернатора С.И. Морозова уже десятилетие проводится активная демографическая политика. По ряду направлений и по предлагаемым мерам область оказалась в авангарде новой демографической политики. В результате здесь с 2008 г. наблюдается сокращение разрыва между областными и общероссийскими показателями по суммарному коэффициенту рождаемости (за счёт городского населения, в том числе по очерёдности рождения. Отставание динамики сельского населения можно объяснить увеличением возраста рождения первого ребёнка); опережающими темпами роста по сравнению со средними общероссийскими индикаторами ожидаемой средней продолжительности жизни для мужчин. Как следствие, по данным текущего учёта на 1 января 2014 г., доля населения старших возрастов (старше 65 лет) в нашей области по сравнению с показателями в Приволжском федеральном округе выше средних значений (14,6 и 13,4 соответственно) или 4-е место из 14 субъектов РФ. Но за счёт многочисленных когорт трудоспособного возраста демографиче-

¹ Мкртчян Н.В. Демографическая ситуация и межэтнические процессы в России как базисные условия формирования перспективной иммиграционной политики // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2005, № 3. – С. 418-440.

ская нагрузка в Ульяновской области лишь немного выше средних значений для ПФО (704 и 702 на 10 000 жителей соответственно¹).

Вместе с тем, несмотря на активные мероприятия по стимулированию рождаемости и многодетности, инерционность демографических трендов велика и отягощается «эхом войны» (деформацией половозрастной структуры населения). В ближайшие годы половозрастная пирамида Ульяновской области будет всё больше приближаться к регрессионному типу, при котором доля экономически активного населения составляет 50%, доля лиц моложе трудоспособного возраста – 20%, а старше трудоспособного возраста – 30%.

Половозрастная пирамида населения Ульяновской области на начало 2014 г. показывает перевес женщин практически во всех когортах. Также мы видим несколько провалов в общей численности населения: для 80–летних (из-за снижения рождаемости в 1940-е гг.), 70–летних (последствия Великой Отечественной войны) и для когорты 45-50 лет (снижение рождаемости в 1960-е гг.). Печально, но в основании пирамиды мы имеем численность населения, примерно соответствующую численности возраста 45-50 лет. Как и следует ожидать, в когортах моложе трудоспособного возраста и в когортах трудоспособного возраста примерно одинаковое соотношение мужского и женского населения. Изменения соотношения мужского и женского населения заметно в группах лиц старше трудоспособного возраста (в связи с меньшей продолжительностью жизни в данных возрастах у мужчин).²

Такой регрессионный тип неизбежно породит новые требования к социальному обеспечению и медицинскому обслуживанию пожилых и старых людей. Увеличение их доли ведёт к росту демографической нагрузки, создаёт дополнительные трудности в их пенсионном обеспечении. Уже через 5 лет мы выйдем на пик роста пенсионных, медицинских и др. затрат для мужчин пожилого возраста (для женщин мы сейчас уже выходим на такой пик, но затем прогнозируется снижение).

¹ По данным С.И.Архангельского.

² См.: Возрастно-половой состав населения Ульяновской области на 1 января 2014 года. Статистический сборник. – Ульяновск: Ульяновскстат, 2014. – 22 с.

Проблема усугубляется сокращением численности экономически активного населения вплоть до того, что через 15 лет мы столкнёмся с дефицитом рабочей силы.

Вместе с тем, эти общие областные характеристики варьируются по муниципальным образованиям. Можно ли формализовать их? Напомним, что результаты первых опытов выделения особых региональных подтипов в рамках европейской макромодели демографического воспроизводства населения были опубликованы ещё в середине 1960 гг. Наибольших успехов тогда добились британские учёные, которые сосредоточились на изучении типологии семьи (Кембриджская группа по истории народонаселения и социальной структуры П. Ласлетта). В 1980-е гг. французские специалисты, обобщив данные национальной выборки населения за 1670-1829 гг. (проект INED), пришли к выводу о том, что география расхождения демографических показателей (в частности, смертности) во Франции имеет большее значение, чем социальные различия.¹ Это подтолкнуло исследователей разных стран к поиску устойчивых региональных и локальных демографических комплексов.

В основу нашего исследования была положена методика, разработанная в начале 1980-х гг. галисийским исследователем А. Эйрасом Роэлем для т.н. достатистической эпохи.² Суть методики заключается в сопоставлении базовых и агрегатных демографических переменных по данным цензов (или переписей) с применением как поперечного, так и продольного анализа. В связи с дефектным характером баз данных, им применялась т.н. «качественная классификация», в основу которой был положен точечный анализ информации из метрических книг по ВИС-ме-

¹ Blum A., Bringé A. Mortalité locale et générale en France 1670-1829 // *Modèles de la démographie historique*; ed. par A. Blum, N. Bonnenil et D. Blanchet. Paris, 1992. – P. 34-35.

² См. подр.: Прокопенко С.А. Построение региональных моделей традиционного типа воспроизводства населения (на примере Испании) // ИДНАКАР. Методы историко-культурной реконструкции. Научный журнал, 2009, № 1. – С. 57-69; Прокопенко С.А. Об устойчивости и причинах многообразия демографических субмоделей в Испании Нового времени // Проблемы народонаселения в зеркале истории. Шестые Валентьевские чтения. Сб-к материалов международной конференции. Т. 2; ред. В.В. Елизаров, И.А. Троицкая. М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 246-257.

тому. Но если Эйрас Роэль оперировал десятью переменными, особенности учёта и обработки статистических данных в России на протяжении XX-XXI вв. вынудили нас резко сократить их число. Учитывая необходимость последующей проверки степени устойчивости субмоделей путём ретроспективного анализа, нужно иметь в виду серьёзную проблему в виде частых административных реформ, которые меняли границы Ульяновской области и районов, и даже сам статус региона.

Был сделан срез за 2010. Рассмотрим полученные результаты (Табл. 1).

На момент проведения переписи 2010 года Ульяновская область административно делилась на 3 городских округа, 21 муниципальный район, а в них насчитывалось 31 городское поселение и 112 сельских поселений.

Население имеет ярко выраженный урбанизированный характер: городское – 950,6 тыс. человек (73,5%), сельское – 342,2 тыс. человек (26,5%).

Исходя из восьми демографических показателей (рождаемость, плодовитость, смертность, младенческая смертность, брачность, разводимость, маскулинность, степень старения), в Ульяновской области было выявлено шесть кластеров с несколькими переходными формами. Для обработки показателей применялся иерархический кластерный анализ с построением дендрограммы и с использованием метода межгрупповых связей.

Первую группу образуют городские округа (Ульяновск, Дмитровград) с более благоприятной ситуацией в областном центре. Для этого кластера характерны низкая убыль населения, средняя рождаемость, высокие брачность и разводимость, низкая смертность и сравнительно молодое население.

Ко второй группе относятся пригородные районы (Ульяновский и Чердаклинский), а также Цильнинский и Новоспасский районы. Им свойственны высокая рождаемость; низкие смертность, брачность и разводимость; молодое население и в результате – низкая убыль населения. Если ситуация в пригородных районах объясняется близостью региональной столицы, то объяснение сравнительного благополучия для двух других районов иное. Так, экономика Цильнинского района поκειται на

Таблица 1.

Сводная таблица демографических значений МО по Ульяновской области, 2010 г. (в ‰)

МО	№ кла-стера	Естеств. убыль	Младенческая смертность	Коэфф. брачности	Коэфф. разводимости	*Маску-линность	Общ. коэфф. рождаемости	Общ. коэфф. смертности	**Коэфф. старения
Ульяновск	1	2,7	4,4	10,2	5,2	45,3	10,3	13,1	22,29
Димитровград	1	4,6	7,3	10,2	5,3	46,3	11,1	15,5	22,54
Новоульяновск	1/2	6,7	6	7,4	5	48,9	8,2	14,9	23,8
Новоспаский	2	4,7	-	9	5,4	56,5	11,5	16,3	23,49
Ульяновский	2	2,5	4,7	3,9	3,4	46,4	11,6	14,1	21,24
Чердаклинский	2	4,7	8,3	3,8	4,4	46,4	11,5	16,2	23,6
Цильнинский	2	4,3	3	3,5	2,4	47,1	11,9	16,3	23,34
Вешкаймский	3	8,1	12,3	6,4	4,4	45,3	12,3	20,4	27,85
Майнский	3	9,4	3,1	5,1	3,6	46,1	12,3	20,9	27,93
Мелекесский	3	8,9	8,8	4,4	4	46,3	12,4	20,7	27,85
Новомалыклинский	3	7,8	-	4,8	3,4	46,1	13,5	20,4	28,97
Сенгилеевский	3	6,9	14,7	6	4,9	46,3	11,9	18,2	28,49
Старомайнский	3	7,3	9,3	6,8	3,6	46,5	11,2	18,1	25,4
Тереньгульский	3	5,7	14	5,4	4	47	11,4	17,1	25,9
Барышский	4	11,4	14	6,2	3,8	45,3	10	21,3	28,38
Базарносызганский	4	9,9		5,8	4,3	46,4	10,3	20,4	27,48

МО	№ кла-стера	Естеств. убыль	Младенческая смертность	Кэфф. брачности	Кэфф. разводимости	*Маску-линность	Общ. кэфф. рождаемости	Общ. кэфф. смертности	**Кэфф. старения
Инзенский	4	11,8	14,6	7,1	3,1	45,9	10,2	21,7	28,13
Карсунский	4	13,3		5,9	3,6	44,8	10,8	24,2	30,58
Кузоватовский	4	9,2	8,9	7,5	4,2	45,4	10	18,2	28,52
Николаевский	4	8,1	10,4	7,3	2,4	46,3	10,6	18,8	26,31
Павловский	4	10,1	7,1	8,2	2,6	46,1	9,3	19,6	29,84
Сурский	4	12,7	11,4	5,1	3,9	46	9	21,5	28,21
Радищевский	5	10	24,2	4,8	4,4	46,9	8,6	19,1	25,25
Старокулаткинский	6	13,4	10,2	6,9	3,2	47,2	6,6	20,2	31,36

* – в процентах (рассчитывается как соотношение мужского и женского населения).

** – в процентах.

Составлено по: Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://ulm.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ulm/ru/census_and_researching/census_nationalcensus21010/score2010/ (датаобращения: 12.08.2015).

НИИ

история культуры

имени Карамзина

плодородных почвах, а также на выращивании и переработке сахарной свеклы. Свою лепту вносят национальные стереотипы семейного поведения населения (на территории района проживают в большинстве своём чуваша и татары). Новоспасский район помимо нефтедобычи (с переработки на соседнем Сызранском НПЗ) использует дивиденды от железной дороги Москва – Самара и автомобильной федеральной трассы М–5. Своеобразие этого района заключается в большой доле мужского населения, что можно объяснить дисбалансом рабочих мест с гендерной точки зрения. Следствием такого гендерного дисбаланса является высокая брачность (и соответственно разводимость).

Городу-спутнику областного центра Новоульяновску присущи черты как первого, так и второго кластеров. Более выраженные некоторые негативные показатели объясняются оттоком молодёжи, а в результате – старением населения.

В третью группу вошло семь районов, которые образуют ближнюю периферию Ульяновска и Димитровграда (Вешкаймский, Майнский, Мелекесский, Новомалыклинский, Сengelеевский, Старомайнский, Тереньгульский). Они отличаются средними показателями смертности, высокой рождаемостью (наибольшей среди кластеров), старым населением.

Восемь западных и юго-западных районов области, расположенных на расстоянии примерно 100 км и больше от г. Ульяновска, образуют четвёртый кластер (Барышский, Базарносызганский, Инзенский, Карсунский, Кузоватовский, Николаевский, Павловский, Сурский). Они характеризуются старым населением, высокой смертностью, низкой рождаемостью и, как результат, высокой убылью людей.

Радищевский и Старокулаткинский районы, типологически близки друг другу, и представляют собой пример районов с вымирающим населением. Своеобразие Старокулаткинского района заключается в большей доле старших возрастов. (Аномально высокие показатели младенческой смертности Радищевского района мы склонны особо не выделять из-за небольшого числа рождений в абсолютных цифрах, что и может привести к большим значениям за дискретный период.)

При кластерном анализе основных показателей учитывалось распределение полученных данных около статистических центров.¹

¹ Под центром понимаются усреднённые показатели, по которым происходит конечное статистически верное разделение на кластеры.

Статистические показатели конечных центров кластеров условно можно разбить на 3 группы: низкие, средние и высокие. Комбинируя показатели с учётом действительной и логической взаимозависимости, получаем следующее распределение:

Хотя по всем районам наблюдается убыль населения, а само население можно отнести к «демографически старому», самая неблагоприятная ситуация свойственна объектам четвёртого, и особенно шестого и пятого кластеров.

Данное распределение районов по кластерам детерминировано урбанизацией и непосредственно обусловлено процессами миграции на территории этих образований. Прослеживается (за двумя исключениями) чёткая зависимость между демографическим состоянием районов и степенью удалённости муниципальных образований

Таблица 2.

Качественная кластеризация по смешанным показателям

Кластеры	Показатели			
	Смертность	Рождаемость	Брачность/разводимость	Кэфф. старения
Ульяновск Димитровград	низкая	средняя	высокая	низкий
Новоспасский, Ульяновский, Чердаклинский, Цильнинский	низкая	высокая	низкая	низкий
Вешкаймский, Майнский, Мелекесский, Новомалыклинский, Сенгилеевский, Старомайнский, Тереньгульский	средняя	высокая	средняя/ низкая	высокий

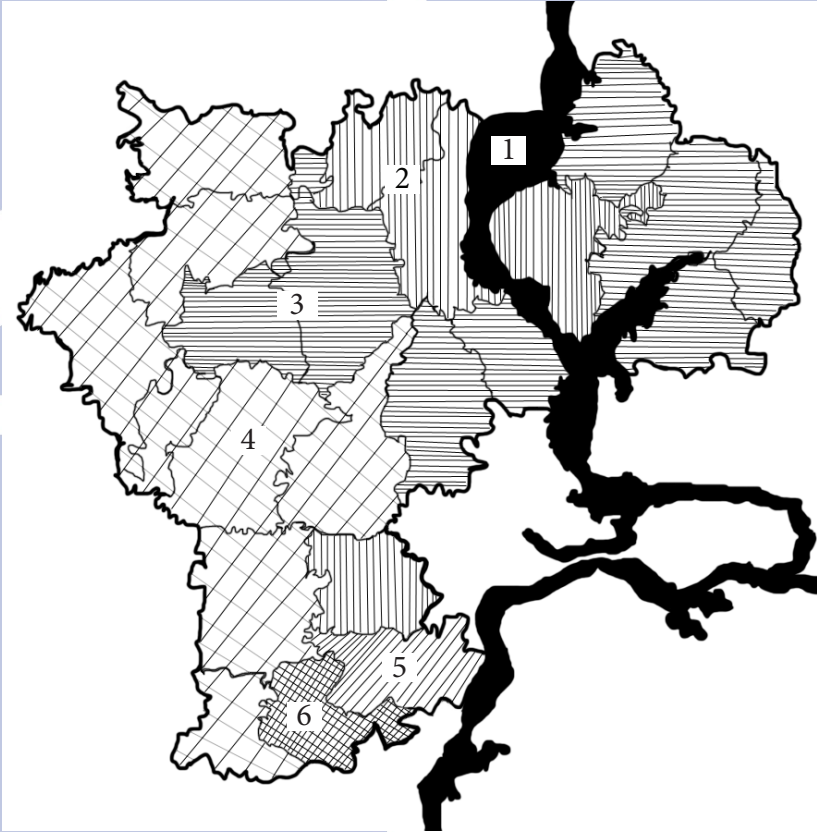
Кластеры	Показатели			
	Смертность	Рождаемость	Брачность/разводимость	Коэффициент старения
Барышский, Базарно-сызганский, Инзенский, Карсунский, Кузоватовский, Николаевский, Павловский, Сурский	высокая	средняя	низкая	высокий
Радищевский	высокая	низкая	низкая	средний
Старокулаткинский	высокая	очень низкая	средняя/низкая	очень высокий

от двух главных городов региона. Визуально уровень демографического благополучия выражается в виде концентрических окружностей, расходящихся от Ульяновска и Димитровграда (Рис. 1).

Хотя механическое движение населения не включено в индикаторы стационарной модели, отметим ряд важнейших наблюдений. Положительный коэффициент миграции выявлен в районах с высокой степенью маятниковой, сезонной миграцией. Безвозвратная (окончательная) миграция характерна для крупных городов и образований, расположенных наиболее близко к территориальным границам других областей. На территории некоторых образований возможна учебная (средне-срочная) миграция молодёжи.

Суммируя изложенное, однозначным представляется наличие нескольких демографических субмоделей на территории современной Ульяновской области. Насколько устойчивы эти субмодели можно выяснить путём ретроспективного анализа поперечных срезов. Несомненно, что главной причиной вариативности является урбанизация. С учётом полярности позиций

таких национальных районов как Цильнинский и Старокулаткинский (в основном татарское население) проблематичным представляется говорить о серьёзном влиянии в настоящее время этнических и этно-конфессиональных практик на демографическое поведение населения Ульяновской области.

Рис. 1. Карта-схема демографических субмоделей Ульяновской области

И
уры
ИМЕНИ Н.М. КАРАМЗИНА

Таблица 3.

**Показатель миграции по сельским районам
Ульяновской области, 2010 г.**

Показатели	Районы		
Коэф. миграции = -0,108	Новомалыклинский, Сенгилеевский, Ульяновский, Чердаклинский		Базарносызганский, Вешкаймский, Инзенский, Кузоватовский, Мелекесский, Николаевский Новоспасский, Старокулаткинский, Сурский
Коэф. миграции = -0,036		Барышский, Карсунский, Майнский, Павловский, Радищевский, Старомайнский, Теренгульский, Цильнинский	
Коэф. миграции = 0,052			

ББК (С) 60.7

УДК 335.044

Спанкулова Л.С., Конырбай А.
РОЖДАЕМОСТЬ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

Теоретические основания исследования

Изучая политику повышения рождаемости и её результаты в постсоветских странах, мы исходим из общих оснований, сформулированными другими исследователями.¹ Они таковы.

Во-первых, ни одна из существующих мер не даёт значительного повышения рождаемости (в том числе из-за того, что каждая адресована разным группам населения). Поэтому политика, направленная на повышение рождаемости, должна быть комплексной.

Во-вторых, следует отметить, что в работах, оценивающих влияние на рождаемость конкретных инструментов семейной политики, традиционно упускается из виду вопрос реакции населения на предложенные государством меры. Предполагается, что потребности людей в детях недостаточно реализуются, так что снижение прямых затрат на их воспитание или возмещение издержек в связи с рождением детей обязательно приведёт к увеличению числа рождений. При этом предполагается, что население полностью осведомлено о государственных программах для семей с детьми и о нововведениях в семейной политике. Но, когда очень низкая рождаемость сохраняется в течение длительного периода времени, репродуктивные установки населения начинают меняться: люди уже меньше хотят заводить детей или вовсе предпочитают бездетность.²

Важным фактором семейного поведения является занятость матерей, состоящих в браке. В посткоммунистических странах наблю-

¹ Синявская О.В., Головляница Е.Б. Новые меры семейной политики и население: будет ли длительным повышение рождаемости? Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2009. – С. 205-246.

² Goldstein J., Lutz W. and Testa M. The emergence of replacement family size ideals in Europe // Population Research and Policy Review. 2003. N. 22(5-6). – Pp. 479-496.

дается самая большая доля матерей, имеющих полную занятость – около 64%. Во-первых, это объясняется тем, что гендерный контракт «работающая мать» был доминирующим для социалистических стран. Женщины строили БАМ, карьеру, светлое будущее. И детские сады, «продлёнки», пионерские лагеря были в порядке вещей, считались огромным благом для всех. Во-вторых, отсутствие должной поддержки в постсоветский период со стороны государства и нежелание работодателей предоставлять женщинам, имеющим детей, возможность трудиться неполный рабочий день, часто вынуждает матерей к полной занятости. До сих пор, согласно результатам анкетирования, в рамках проекта World Value Survey, проведённого в 2005–2007 гг. в 57 странах, доля матерей с частичной занятостью в посткоммунистических странах составляет только 6%, в то время как в странах с социал-демократическим и либеральным режимом доля матерей, имеющих частичную занятость – около 30%. С другой стороны, своеобразной реакцией на это стал отказ от работы в посткоммунистических странах 28% женщин имеющих детей. Ряд исследователей объясняют такой результат патриархальным ренессансом,¹ когда женщина добровольно отказывается от экономической независимости в пользу модели семьи с одним кормильцем.

В последние годы страны с высоким уровнем женской занятости демонстрируют более высокую рождаемость. А страны, где работающих женщин по-прежнему немного, отличаются низким уровнем рождаемости.² В странах с более высокой рождаемостью выше доступность оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, шире охват, особенно детей до трёх лет, детскими дошкольными учреждениями. С другой стороны, на микроуровне удается установить лишь очень слабое влияние на рождаемость пособий для детей и других денежных выплат семьям с детьми, а также оплачиваемых отпусков по уходу за детьми. Прежде всего они позитивно влияют на календарь рождений.

Связь между рождаемостью и развитостью услуг по уходу за детьми на микроуровне неустойчива и противоречива.

¹ Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. № 11.

² United Nation, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2011). World Fertility Policies 2011. Wall chart. – United Nations, 2011.

Основу статьи составило глубинное интервью, проведённое в июле 2012 г. в городе Алматы, в фокусе которого находились вопросы взаимосвязи между выплачиваемыми государством социальными пособиями и выплатами на детей. Общая характеристика респондентов выглядит так. В первой группе в интервью принимали участие замужние женщины в возрасте от 18 до 42 лет и родившие второго ребенка в последние два года. Были опрошены 12 женщин в возрасте 20-29 лет и 12 женщин в возрасте 30-40 лет. Также был проведён опрос женщин в возрасте от 18 до 42 лет, не имеющих второго ребенка. В нём приняли участие 12 женщин в возрасте 20-29 лет и 12 женщин в возрасте 30-40 лет.

Сравнительный анализ законодательных документов в области социальной политики

Одним из наиболее важных аспектов социальной политики является её законодательное регулирование. В системе социальной защиты населения вопросы социальной поддержки семей с детьми занимают важное место. Данные вопросы чётко отражены в национальном законодательстве, отвечающем международным требованиям. Это законы «О государственных пособиях семьям, имеющим детей», «О государственной адресной социальной помощи», «О жилищных отношениях», «О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан», «О социальной и медико-педагогической коррекционной поддержке детей с ограниченными возможностями», «Об обязательном социальном страховании» и иные нормативные правовые акты Республики Казахстан. Указанными законами регулируются права детей на государственную социальную поддержку и соблюдение государственных, минимальных, социальных стандартов, направленных на улучшение их жизни. Для имплементации лучших международных практик Казахстаном 14 февраля 2012 г. ратифицирована Конвенция МОТ об охране материнства, которая подтверждает приверженность республики соблюдению и выполнению международных стандартов в этой области.¹

¹ Доклад о положении детей в Республике Казахстан. – Астана, 2008. год. – URL: www.bala-kkk.kz/sites/.../e.../DOKLAD_o_polozhenie_detei_v_RK.doc (дата обращения: 17.03.2015).

Согласно Посланию Президента РК от 14 декабря 2012 г., определены «Новые принципы социальной политики – социальные гарантии и личная ответственность»:¹

1. Новые принципы социальной политики Республики Казахстан с 2013 г. (минимальный социальный стандарт, адресная социальная поддержка, решение проблем социальных дисбалансов в регионах, модернизация политики занятости и труда).

2. Защита материнства и детства.

3. Здоровье нации – основа нашего успешного будущего (ключевые приоритеты в области здравоохранения, новые подходы к обеспечению здоровья детей, улучшение системы медицинского образования, качество медицинского обслуживания на селе, развитие физической культуры и спорта).

В Послании Президента приоритетом остаётся всемерная защита материнства и детства. Рождаемость – один из ключевых процессов, определяющих демографические структуры и динамику численности народов.

Меры политики поощрения рождаемости. Работающие матери, являющиеся участниками системы социального страхования, имеют право на получение ежемесячного пособия по уходу за ребёнком по достижению им возраста до одного года за счёт средств государственного фонда социального страхования. Это стало возможным с введением в январе 2008 года в систему социального страхования двух дополнительных видов социальных рисков – на случай потери дохода в связи с беременностью и родами, усыновлением (удочерением) новорожденного ребёнка, и в связи с уходом за ребёнком до достижения им возраста одного года. При этом размеры пособий составляют: на случай беременности и родов – в размере среднемесячной заработной платы за все дни отпуска по беременности и родам; по уходу – в размере 40% от среднемесячной зарплаты (не более 10-кратного размера минимальной заработной платы). Также им, как участникам системы социального страхования, оплата боль-

¹ Послание Президента РК Н. Назарбаева народу Казахстана. 14 декабря 2012 года. – URL: http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-14-dekabrya-2012-g_1357813742 (дата обращения: 17.03.2015).

ничных листов по беременности и родам производится из фонда социального страхования. При этом в период нахождения женщин в декретном отпуске и в отпуске по уходу за ребёнком до одного года продолжают отчисления пенсионных взносов в накопительный пенсионный фонд. Согласно «Трудовому кодексу РК», беременные женщины, а также женщины, имеющие ребёнка (детей) в возрасте до трёх лет, по письменному заявлению работника имеют право на работу в режиме неполного рабочего времени. С января 2013 г., если женщина сразу после родов выходит на работу, то она лишается пособия из фонда социального страхования на случай потери дохода в связи с уходом за ребёнком до достижения им возраста одного года. Также по уходу за ребёнком до достижения им возраста трёх лет по выбору родителей – матери, либо отцу ребёнка предоставляется отпуск без сохранения заработной платы, за время которого за работником сохраняется место работы. Соответственно, в трудовой книжке указанный период отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребёнком до достижения им трёхлетнего возраста засчитывается в трудовой стаж женщины.

Общее отношение к семейной политике¹

Анализируя собранные нами тематические глубинные интервью, мы выявили, что респонденты, в целом, согласны с тем, что есть поддержка со стороны государства. Однако большинство из них считает размер детских пособий мизерным. Так, на вопрос «*Что вы думаете о детских пособиях и пособиях по уходу за ребёнком?*», женщины отвечали примерно таким образом: «*То, что они есть – это, конечно, правильно и необходимо, но их размер смешон, особенно в нынешних условиях*» (Д., 36 лет).

Респонденты объясняют это дороговизной детских вещей, питания, игрушек, медицинских услуг. Как показали результаты неформального интервью, мнения респондентов разошлись в вопросе стимуляции женщин детскими пособиями на рождение ребенка. Были следующие высказывания:

---

¹ Автор благодарит всех, кто поделился своим мнением, мыслями и историями.

– «Я считаю, что пособия стимулируют женщину стать матерью, особенно неработающих женщин» (А., 24 года).

– «Пособие не стимулирует женщин рожать детей, потому что такой суммой невозможно покрыть все расходы на ребёнка» (М., 42 года).

Из ответов можно сделать вывод, что материальное положение женщин в определённой степени влияет на рождаемость. Среди бедных семей большое значение на решение о рождении ребёнка имеет детское пособие. Особенно это касается рождения третьего, четвертого, пятого ребёнка. В ходе проведения фокус-групп с бедными семьями выяснилось, что пособия, которые выдаются на ребёнка, используются семьями для того, чтобы закупить уголь, продукты питания. Они рассчитывают на это пособие, и без него им крайне сложно прожить. Однако большинство респондентов считает, что детское пособие и пособие по уходу за ребёнком никак не могут быть главными факторами при принятии решения стать матерью. Причиной такого мнения также являются незначительный размер самого пособия и незначительный срок его выплаты (только в течение одного года). На вопрос: «Являлась ли возможность получения детского пособия и пособия по уходу за ребёнком для вас лично важным фактором при принятии решения стать матерью?» прозвучали следующие ответы:

– «Лично для меня – нет, и никогда не являлось, хотя они вселяют некоторую уверенность и защищённость, но, увы, совсем крохотную. Единственное, что я для себя решила, что при принятии решения о рождении детей, все-таки нужно женщине заранее узнать всю информацию о государственной поддержке матерей, потому что после родов приходится рассчитывать только на неё в отдельных случаях. Для себя я решила, что у меня будет трое детей, и третьего ребёнка буду заводить по истечении двух лет после рождения второго ребёнка, так, как только в этом случае я смогу рассчитывать на максимальное детское пособие, которое хоть каким-то образом поможет покрыть первичные необходимые потребности с рождением ребёнка» (Д., 36 лет).

– «Если бы совсем не было пособий, я, наверное, нашла бы способ заработать деньги» (В., 29 лет).

После родов молодые мамы часто бросают работу. Доходы семьи падают. Картина достаточно выразительная. Пособия по уходу за ребёнком могли бы стать стимулирующим фактором, если бы их размер был намного больше, и срок выплаты был больше, чем в течение одного года. Результаты интервью показывают, что большинство семей в своих репродуктивных планах рассчитывает только на свои силы. В ходе неформального интервью также была затронута тема материнского капитала. Если рассмотреть практику стимулирования женщин на рождение детей в России, то там материнский капитал с полным основанием можно отнести к успешно реализованным социальным проектам.¹ Казахстанские респонденты уверены, что материнский капитал был бы безусловным стимулом для женщин. Ответ одного из респондентов, не имеющего второго ребенка, относительно материнского капитала:

– «Если наше Правительство утвердит материнский капитал, это бы однозначно увеличило рождаемость в Казахстане. Материнский капитал был бы дополнительным стимулом для женщины» (Л., 40 лет).

– «О каком материнском капитале вы говорите?! Разве у нас, в Казахстане есть вообще такой термин? Я не считаю, что выплата государством единовременного детского пособия и пособия по уходу за ребёнком до года является материнским капиталом. То, что он должен быть – это бесспорно! Но кто заботится об этом, в том же правительстве?» – задается вопросом респондент, у которой двое детей.

Касательно пособия на ребёнка возникают спорные моменты.

Во-первых, если говорить о пожеланиях женщин относительно пособия на ребёнка, они единогласно выражают мнение о необходимости повышения размера пособия:

– «Необходимо пересмотреть размеры детских пособий и пособий по уходу за ребёнком, если государство всё-таки хочет превра-

¹ Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике // Социологические исследования, 2012, № 7.

тить их в один из стимулов повышения рождаемости. К вопросу о детских пособиях, размер которых и так невелик, но он почему-то начинает расти только после третьего ребёнка, как вообще понимать это?! Как они могут служить стимулом? А если по медицинским показаниям женщина не может иметь больше двух-трёх детей, хотя очень хотела бы? Что за дискриминация такая? Хотела бы предложить в 2 или 3 раза увеличить пособия» (З., 30 лет).

В нынешних условиях, когда цены на продукты первой необходимости для детей растут, этот вопрос является очень важным. Вот что думают об этом респонденты:

– «На более «хорошие» пособия могут рассчитывать только работающие женщины, и то, если у них высокие доходы, но даже в этом случае, максимальный размер пособия ограничен, а что делать женщинам, которые заняты в домашнем хозяйстве, или попросту не имеют возможности работать? Непонятна такая дискриминация. Получается, что рожать должны только работающие женщины? Абсурд какой-то...» (С., 32 года).

Во-вторых, женщины считают, что срок выплаты пособий очень короткий. Прозвучали разные мнения по этому поводу:

– «Необходимо обязательно пересмотреть сроки выплат пособий по уходу за ребёнком – считаю, что они должны выплачиваться до трёх лет, ведь очередь в детский сад подходит именно к этому возрасту ребёнка. Хотя, конечно, не все женщины берут трёхлетний перерыв, но ведь есть женщины, вынужденные брать такой отпуск, другими словами, существует много причин, но каждая женщина должна сама решать, сколько необходимо «сидеть» с ребёнком дома, а государство обязано поддерживать матерей в любом случае» (Ж., 28 лет).

Результаты глубинного интервью показали, что респонденты будут тратить пособие только на нужды детей, так как на остальное их просто не хватит.

– «Такую сумму можно потратить разве что на покупку коляски и вещей, получив деньги только за несколько месяцев. Я не стала трогать эти деньги и накопленную сумму за весь год положила на депозит для ребёнка» (А., 29 лет).

– «Для моего ребёнка нужен братик или сестрёнка. Принятие решения завести ребёнка не должно упираться в финансовые проблемы» (Д., 41 год).

* * *

Респонденты в целом согласны с тем, что есть государственная поддержка и «чувствуется» некая финансовая защищённость при рождении ребенка. По результатам неформального интервью можно сделать вывод, что женщины при планировании детей, во-первых, в основном, полагаются на собственные силы, т. е. на возможности семьи и семейного бюджета. Поддержка со стороны государства в виде пособий в нынешних экономических условиях стимулируют только женщин из бедных семей. Размеры пособий для неработающих женщин настолько малы, что их едва хватает на приобретение необходимых вещей и на медицинские услуги по уходу за ребёнком. По мнению большинства опрошенных женщин, если Казахстану перенять опыт России с назначением материнского капитала, эти меры помогли бы повысить рождаемость в стране.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

БК (С) 60.7

УДК 314.33

Грицай Л.А.

**ИЗУЧЕНИЕ ОРИЕНТАЦИЙ НА РОДИТЕЛЬСТВО
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В СВЕТЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИИ
НАЧАЛА XXI ВЕКА**

В последние годы в отечественной научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи.

Ни для кого не секрет, что в современной России семья переживает острый кризис, проявляющейся, в первую очередь, в сфере детско-родительских отношений. Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства.

Как отмечает Н.В. Богачёва, «самоутверждение и автономность как наиболее важные принципы современной жизни ведут к разрушению традиционных устоев семьи; <...> в связи, с чем существенно меняются социальные роли матери и отца, супружество становится основной линией внутрисемейных отношений, тогда как родительство – второстепенной».¹

Затронули эти изменения и Россию и, в конечном итоге, привели к серьёзному демографическому кризису. Исследователи с тревогой пишут об эффекте депопуляции, выразившемся в естественной убыли населения, так как высокая смертность в нашей стране сочетается с весьма низкой рождаемостью.²

Об этом свидетельствуют печальные данные статистики. Согласно результатам Всероссийской переписи населения (2002 г.),

¹ Богачёва Н.В. Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российском обществе: автореф. ... канд. социол. наук. – Казань, 2005. – С. 3.

² Рождаемость в России не достигает уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,6, тогда как для простого воспроизводства населения без прироста численности необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,11-2,15.

численность населения России с 1989 по 2002 г. уменьшилась на 1,8 млн. человек.¹ По предварительным результатам переписи 2010 г. численность россиян с 2002 по 2010 г. сократилась еще на 2,2 млн. человек.² При этом в нашей стране малодетность становится жизненной нормой: половина российских семей воспитывает только одного ребенка, и многие родители не стремятся к рождению последующих детей, ссылаясь на недостаточность своих средств и времени, и сил.

Безусловно, подобные негативные явления требуют поиска способов преодоления сложившейся ситуации. В свете демографических проблем приобретает актуальность проблема изучения ориентаций на родительство современной молодежи.

Целью данного исследования стало научное обоснование основных социально-репродуктивных ориентаций наших молодых современников, на плечи которых, фактически, ложится демографическая ответственность за будущее нашей страны.

Следует отметить, что само понятие «родительство» является областью исследования целого ряда наук: философии, социологии, психологии, педагогики, медицины, права, демографии, культурологии, этики, религиоведения и др. Это, безусловно, подчёркивает значимость данного феномена в жизни как каждого отдельного человека, так и всего человечества.

Родительство как научная категория представляет собой «устойчивое эмоционально насыщенное взаимодействие реальных и потенциальных родителей, связанное с рождением и воспитанием детей и характеризующееся соответствующим поведением мужчины и женщины».³ По мнению И.С. Кона, данная категория включает в себя: «родительские чувства, любовь, привязанность к детям; специфические социальные роли и нормативные предписания культуры».⁴

¹ Всероссийская перепись населения 2002 года. // www.perepis2002.ru (дата обращения: 11.02.2015).

² Общество, политика // <http://www.rian.ru/society/20110327/358436975.html> (дата обращения: 23.03.2015).

³ Богачёва Н.В. Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российском обществе: автореф. ... канд. социол. наук. – Казань, 2005. – С. 13.

⁴ Цит. по: Гурко Т.А. Трансформация института родительства в по-

Н.В. Богачёва добавляет к этому также «социальные функции родителей, культурные символы отцовства и материнства, права и обязанности мужчины-отца и женщины-матери по отношению к ребёнку».¹

М.О. Ермихина полагает, что существует система иерархически организованных факторов, влияющих на формирование родительства, которые представлены на нескольких уровнях: макросистема — уровень влияний общества; мезосистема — уровень влияния родительской семьи; микросистема — уровень собственной семьи и, наконец, уровень конкретной личности.²

На социально-психологическую обусловленность родительства указывает значительная часть исследователей (Э. Бадинтер, В.В. Бойко, Ю.В. Борисенко, Л.А. Дубиская, И. Кон, Р.В. Манеров, М. Мид, Т.В. Рябова, Н.Л. Пушкарева, С.Г. Фатыхова др.). В частности, Р.В. Овчарова отмечает, что общественное влияние на становление родительства необходимо рассматривать с двух точек зрения: социального регулирования (формализованная сторона), которая складывается из социального управления процессами деторождения, в том числе и материального и морального стимулирования рождаемости в рамках демографической политики государства; а также с точки зрения опосредованного воздействия (неформализованная сторона), заключающегося в комплексе социальных влияний на личность, передающихся через СМИ, произведения искусства и культуры.³

Таким образом, мы можем утверждать, что отношение к родительству в истории человечества зависит от представлений о нём в каждой конкретной культуре. Поэтому причины современного демографического кризиса нужно искать, в том числе, в социально-психологических механизмах процесса становления родительства в сегодняшнем российском обществе.

стсоветской России: автореф. ... д-ра социол. наук — М., 2008. — С. 5.

¹ Богачёва Н.В. Указ. соч. — С. 13.

² Ермихина М.О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов: автореф. ... канд. психол. наук. — Казань, 2004. — С. 6.

³ Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен. — М., 2006. — С. 34-35.

Уместно говорить не только о кризисе семьи, но и о кризисе родительства, ярко проявляющих себя в современном мире. Современные психологи, социологи и педагоги с тревогой пишут об ослаблении в последние годы родительского внимания к детям, которое называют «дефицитом родительской любви» (И.Н. Машкова).¹

Причины данного кризиса можно увидеть в политических, экономических, социальных преобразованиях последних лет, однако, на наш взгляд, кризис родительства, в первую очередь, вызван низким значением ценности семьи с детьми по сравнению с ценностью самоутверждения в сознании наших современников.

Именно эта утрата ценности семейственности приводит к таким печальным явлениям современной действительности, как падение уровня физического и психического здоровья детей, к понижению их интеллектуального потенциала и духовно-нравственных ценностей, усложнению процесса адаптации в обществе, социальному сиротству, сопровождающемуся осознанным нежеланием части взрослеющих юношей и девушек создавать собственные семьи и воспитывать своих детей и т. д.

Особую тревогу у современных исследователей вызывают репродуктивные ориентации современных молодых людей. Главную опасность сложившейся ситуации А. Антонов видит в «массовом распространении многоразводной и малодетной семьи в качестве социальной нормы и признание её общественностью».² С.П. Акутина справедливо замечает, что у подрастающего поколения изменяется система ценностных ориентаций на создание семьи. В частности, наблюдается «снижение репродуктивных установок; низкий престиж материнства и отцовства; направленность выбора супругов на бездетную семью; создание иллюзии «новых» форм семьи («гражданский брак», «гостевая семья» и др.); внебрачное рождение детей и др.».³

¹ Машкова И.Н. Укрепление семьи – общецерковная задача // В начале пути: сб. материалов «Школы православной семьи» при храме Трёх Святителей на Кулишках. – М., 2002. – С. 49-106.

² Антонов А.И. Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится, когда в брак начнут вступать сегодняшние старшеклассники // Демографические исследования. – № 3 // www.demographia.ru (дата обращения: 30.01.2015).

³ Акутина С.П. Формирование у старшеклассников семейных ду-

По данным опросов, проведённых Институтом демографических исследований, среди основных жизненных целей молодых респондентов от 14 до 30 лет цель деторождения следует после таких ценностей как хорошая семья, здоровье, хорошие друзья, жизненный успех. При этом ориентация всех молодых людей на ценность детей независимо от гендера почти одинакова (26,1% и 26,4% у юношей и девушек).¹

В.В. Пациорковский и В.В. Пациорковская считают, что снижение ценности родительства связано, в первую очередь, с «гиперсоциализацией» современной молодежи. СМИ, сверстники, а подчас семья и школа ориентируют юношу или девушку на реализацию себя в обществе любой ценой. В результате наши молодые современники, мужая и превращаясь в личности, чаще всего блокируют в себе родовое человеческое начало.²

Подтверждают данные положения и результаты исследования, проведённого нами в ЦФО РФ (Рязанская область, Московская область Тамбовская область, Ивановская область, Белгородская область и др.) в августе 2010 г. среди молодых людей в возрасте от 20 до 26 лет, как состоящих в браке и имеющих детей, так и только готовящихся обрести супруга (супругу) и стать родителем.

В исследовании участвовало 50 человек, из них приблизительно две трети молодых людей, ещё не состоящих в браке, 20% составили молодые супруги, ещё не обретшие детей, и 13% опрошенных – это родители, воспитывающие одного или двух детей. При этом часть респондентов отвечало, что состоят в «гражданском» браке, в разводе или самостоятельно (без супруга) воспитывают ребёнка.

Молодым людям предлагалось ответить на вопросы анкеты, а также прокомментировать свой выбор в ходе беседы. Анкета состояла из 5 блоков.

ховно-нравственных ценностей в условиях взаимодействия семьи и школы: автореф. ... д-ра пед. наук. – Нижний Новгород, 2010. – С. 20.

¹ Ценностные и репродуктивные ориентации молодежи // www.demographia.ru.html (дата обращения: 17.02.2015).

² Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Большая семья в демографической ситуации России // Социологические исследования. 2009. № 3 // www.demographia.ru (дата обращения: 17.02.2015).

В первый блок входили вопросы, призванные выявить зависимость количества детей в родительской семье респондента от желаемого им количества детей в собственной настоящей или будущей семье.

Во втором блоке выявлялись мотивы желания иметь детей. Они были разделены на внутренние психологические мотивы и на внешние социальные мотивы. К первым были отнесены эмоциональное приятие ребёнка как объекта любви и заботы; альтруистическая потребность дарения себя другому человеку; определение детей в качестве важнейшей смысложизненной ориентации личности; а также образовательные мотивы развития личности родителей благодаря воспитанию ребенка. Ко вторым – сохранение и укрепление семьи; исполнения определённой социальной нормы детности; экономические мотивы.

В третьем блоке определялись основные препятствия к рождению детей в молодых семьях и их значение для настоящих и будущих родителей: внешние препятствия (экономические; социальные, а также индивидуально-социальные: дети как помеха карьерному росту родителей, особенно матери) и внутренние (страх потери личного досуга в связи с рождением ребенка, а также страх беременности и родов, необходимости постоянной ответственности за судьбы своих детей, образовательные препятствия, связанные с отсутствием опыта и знаний о воспитании ребенка).

Четвёртый блок выявлял основные источники информации о родителстве значимые для респондентов: опыт взаимоотношений в родительской семье; собственный опыт; рассказы о воспитании детей родственников, друзей и знакомых; мнение авторитетных людей; СМИ; специальная литература; уроки в школе, лекции в вузе, посвящённые вопросам семьи, брака и воспитания детей.

В последнем, пятом блоке, обращённом к тем, кто уже стал родителем, изучалось отношение молодых отцов и матерей к изменениям, произошедшим в их жизни, то есть определялось, насколько позитивно они оценивают свою жизнь с появлением в их семье ребёнка.

Анализ опросов позволил выявить высокую долю двухдетности в родительских семьях молодых людей (45,7%). Была обнару-

жена зависимость количества детей в родительской семье респондента от желаемого им числа детей в собственной семье. В 30% случаев молодые люди отвечали, что хотят иметь то же количество детей, что и в родительской семье. Часть респондентов (52%) желали воспитывать на одного ребенка больше, чем в семье родителей, и только 18% опрошиваемых не хотели иметь детей вообще либо уменьшали их количество по сравнению с родительской семьей.

Удалось установить, что молодые люди, имеющие младшего брата или сестру, более склонны к рождению нескольких детей, чем респонденты, являющиеся единственными или же младшими детьми в родительской семье.

Только три человека (женщины) ответили, что не хотели бы вообще иметь детей. Причём одна из них замужем и воспитывает малолетнего ребёнка (так как её муж настаивал на его рождении), двое стремятся выйти замуж, но рассчитывают, что их брак будет, по возможности, бездетным. Двое респондентов (незамужняя девушка и неженатый юноша) не решились, сколько детей они бы хотели воспитывать в своей семье, хотя о рождении детей они задумывались.

Таким образом, среднееарифметическое желаемое число детей опрошиваемых молодых людей составило 2,15.

Проведённое исследование не выявило значительной разницы между желаемым числом детей в группах одиноких родителей, незамужних/неженатых молодых людей, бездетных молодых супругов и родителей, воспитывающих детей. То есть даже молодые родители, вынужденные заботиться о своем ребенке в одиночестве, сетуя на свое семейное положение, одновременно говорили о том, что хотели бы ещё детей. Отметим, что о желании воспитывать несколько детей упоминало 80% опрошиваемых мужчин.

Данные второго блока свидетельствуют о том, что среди наиболее частых мотивов желания иметь детей преобладают внутренние психологические. Причём у женщин они несколько выше, чем у мужчин, исключая только образовательный мотив познания себя и мира через воспитание ребенка. При этом у женщин, по сравнению с мужчинами наблюдается небольшой перевес внешнего мотива укрепления семьи через детей, но у

мужчин, напротив, явно заметен приоритет экономического мотива и мотива нормы детности.

Также нами была установлена зависимость между значимостью для респондентов (как для женщин, так и для мужчин) внутрених психологических мотивов и тем количеством детей, к которому стремились молодые люди. Так, в большинстве случаев такие респонденты хотели воспитывать трёх и более детей.

По результатам опроса было установлено, что экономические мотивы желания иметь детей (т.е. надежда на то, что дети станут материальной опорой родителей в старости) занимают самое низкое место среди других мотивов. Данное обстоятельство указывает на то, что в сознании наших современников прочно укрепились позиция, согласно которой дети являются материальной обузой для родителей, то есть, говоря словами известного героя мультипликационного фильма, от ребёнка родителям «никаких доходов – расходы одни». Более того, данная позиция укрепились в современных СМИ, в большинстве из которых детство рассматривается как коммерческий проект (реклама подгузников, детского питания, одежды, игрушек, развивающих центров и частных учебных заведений и т. д). При этом именно экономические мотивы, согласно нашему опросу, занимают первое место в ряду препятствий в рождении детей (76% у женщин и 90% у мужчин).

Прежде чем прокомментировать результаты блока вопросов, касающихся выявления препятствий для рождения желаемого количества детей, озвучим позицию В.Н. Архангельского. Он полагает, что такие вопросы в соцопросы нужно включать крайне осторожно, так как большинство респондентов склонны рационализировать своё нежелание иметь детей экономическими или социальными мотивами.¹

На наш взгляд, столь высокая позиция экономических препятствий (жилищные проблемы, необходимость материального

¹ Архангельский В.Н. Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей // Демографические исследования. № 3 // www.demographia.ru (дата обращения: 30.01.2015).

обеспечения ребенка, отсутствие развитой социальной инфраструктуры и т.д.) в сознании молодых людей объясняется ещё и современной социально-экономической нестабильностью. Ведь детство и юность всех опрашиваемых нами респондентов пришлось на трудные 1990-е годы, когда потеря заработка человеком могла привести его семью к катастрофе. Поэтому часть наших юных современников боятся иметь большую семью, так как считают, что больше двух (реже трёх) детей им не обеспечить.

Анализ наиболее значимых препятствий (то есть тех, которые респонденты ставили на 1, 2 и 3 места) показал следующее: социальные препятствия отметили 40% опрашиваемых; страх перед ответственностью за воспитание ребенка – 38%; страх беременности и родов – 19%; на то, что дети являются помехой карьерному росту родителей, указали 18% молодых людей; образовательные препятствия выделили 12% респондентов; а страх потери личного досуга в связи с рождением ребенка – 10% опрашиваемых.

Планируя следующий блок исследования, мы опирались на научное положение о воздействии на родительские установки молодых людей группы факторов: родительской семьи, собственного опыта и социального окружения.

В ходе исследования удалось выяснить, что молодые люди из полных двух-трёхдетных родительских семей сами хотят иметь двух, трёх детей и называют родительскую семью в качестве приоритетного источника информации о родителстве. Часть же молодых людей (15%), стремящихся к бездетности или малодетности, свидетельствуют о том, что их отрицательные взгляды на деторождение также сформировались под влиянием родительской семьи.

Удалось установить, что для всех молодых людей, имеющих детей, особо значим собственный опыт родительства. А среди влияния социального окружения респонденты выделяли следующее: мнение авторитетных людей о воспитании детей (41%); СМИ и Интернет (36%); чтение специальной литературы (41%); уроки в школе, лекции в вузе, посвящённые вопросам семьи, брака и воспитания детей (16%).

Пятый блок анкетирования, обращённый к молодым родителям, был призван установить, насколько изменилась их жизнь с рождением ребёнка. Все опрошенные матери и отцы отмечают, что с рождением сына или дочери жизнь их существенно изменилась. Однако две трети молодых родителей (матери и отцы) оценивают эти изменения, как положительные, а другая треть (матери и отцы) утверждают, что им стало труднее. При этом 80% всех молодых родителей указывает на желание иметь нескольких детей.

Таким образом, мы видим, что у современных демографических проблем помимо прочего есть нравственные аспекты, связанные с недостаточно высоким значением в сознании молодых россиян семейных ценностных ориентаций.

Что же касается социального регулирования становления родительства, на сегодняшний день мы можем выделить два противоположных процесса. С одной стороны, в последние годы государство предприняло ряд шагов по повышению рождаемости, включая крупные выплаты на рождение второго ребёнка, так называемый «материнский капитал». В 2007 г. была принята «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», где в числе главных факторов устойчивого развития страны названо «укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений».¹ Однако, с другой стороны, неформализованное общественное влияние массовой культуры продолжает возвеличивать ценность самоутверждения в обществе и гедонизм, ставя это гораздо выше родительского призвания человека.

Тем не менее, впервые за многие годы в 2009 г. в нашей стране рождаемость превысила смертность.² Следует отметить, что рост рождений в конце 2000-х гг. является следствием не только государственной семейной политики, но и деятельности традиционных религиозных конфессий, результатом широкого обсуждения демографических проблем в СМИ, а также вступлением в

¹ Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года. – URL: Kremlin.RU (дата обращения: 30.01.2015).

² Из доклада Дмитрия Медведева от 19 января 2010 г. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=336556> (дата обращения: 17.01.2015).

репродуктивный возраст многочисленного в демографическом отношении поколения 1980-х гг. Бросается в глаза ещё одна черта современного демографического «подъёма»: появление второго ребёнка в семьях, в которых возраст родителей превышает 35 лет.

Несмотря на эти позитивные процессы, демографы прогнозируют к 2025 г. сокращение населения в России на 20 миллионов человек.¹ Связано это с постепенным вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения 1990-х гг., усугублением проблем здоровья среди подростков, а также общими тенденциями малодетности, характерными для современных семей городского типа.

На фоне этих обстоятельств возникает необходимость тщательного изучения путей выхода из прогнозируемого долгосрочного демографического кризиса. Безусловно, это реализация государственной концепции демографической политики, а также деятельность в рамках нацпроектов «Здоровье» и «Образование»², предполагающих работу по формированию здорового образа жизни среди молодых россиян и широкое использование педагогических возможностей для воспитания у подрастающих поколений уважения к национальным семейным ценностям. Согласимся с мнением Р.А. Лопина, полагающего, что «добрые нравы российской семьи можно восстановить только через институт законно-традиционного брака, супружеского многолетия, искренней любви, многодетности и нравственного здоровья».³

Инструментальной основой процесса становления духовно-нравственных семейных ценностей в сознании подрастающего поколения может стать комплекс мер духовно-нравственного,

¹ Демографическая ситуация в РФ. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Демографическая ситуация в РФ](http://ru.wikipedia.org/wiki/Демографическая_ситуация_в_РФ) (дата обращения: 04.03.2015).

² Из доклада Т. Голиковой от 19.02.2010. – URL: <http://www.minzdravsoc.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

³ Лопин Р.А. Кризис современной российской семьи как фактор отказа от традиционной системы нравственных ценностей: материалы Всерос. науч.-практич. конф. «Семья – культура – образование в изменяющейся России»; под ред. О.В. Бессчетновой. – Саратов, 2009. – С. 276.

государственно-правового, информационно-просветительского, психолого-педагогического, медико-социального характера, способствующих реализации в полном объёме заложенному в каждом человеке стремления к родительству.

Такая поддержка родительства имеет долгосрочный характер, и основным предполагаемым результатом её реализации является возрождение национальных традиций ценностного отношения к отцовству и материнству, а также повышение уровня родительской культуры современной российской молодёжи.

При всей необходимости системной государственной политики требуется ответственный выбор каждым человеком определённой системы ценностей. Ведь по большому счёту, само стремление к родительству становится в современном обществе «по-двигом», движением к воплощению в жизни не собственных эгоистических потребностей, а движением к служению людям, воспитанию и заботе о детях. Именно в такой деятельности человек и обретает гармонию с миром и самим собой.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК 60.991

УДК 364.016

Данилова Е.Н.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Общество представляет собой определённую систему, сложное, комплексное образование, основанное на индивидуальности, уникальности и неповторимости человеческой природы, её социокультурной составляющей.¹

В качестве основных элементов общества как социальной системы можно выделить следующие:

- люди, обладающие индивидуальными, неповторимыми качествами;
- социальные связи и взаимодействия;
- социальные институты, социальные страты;
- социальные нормы и ценности.

Как и для любой системы, для общества характерно тесное взаимодействие его элементов. Учитывая эту особенность, в рамках системного подхода общество можно определить как большую упорядоченную совокупность социальных процессов и явлений более или менее связанных и взаимодействующих друг с другом и образующих единое социальное целое. Для общества как системы характерны такие свойства, как координация и субординация её элементов.

Одним из наиболее крупных элементов системы общества является социальный институт. Социологи рассматривают институты как устойчивый комплекс норм, правил, символов, регулирующих различные сферы человеческой жизнедеятельности и организующих их в систему ролей и статусов, с помощью которых удовлетворяются основные жизненные и социальные потребности. Каждый институт выстраивается вокруг стандартного решения определённого набора проблем.²

¹ Бабосов Е.М. Общая социология. – Минск: Изд-во МинГУ, 2004. – С. 175.

² Волков Ю.Г., Добренков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Со-

Социальная работа представляет собой специфический вид деятельности, существующий на протяжении длительной истории человечества, начиная с элементарных форм межродовой взаимопомощи, и, заканчивая постепенным его формированием в качестве независимого общественного института.

Изначально социальная работа существовала в форме социального призрения. Данное понятие возникло в древности и произошло от глагола «призреть» (опекать, заботиться). История социальной работы начинается с момента появления в обществе элементов взаимопомощи, представленных самыми разнообразными формами. Безусловно, мы можем говорить о том, что взаимовыручка существует на протяжении всей истории человечества. В России социальная работа развивалась схожим путём. Общественный строй древних славян подчинялся родовому принципу. Но суровые условия жизни и обычаи сформировали у них особое отношение к социальной помощи и взаимопомощи.

Во-первых, особое влияние на формы социального вспомоществования, существовавших среди древних славян оказывал мирный характер занятий: земледелие, скотоводство, ремесленная деятельность.

Во-вторых, огромное количество свободных плодородных земель, а также иных природных объектов (водных, лесных) исключало необходимость подстраиваться под систему военных действий.

В-третьих, небольшая населённость, удалённость населённых пунктов друг от друга сформировали особые принципы гостеприимства, доброжелательности.

Таким образом, как полагают некоторые исследователи, такие условия жизни славян способствовали возникновению гуманного отношения как к ближним, так и к дальним соседям.¹

Формы социальной помощи древних славян:

циология: Учебник; под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гардарики, 2003.– С. 308.

¹ Кузьмин К.В., Сутырин Б.А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности и до начала XX века): Учебное пособие. – М.: Академический Проект; Трикта, 2006. – С. 18.

- культовые (культ усопшего, культ героя и т.д.). Характеризуются разовостью оказания поддержки, в большинстве случаев материальной, предполагающей приурочение социальной помощи к знаменательному событию;

- общинно-родовые (круговая порука детей-сирот, пожилых людей и т.д.). Прототип стационарного направления социального обслуживания – долговременное локальное вспомоществование, реализуемое общиной (родом) по отношению к нуждающемуся;

- экономические или хозяйственные (организация помощи соседям в постройке жилья, при севе и сборе урожая и т.д.). Разовые (систематические) меры поддержки преимущественно социально-бытового характера.

Политической основой княжеской благотворительности явилось разрушение родоплеменных отношений и формирование княжеских государств.

На практике княжеская благотворительность приобрела форму нищелюбия.

По мнению Фирсова, «формы княжеской благотворительности заключались, прежде всего, в поддержке «неплатежеспособных» категорий населения, не вкладывающих в дикую виру:

- раздача милостыни;
- организация праздников и пиров;
- строительство больниц и богаделен».¹

С началом монголо-татарского нашествия, в числе княжеских обязанностей появилась новая – восстановление разрушенных домов. В период монголо-татарского нашествия княжеская власть постепенно слабеет, а функции оказания социальной помощи переходят к новому субъекту – церкви. На протяжении XII-XIV вв. церковь занимала лидирующее положение в оказании социальной поддержки населения.

В XVII в. появляются первые государственные органы управления социальным призрением, такие как, например, аптекарский приказ, приказ богаделен. Однако деятельность этих учреждений

¹ Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – С. 27.

была малоэффективной, охватывающей небольшой круг обязательств государства в этой области.

Полное становление государства как субъекта социальной помощи происходит в начале XVIII в. и связано с именем Петра I.

С 1917 г. и вплоть до 1930-х гг. система социальной помощи носила ярко выраженный классовый, пролетарский характер, то есть государство обязывалось оказывать поддержку только трудящемуся населению.

В 1936 г. принимается новая Конституция, которая расширила объём социальных прав и гарантий, а также сделала их формально доступными для всех категорий граждан. Утверждены право на труд, на социальное обеспечение по старости, болезни, по утрате трудоспособности.

Значительные шаги по развитию государственного социального обеспечения были реализованы в 1950-1960-х гг. В 1956 г. был принят закон о государственных пенсиях, в 1961 г. – утверждено новое положение о деятельности министерства социального обеспечения, в 1964 г. – закон о пенсиях и пособиях членам колхоза.

По мере своего развития данный вид деятельности приобрёл самостоятельную, достаточно широкую структуру, представляя отдельный общественный институт. Данный институт включает в себя такие элементы как совокупность организаций, оказывающих различные виды услуг населению, а также органы управления и контроля за их деятельностью, наличие определённого круга клиентов (потребителей услуг), специализированных форм, технологий, методов работы, существование и активное функционирование соответствующего направления подготовки кадров (в соответствии со спецификой образовательной деятельности) и т. д.

На сегодняшний день социальная работа является одним из основных общественных институтов, наравне с институтами образования, здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства. Основным элементом института социальной работы в России является система социального обслуживания населения. Особенность данного элемента заключается в его исключительно практической направленности на оказание целого спектра

социально-значимых услуг (социально-бытовые, социально-психологические, социально-педагогические, социально-правовые, социально-медицинские, социально-экономические) гражданам, нуждающимся в помощи и поддержке.

Цель института социальной работы, как и многих других социальных институтов, заключается в разрешении определённого круга проблем, существующих в обществе.

К наиболее значимым задачам института социальной работы относятся:

- оказание поддержки и помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;
- пропаганда здорового образа жизни, нравственности и социального благополучия;
- урегулирование вопроса о социальной справедливости, утверждения в обществе основ гражданственности, патриотизма, взаимопомощи и поддержки, преемственности поколений.

В условиях урбанизации многие социальные институты терпели изменения как в количественном, так и качественном отношении. Специфика и городской, и сельской местности оказывает определённое влияние на условия их функционирования. Рассмотрим последствия воздействия процесса урбанизации на примере института социальной работы.

Во-первых, размер оплаты труда социальных работников в сельской и городской местности формируется по-разному, с учётом определенной специфики осуществления профессиональной деятельности в тех или иных социальных условиях. Основное отличие между сельскими и городскими условиями заключается в наличии, так называемых «сельских» коэффициентов, предполагающих надбавку к заработной плате работников учреждений, осуществляющих свою профессиональную деятельность в условиях сельской местности. В частности, на территории Иркутской области действует Положение об оплате труда работников государственных учреждений социальной защиты населения Иркутской области. Данный акт описывает всю совокупность факторов, оказывающих влияние на процесс

формирования заработной платы работников государственных учреждений социального обслуживания населения.

Таким образом, уровень заработной платы работников сферы социального обслуживания, осуществляющих свою профессиональную деятельность на территории сельской местности значительно выше тех, кто работает в городе. На сегодняшний день, средний размер оплаты труда социального работника в г. Иркутск составляет 10 000 рублей. Для сравнения – в сельской местности (Иркутская область) заработная плата той же категории сотрудников достигает 16 000 рублей. Следовательно, мы можем утверждать о значительной разнице в размере заработной платы сельских и городских специалистов.¹

Немаловажно то, что в сельской местности существует возможность ведения подсобного хозяйства, а значит имеется дополнительный источник дохода.

Во-вторых, процесс организации социального обслуживания в условиях сельской местности имеет ряд отличительных от города характеристик, а именно:

1. Социально-бытовые услуги представлены совокупностью определённых видов работ, связанных не только с поддержанием порядка в доме, приготовлением пищи, закупки продуктов питания и иных товаров первой необходимости, но и со специфически сельскими видами деятельности (уход за приусадебным участком, за животными и т. д.).

2. Осуществление социального обслуживания на дому, в зависимости от определённых климатических факторов, специфики расселения и т. п. сопровождается рядом трудностей, связанных с передвижением по местности.

В частности, несмотря на активное внедрение участковой службы, обеспечивающей деятельность специалиста по социальной работе (в функции данного специалиста входит оказание социально-значимых услуг в условиях строго определённой мест-

---

¹ Официальный сайт министерства труда и занятости Иркутской области. – URL: <http://www.irkzan.ru/home.aspx> (дата обращения: 26.05.2014).

ности), не всегда решается проблема доступности социальных услуг для жителей отдалённых муниципальных образований.

В городской местности проблема доступа к элементам инфраструктуры, в частности, относящейся к сфере социальной защиты, как правило, отсутствует.

3. Третья особенность заключается в однообразии, а часто в дефиците элементов социальной инфраструктуры на сельской территории. Большинство сельских муниципальных образований располагает самым распространённым типовым учреждением – Комплексным центром социального обслуживания населения. Напротив, в городе в сфере социального обслуживания существует совокупность организаций разных типовых форм. Согласно статистике Министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области, городская местность представлена наиболее широким спектром учреждений.¹

На сегодняшний день проводится политика, направленная на приведение к одному знаменателю условия работы работников сферы социальной защиты в городе и деревне. Таким образом, различия между финансовым обеспечением, условиями труда и жизнедеятельности работников нивелируются. В том числе для этого в 2013 г. на территории Иркутской области в сфере контроля качества оказания социальных услуг был разработан План мероприятий «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013-2018 гг.) в Иркутской области» (далее – «дорожная карта»), направленный на обеспечение максимальной доступности, существенное повышение эффективности и качества предоставления населению услуг в сфере социального обслуживания.

Дорожная карта предусматривает следующие мероприятия:

- совершенствование региональной нормативно-правовой базы с учётом изменения федерального законодательства;
- осуществление эффективного контроля за предоставлением социальных услуг, в том числе путём независимой оценки качества их предоставления;

¹ Официальный сайт министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области. – URL: society.irkobl.ru (дата обращения: 26.05.2014).

- реализацию мероприятий по сокращению очередности на получение социальных услуг путём разработки и реализации региональных социальных программ, перспективной схемы развития и размещения стационарных учреждений социального обслуживания граждан, а также путём развития стационарозамещающих технологий социального обслуживания с ориентированием на обслуживание на дому.¹

Задачами «дорожной карты» являются:

- совершенствование регионального правового регулирования сферы социального обслуживания;
- оптимизация структуры и штатной численности учреждений путём внедрения комплексного подхода к созданию многопрофильных современных организаций социального обслуживания населения;
- доведение к 2018 г. средней заработной платы работников областных учреждений до примерных контрольных показателей;
- укрепление материально-технической базы учреждений социального обслуживания населения;
- развитие рынка социальных услуг для обеспечения права выбора гражданами, нуждающимися в получении социальных услуг, организации социального обслуживания или индивидуального предпринимателя;
- ликвидация очередей в стационарные учреждения, обеспечение деятельности учреждений социального обслуживания в соответствии с санитарными нормами, обеспечение комплексной безопасности учреждений путём реализации долгосрочных целевых программ Иркутской области и схемы развития и размещения стационарных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов Иркутской области;
- укрепление материально-технической базы стационарных и полустационарных учреждений социального обслуживания для

¹ План мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013-2018 гг.) в Иркутской области [электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области. – URL: <http://society.irkobl.ru/> (дата обращения: 26.05.2014).

граждан пожилого возраста и инвалидов в рамках софинансирования долгосрочной целевой программы Иркутской области, направленной на повышение качества жизни граждан пожилого возраста, в том числе за счет субсидии Пенсионного фонда, предоставляемой бюджету Иркутской области;

- привлечение негосударственных организаций, в том числе социально-ориентированных организаций, благотворителей и добровольцев к предоставлению социальных услуг в сфере социального обслуживания;

- развитие стационарозамещающих технологий социального обслуживания с ориентацией на предоставление социальных услуг на дому, в том числе с использованием ресурса мобильных бригад.

Реализация указанных проектов должна решить проблему повышения эффективности социальной помощи, в том числе путём координации усилий государства и общества.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 314.06

Тарасова Е.В., Еремин А.А.
**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО
КРАЯ КАК МЕХАНИЗМ МОНИТОРИНГА
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Обеспечение условий для устойчивого демографического развития регионов Российской Федерации является одной из важнейших задач органов государственной власти и местного самоуправления. В связи с этим возрастает значимость мониторинга демографических процессов как важнейшего компонента информационного обеспечения процесса принятия управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях.

Основными принципами демографической политики Российской Федерации являются учёт региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к реализации демографических программ.¹ К базовым условиям их реализации относится комплексный анализ территориальных различий демографического воспроизводства населения субъектов РФ и изучение динамики его пространственного разнообразия. Необходимость пространственного анализа демографического развития территорий обусловила широкое использование картографических методов и созданных с их помощью аналитических продуктов, в том числе атласов, в системе мониторинга региональной политики.

Демографические атласы представляют собой систему графических и картографических изображений и аналитических материалов, отражающих состояние и динамику воспроизводства населения

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya25.html> (дата обращения: 08.02.2015).

и миграции, а также распределение территорий в соответствии со значениями отдельных демографических показателей. Ярким примером такого рода изданий является «Атлас демографического развития России», изданный под руководством Г.В. Осипова и С.В. Рязанцева в 2009 г.¹ Среди изданий регионального уровня можно назвать атласы демографической тематики Ставропольского края,² Калининградской,³ Московской⁴ и Смоленской⁵ областей, причём в большинстве случаев эти издания имеют ярко выраженный медико-демографический акцент. Кроме того, стоит отметить, что атласы социально-экономического содержания, как правило, включают разделы, посвящённые основным демографическим характеристикам населения (например, «Атлас социально-экономического развития России»,⁶ «Социальный атлас российских регионов»⁷).

Поскольку задачи анализа пространственных особенностей территориальной дифференциации становятся всё более актуальными для органов государственной власти, постольку карты и атласы активно используются не только в научной, но и в управленческой деятельности. В частности, в июне 2013 г. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации объявило о

¹ Атлас социально-экономического развития России; под ред. В.С. Тикунова и др. – М.: ПКО «Картография», 2009. – 215 с.

² Демографический атлас Ставропольского края // О состоянии и тенденциях демографической ситуации Ставропольском крае. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 104 с.

³ Медико-демографический атлас Калининградской области; под ред. С.М. Малхазовой. – Калининград: ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть, 2007. – 85 с.

⁴ Медико-демографический атлас Московской области; под ред. С.М. Малхазовой, А.Н. Гурова. – М.: Географический факультет МГУ, 2007. – 110 с.

⁵ Медико-демографический атлас Смоленской области за 2011 год [Электронный ресурс] // Департамент Смоленской области по здравоохранению. – URL: http://www.admin-smolensk.ru/~somiac/s_medstat/atlas-2011/atlas-2011.pdf (дата обращения: 15.03.2015).

⁶ Атлас социально-экономического развития России; под ред. В.С. Тикунова и др. – М.: ПКО «Картография», 2009. – 215 с.

⁷ Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс] // Независимый институт социальной политики. – URL: <http://atlas.socpol.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

размещении на своем сайте интерактивного демографического атласа России, разработанного для мониторинга и оценки демографической ситуации в стране и содержащего информацию по ряду показателей за 2011–2015 гг.¹

Долгое время подавляющая часть исследований территориальных различий в России проводилась на уровне субъектов федерации. Однако в последние годы мы наблюдаем дальнейшее разукрупнение объекта демографических исследований и демографической политики. В ходе проведения муниципальной реформы возросла потребность в оценке, сравнительном анализе и прогнозировании демографического развития отдельных муниципальных образований. Анализ демографических данных позволяет региональным органам власти дифференцировать задачи политики в области здравоохранения, образования или социальной защиты населения, адекватно оценивать инвестиционный потенциал и перспективные направления социально-экономического развития отдельных городских округов и муниципальных районов. Большая часть практических задач, связанных с оценкой демографических тенденций, возникают именно на муниципальном (локальном) уровне. Переход на более низкий уровень территориальной иерархии расширяет возможности изучения закономерностей и социально-экономических последствий демографических изменений.

Среди субъектов Российской Федерации Алтайский край представляет собой одну из наиболее интересных для изучения внутрирегиональных демографических различий территорий. В его состав входят 70 муниципальных образований (11 городских округов и 59 муниципальных районов), которые крайне неравнозначны по численности населения. При наличии устойчивого числа крупных городов и районов основной тенденцией последних двадцати лет стал рост числа муниципальных образований с небольшим удельным весом

¹ Демографический атлас [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/2025/atlas> (дата обращения: 15.03.2015).

в населении региона. Разнонаправленная и неустойчивая динамика демографического развития городов и районов края стала одним из факторов углубления неравномерности их социально-экономического развития.

Потребность в повышении эффективности принимаемых управленческих решений требует учёта пространственных особенностей дифференциации территорий региона по характеру демографического развития, причинно-факторным механизмам изменения численности и половозрастной структуры населения. На решение этой задачи направлено создание демографического атласа городских округов и муниципальных районов Алтайского края – основы для системы мониторинга демографического развития муниципальных образований региона. Работы по созданию атласа производились в 2013 г. при поддержке Администрации Алтайского края.

В ходе формирования информационной базы атласа единицами анализа были взяты городские округа и муниципальные районы Алтайского края, для каждого из которых была рассмотрена динамика демографических процессов за 1990-2012 гг. (по численности населения на начало года – включая данные на 1 января 2013 г.). Наличие таких динамических рядов позволило осуществить прогнозную оценку изменения численности населения территорий края до 2020 г.

Информационную базу атласа составили следующие статистические данные, предоставленные Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю: общая численность населения на 1 января; численность населения по полу и возрасту; число родившихся; число умерших; число браков; число разводов; число прибывших; число выбывших; возрастные коэффициенты рождаемости; национальный состав по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

При подготовке графических и картографических материалов для каждого городского округа и муниципального района Алтайского края был создан комплекс графических изобра-

жений, наглядно демонстрирующих особенности воспроизводства населения территории и тенденции его развития. В процессе создания атласа применялись разнообразные типы визуализации материалов: линейные и столбчатые графики, круговые диаграммы, а также половозрастные пирамиды (Рис. 1). Создание вышеперечисленных рисунков, также как и необходимые математико-статистические преобразования первичных количественных данных осуществлялось с помощью программы «Microsoft Excel».

В качестве картографической основы использовались карты автомобильных дорог Алтайского края, которые корректировались с учётом данных о сети населённых пунктов по состоянию на 1 января 2013 г. Редактирование изображений и ввод данных осуществлены в программе «Corel Draw».

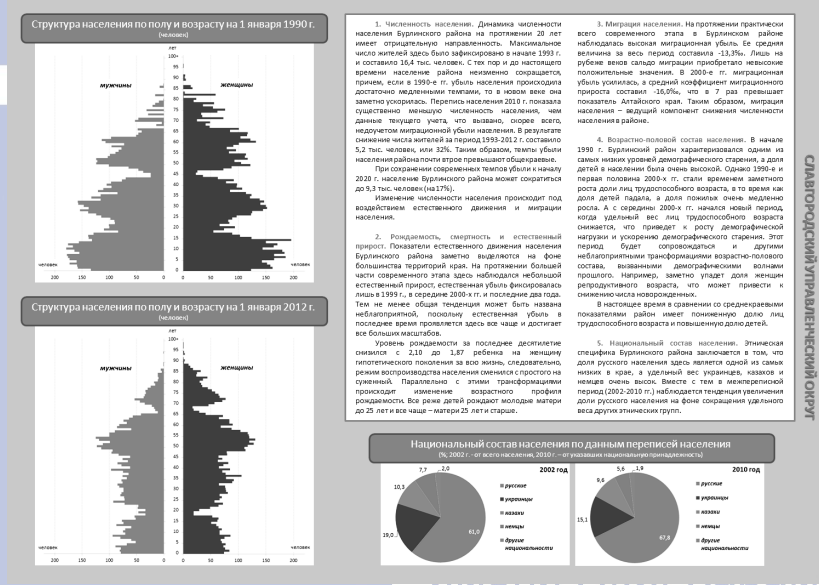
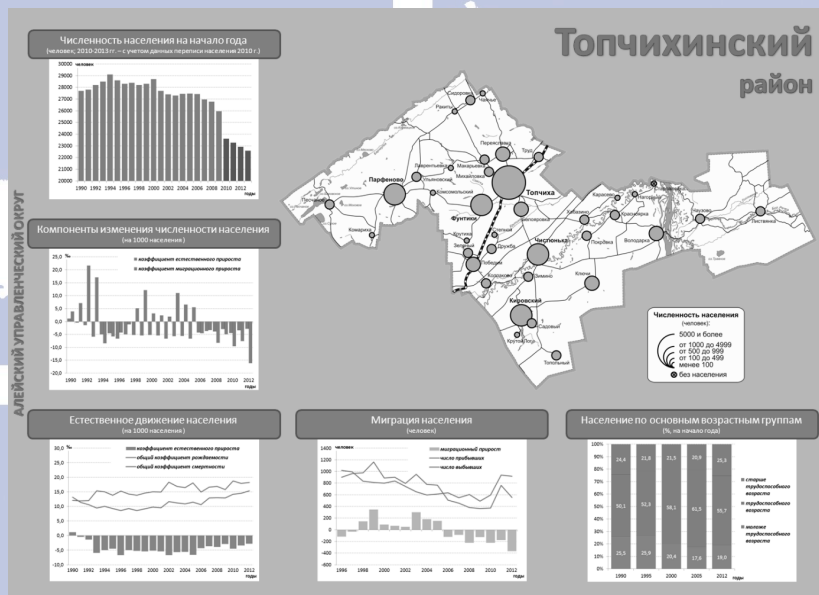

Рис. 1. Фрагмент «Демографического атласа муниципальных образований Алтайского края»

На карту муниципального образования наносились пунсоны в соответствии с численностью населения отдельных населённых пунктов по состоянию на 1 января 2013 г. (Рис. 2). В зависимости от людности поселения были разделены на следующие категории: 5000 человек и более; от 1000 до 5000 человек; от 500 до 1000 человек; от 100 до 500 человек; менее 100 человек; без населения.

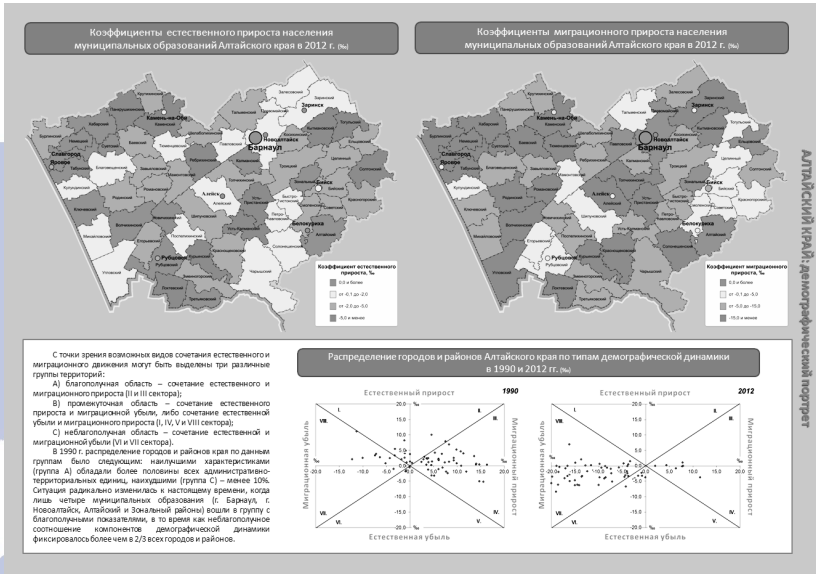
Рис. 2. Фрагмент «Демографического атласа муниципальных образований Алтайского края»

В целях отражения внутрирегиональной дифференциации отдельных демографических процессов и структур были подготовлены тематические картосхемы региона (Рис. 3).

В общей сложности для демографического атласа было создано около 80 картографических изображений регионального и муниципального уровня.

В предисловии к атласу даны краткие методические пояснения, ориентированные на использование материалов в управленческой деятельности. Во вводной аналитической статье «Алтайский край: демографический портрет» представлена

Рис. 3. Фрагмент «Демографического атласа муниципальных образований Алтайского края»

характеристика демографического развития Алтайского края за 1990–2012 гг., картографические материалы, отражающие внутрирегиональную дифференциацию по основным демографическим показателям, а также два варианта прогноза изменения численности населения муниципальных образований края до 2020 г.

В текстовых комментариях к графическим и картографическим материалам дана характеристика специфики демографического развития муниципального образования, прогнозная оценка изменения численности постоянного населения до 2020 г. Каждому муниципальному образованию посвящён отдельный разворот издания. Атлас выполнен в полноцветном виде в формате А3 с альбомной ориентацией страниц.

В ходе работы над демографическим атласом муниципальных образований Алтайского края были выявлены существенные проблемы, связанные с состоянием информационной базы и особенностями изучаемых объектов, а именно:

1. Невозможность получения полного круга статистических данных для малочисленных популяций классическими методами статистического анализа. Муниципальные районы и городские округа Алтайского края в большинстве своём относятся к малым территориям, т.е. характеризуются низкой численностью населения, небольшим числом демографических событий, отсутствием событий в отдельные годы, что делает проблематичными или же вообще некорректными расчёты для данного типа территорий ряда важнейших демографических показателей, в частности, коэффициента младенческой смертности, ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

2. Особый статус одного из городских округов – закрытого административно-территориального образования «Сибирский» – не позволил подготовить информацию о его демографическом развитии, поскольку основная часть данных об этой территории не подлежит публикации.

3. В ходе переписей населения 2002 и 2010 гг. военнослужащие по призыву учитывались в составе населения территории, где дислоцируется воинская часть, это привело к появлению в возрастной структуре отдельных муниципальных образований так называемого «нестареющего спецконтингента» – значительному увеличению численности мужчин призывного возраста, что наглядно представлено на возрастно-половых пирамидах г. Алейска и Топчихинского района. В силу особенностей существующих статистических методик этот фактор делает некорректной текущую оценку возрастного-полового состава населения соответствующих территорий.¹

4. Сложность получения показателей для муниципальных образований за длительный период.

В Российской Федерации наиболее часто используются для анализа данные с 1990 г. (первый год после Всесоюзной переписи населения 1989 г.), получение более ранних данных в разрезе муниципальных образований затруднено. В то же время в связи

¹ Никитина С.Ю. Совершенствование статистической методологии прогноза численности населения в условиях недостатка демографических данных: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2009. – 26 с.

с инерционным характером демографического развития, требующим глубокого ретроспективного анализа, для корректного определения тенденций и расчёта прогнозных оценок необходимо использовать показатели общей численности, структуры, естественного движения и миграции населения за как можно более длительный период.

5. Анализируемый период характеризовался рядом административно-территориальных изменений (объединение муниципальных образований, передача части территории муниципального района соседнему городскому округу или вновь создаваемому образованию), что в ряде случаев затруднило оценку вклада отдельных компонентов демографической динамики в изменение численности населения территории и сделало проблематичным проведение сравнительно-динамического анализа для муниципальных образований, затронутых указанными преобразованиями.

6. Размещённые в открытых источниках карты территорий Алтайского края частично устарели – претерпели изменения административно-территориальные границы, упразднены некоторые населённые пункты, поэтому в целях отображения реальной современной картины требовалось уточнение и актуализация данных, что привело к дополнительным временным затратам.

7. Отсутствие качественной картографической основы для малых городских округов Алтайского края, состоящих из одного городского поселения. В связи с этим карты ряда городских округов оказались гораздо менее информативными, чем карты муниципальных районов, которые содержат информацию о гидрографии, дорожной сети, людности населённых пунктов.

В настоящее время «Демографический атлас муниципальных образований Алтайского края» пополняется новыми данными, ведётся работа по совершенствованию его прогнозной составляющей, а также разработка графических и картографических материалов на основе расчётных показателей и агрегированных данных, ранее не использованных в материалах атласа.

Фотохудожник Леонид Лазарев. 1958. Переселение (Ульяновск)

МИГРАЦИИ

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ББК (С) 60.7

УДК 314.74

Аргудяева Ю.В.

**ЭМИГРАЦИЯ ПРИМОРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ
В КИТАЙ, ЮЖНУЮ АМЕРИКУ И РЕЭМИГРАЦИЯ
ИХ ПОТОМКОВ В ПРИМОРЬЕ¹**

Миграция человека или общности людей обусловлена комплексом условий, факторов и причин – политических, социально-экономических, религиозных, экологических – особенностями исторического, демографического, хозяйственного, культурного развития и др., приведшими к решению переменить место проживания. В этом отношении особый интерес представляют миграционные процессы у старообрядцев – самобытной, устойчивой к изменениям, хорошо сохранившей народные и православные традиции этнокультурной группы преимущественно русского народа, существование которой на современном этапе в той форме, в которой она смогла сохраниться – можно считать явлением уникальным. Именно поэтому она вызывает интерес у исследователей, в том числе учёных Дальнего Востока, исследовавших перемещение приморских старообрядцев в 1920-1930-е годы в Северо-Восточный Китай,² а оттуда – в 1950-1960-е годы в Южную Америку³ и реэмиграцию их потомков в Приморье в начале XXI в.⁴

В Южно-Уссурийском крае (современное Приморье) самая ранняя старообрядческая деревня Ильинка, расположенная около оз.

¹ Работа выполнена в рамках гранта Дальневосточного федерального университета «История этнокультурного развития и социокультурного взаимодействия народов Азиатско-Тихоокеанского региона» (код проекта № 14-08-05-36_и).

² Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008. – 400 с.

³ Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. – 428 с. + 2,93 п. л. цв. вклейка.

⁴ Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы из Южной Америки: особенности быта, традиции и проблемы адаптации в Приморье // Вестник ДВО РАН. 2013, № 4. – С. 125-137.

Ханка, была основана в 1865 г. уроженцами Самарской губернии. В 1870-е годы на оз. Ханка и недалеко от Владивостока несколько старообрядческих деревень образовали забайкальские беглопоповцы, так называемые старообрядцы-семейские, жившие несколько лет на Аянском тракте, вблизи Охотского моря.¹ В Забайкалье они были насильственно переселены правительством Екатерины II в 1764-1765 гг. из Ветки (Могилевщина) и Стародубья (Черниговщина), принадлежавшие в те годы Польше. Генетические и культурные корни семейских довольно сложны. Их традиционная культура отразила сложный процесс формирования этой группы русского народа. Она, по свидетельству исследователей, объединила культуру русских допетровской эпохи из северных, центральных, южных губерний России и украинцев, белорусов и поляков на территорию которых они первоначально прибыли из России, а также определённые элементы хозяйственного и материального быта, заимствованные на месте их нового жительства у аборигенных народов Забайкалья, в частности, у бурят.²

В последующие годы старообрядческие общины Южно-Уссурийского края пополнились другими группами старообрядцев – поповцами и разными толками беспоповцев из центральной части России, Урала, Алтая, Сибири (Вятской, Енисейской, Пермской, Томской, Саратовской, Самарской и др. губерний) и Амурской области. К сложному забайкальскому компоненту старообрядцев добавился не менее сложный по происхождению поволжско-уральско-сибирско-алтайский состав. Неоднородна и генетическая история уроженцев Алтая и обширной Енисейской губернии, включавших помимо северно-русских и южнорусских традиций и элементы культуры аборигенных народов – коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси), через территории которых шли миграционные пути русских на юг Сибири.³ В даль-

¹ Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева // Религиоведение, 2012, № 4. – С. 70-71.

² Болонев Ф.Ф. Духовная культура русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII – начале XX века: Семейские Забайкалья: Автореферат в виде научного доклада на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1996. – С. 31-37.

³ Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы Приморья: формирование и эмиграция в Северо-Восточный Китай // Религиоведение, 2015, № 2. – С. 61.

невосточном регионе этнокультурное развитие старообрядцев ещё более усложнилось. Наряду с сохранением некоторых черт северно- и южнорусских традиций, у старообрядцев Приморья, в процессе взаимодействия с аборигенными и другими пришлыми как восточнославянскими (украинцами и белорусами), так и восточноазиатскими (корейцами и китайцами) народами, выработались определённые элементы регионального, русского по языку и культуре, комплекса культуры, который они в 1920-1930-е гг. транслировали в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию).¹

В Северо-Восточный Китай приморские старообрядцы-беспоповцы начали перебираться в 1920-е гг., но наиболее мощный поток сформировался в начале 1930-х гг., когда часть староверческих семей Приморья, спасаясь от коллективизации, атеизации и репрессий, тайно эмигрировала в Маньчжурию и недалеко от Харбина основала селения Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны, Романовку,² и др. Впоследствии к этим «харбинским» старообрядцам подселелись и некоторые «синьцзянские», эмигрировавшие в Северо-Западный Китай (Синьцзян) с российского Алтая. Основные занятия старообрядцев в Маньчжурии, как и в Приморье – земледелие, сопутствующее ему скотоводство, огородничество и различные промыслы. Промысловая деятельность базировалась на собирательстве дикоросов (грибов, орехов, ягод), рыболовстве и, особенно, охоте на копытного и пушного зверя, в том числе ловле живых тигрят. Добыча в тайге «дикого» мяса, сбыт пушнины и, особенно, тигрят были хорошим подспорьем в пищевом рационе крестьянской семьи и получении дополнительных финансовых ресурсов, необходимых для ведения крестьянского хозяйства.³

¹ Аргудяева Ю.В. Жизнь староверов в деревнях Маньчжурии по рассказам её бывших жителей //Общество и жизнь русских в Маньчжурии: Контакты и взаимоотношения с японцами. – Киото: Изд-во «Минерва», 2013. – С.117-128 (на япон. яз.).

² Накамура Ё. Романовка – посёлок старообрядцев в Маньчжурии (1936-1945 гг.) //Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С.247-252.

³ Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. – Владивосток: ДВО РАН, 2008. – С. 130-180.

С приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии многих русских деревень, в частности Романовки, практически не стало. Часть мужчин-старообрядцев, обвинив их в незаконном переходе границы, увезли в СССР и подвергли репрессиям. Хозяйства их семей, оставшихся в Маньчжурии без основных работников-мужчин, стали хиреть.

Жизнь русских в Маньчжурии, как и во всем Китае, в послевоенные годы изменилась в худшую сторону и в результате внутрикитайских событий: власти ужесточили систему налогов, ввели ограничения на выезд в поле, на сенокос, заготовку леса и т.д. В конце 1948 г. началось массовое раскулачивание китайских крестьян, с каждым годом набиравшее темпы. Этот процесс затронул и русские посёлки.

Уже через год после провозглашения Китайской Народной Республики (1949 г.), китайцы начали новый эксперимент: прекратили раскулачивание, стали образовывать колхозы, куда надо было сдать скот и сельскохозяйственный инвентарь. На семью из шести человек было разрешено оставить корову, лошадь, десять овец или коз, несколько свиней. Русские наравне с китайцами стали получать фиксированную зарплату, которой едва хватало на пропитание. Старообрядцы предпочитали вести частное хозяйство и не приветствовали происходившие в Китае хозяйственные перемены.¹

В этот период началась интенсивная внутренняя (в пределах Маньчжурии) миграция старообрядцев-беспоповцев. Одной из важнейших причин такой миграционной активности стала отправка из ряда старообрядческих деревень работоспособного мужского населения в советские лагеря. В старообрядческих деревнях северо-восточной Маньчжурии остались женщины с детьми. Пахота, сев зерновых, уход за скотом и другие необходимые в хозяйстве работы легли на плечи женщин и детей. Оставшиеся в деревнях мальчики-подростки еще не могли охотиться на крупного зверя, что снижало пищевой рацион их семей. Другой причиной стало распоряжение местных властей относительно реорганизации местного хозяйства. Например, старообрядцы из

¹ Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Указ. соч. – С. 223.

Миграции

дер. Медяны вынуждены были переселиться в другие места, в том числе в Романовку, так как ниже по течению реки, на которой стояли Медяны, стали обустроивать конезавод.¹ Власти полагали, что воды для него будут загрязняться отходами от жизнедеятельности поселян этой деревни. Ещё одна причина – исчезновение в окрестностях старообрядческих деревень дикого зверя. Пребывание старообрядческого населения в течение 10-20 лет на одном месте вело к снижению поголовья диких копытных животных, которые подвергались интенсивной добыче. Староверы в своих воспоминаниях неоднократно говорили, что они «идут за зверем».² Уходят дикие животные в более глухие места – мигрируют за ними и люди. Поэтому после 1945 г. многие семьи таких русских деревень в Маньчжурии, как Романовка, оставшиеся без отцов-кормильцев и старших сыновей, перебрались к родственникам в другие старообрядческие населённые пункты, а некоторые в поисках новых таёжных угодий переселились в другие места и создали там новые поселения – Знаменка, Ивановка, Красноярск (Лопе), Сытахезе (Джелантин), Таинша, Татицван, Тимбоху, Шитахеза, Цымбоху, Эмигрантка и др.³

После прихода в Маньчжурию Красной Армии советские консулы стали агитировать всех русских принять советское гражданство, получить советские паспорта и выехать в СССР, в основном для освоения целинных земель. И некоторые на этот призыв откликнулись. В середине 1950-х—начале 1960-х гг. отправилась в Россию и часть старообрядческих семей, в основном из числа тех, чьи сыновья или мужья освободились из заключения после отбытия наказания «за незаконный переход границы».

Оставшимся в Китае старообрядцам, пожелавшим отправиться в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, и советские консулы, и китайские власти продолжительное время препятствовали выезду из Китая различными способами. И лишь после

¹ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Мелкомукова Григория Антоновича (штат Орегон, США).

² Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Указ. соч. – С. 224.

³ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Кузьмина Петра Макаровича (штат Орегон, США).

победы в Китае коммунистов в 1949 г. ситуация несколько изменилась – новые власти стали недвусмысленно «выдавливать» из страны старообрядцев как нежелательный элемент.¹

О выезде за границу старообрядцы стали хлопотать ещё в 1952 г.² Они узнали, что в Гонконге существует организация «Совет церквей», которая оказывает помощь всем желающим выехать из Китая. В китайской полиции от всех просителей визы в Гонконг требовали принести справку из советского консульства о снятии с учёта. Советские власти всячески препятствовали стремлению русских людей эмигрировать в капиталистические страны. Старообрядцам приходилось заполнять многочисленные анкеты и в течение нескольких месяцев, а то и лет, ожидать разрешения властей на новую эмиграцию. С середины 1950-х гг. и до начала 1960-х гг. из самых глубинных районов Китая семья за семьей, оставив хозяйства, со скромными пожитками, старообрядцы на попутных грузовиках и повозках добирались до ближайшей железнодорожной станции, откуда на поездах с документами и без них отправлялись в Тяньцзинь или Шанхай. И уже оттуда – на теплоходах, в Гонконг, где старообрядцы жили от 8 месяцев до полутора лет. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогали Международный Красный Крест и Всемирный совет церквей (ВСЦ – World Council of Churches). Из Гонконга старообрядцы смогли разъехаться по разным странам. В то время старообрядцев принимали Австралия, Новая Зеландия, некоторые страны Южной Америки. Основная часть «харбинцев» и «синьцзянцев» попала в Бразилию.³

Из Гонконга старообрядцы добирались на южноамериканский континент разными путями. Некоторые – на океанских пароходах по маршруту Гонконг – Сингапур – Кейптаун – Рио-де-Жанейро. Другие – самолётом по маршруту Гонконг – Калькута – Карачи – Бейрут – Рим, а оттуда, по их свидетельству, передвигались уже

¹ Мартюшев П.Г. Вот как русские делают // Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: в 2 т.; сост. Г.М. Прохоров; общ. ред. В.В. Нехотина. – М.: Ин-т Дик-Дик, Квадрига, 2009. – С. 654-655.

² Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Указ. соч. – С. 225.

³ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Якунина Виктора Пименовича (штат Аляска, США).

морским путем — на испанском пассажирском пароходе «Кобо — Сан-Викентий» — через Францию, Испанию, Португалию в Бразилию. Ещё одна группа старообрядцев была отправлена из Гонконга в Лос-Анжелес самолётом, а оттуда, на пароходе — в Бразилию. Некоторые старообрядцы, тоже воздушным путём, прямо из Гонконга были отправлены чартерным рейсом непосредственно в Бразилию.

В переселении русских беженцев, в том числе старообрядцев, в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, оказывали существенную поддержку также Федерация русских благотворительных организаций, созданная в 1950 г. в Нью-Йорке — Сан-Франциско; координацию работы со старообрядцами в Лос-Анжелесе взяло на себя общество «Гуманите Колес»; огромную помощь оказали молокане, прибывшие в Лос-Анжелес еще в 1904 г.¹

Бразильским переселенцам-старообрядцам с помощью Всемирного Совета церквей было выделено 6 тыс. акров земли. Несмотря на то, что организаторы переселения старообрядцев в Бразилию существенно помогли этой группе русских в обустройстве — выделили землю и продукты, снабдили тракторами, настоящего удовлетворения от переезда в эту страну старообрядцы не получили — земля оказалась малопригодной для земледелия, некоторые старообрядческие семьи совершенно не устраивали природные условия и экономическая ситуация в этой стране (жара, обилие насекомых, неурожай, низкие цены на зерно, невозможность получить урожай при отсутствии удобрений и др.).² Многие из них, при помощи спонсоров переехали в Северную Америку (штаты Нью-Джерси, Орегон и др.), а некоторые в близлежащие страны Южной Америки — Аргентину, Боливию, Парагвай, Уругвай, Чили. Причин переезда в эти страны было несколько. В частности, основные причины переезда старообрядцев в Боливию в 1980-е годы — не только радушный прием со стороны боливийского правительства, но и то обстоятельство, что в переезде старообрядцев были заинтересованы местные заводы по производству растительного масла, куда можно было сдать, под определённый процент, выра-

¹ Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Указ. соч. — С. 247-248.

² Лысова А.Н. Китай — Бразилия — США //Русские старообрядцы: язык, культура, история: сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов; отв. ред. Л.Л. Касаткин. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С.401-402.

ценную сою. Государство ни кредитов, ни льгот не давало, но зато выделило для старообрядцев земли. Важным было и то обстоятельство, что местная земля могла давать урожаи без применения удобрений. С тех пор старообрядческая община в Боливии стала одной из самых крепких во всей Латинской Америке. Примерно такая же старообрядческая община сложилась и в Уругвае. Основное занятие старообрядцев в этих странах – занятие скотоводством и земледелием (выращивали рис, кукурузу, пшеницу, бананы, ананасы, подсолнухи, сою). В повседневной жизни старообрядцы хорошо сохранили традиционную русскую культуру и свои религиозные воззрения.¹

С приходом к власти в Боливии президента Эво Моралеса, стремившегося изгнать из создаваемого им чисто индейского государства все «чужеродные элементы», включая и белых боливийцев, к числу которых относятся и русские старообрядцы, у староверов этой страны возникли серьёзные проблемы, прежде всего в пользовании землёй. Именно после этого активизировался процесс обратного переселения старообрядцев в Россию, сначала из Боливии, а потом, по их примеру, и из других латиноамериканских государств. Помимо этого, по словам самих старообрядцев, их потянуло на родину своих предков, о которой они знали от своих отцов и дедов. Некоторые из них своей родиной считают Россию. Желание перебраться в Россию у многих южноамериканских старообрядцев возникло давно. Особенно оно усилилось в последние годы благодаря не только развитию межгосударственных отношений между южноамериканскими странами и Россией, но и созданию в России программы по добровольному переселению соотечественников. Ею и воспользовались около 30 старообрядцев из Уругвая и Боливии – потомки старообрядцев-беспоповцев, которые эмигрировали в 1930-е гг. из Приморья в Маньчжурию, а уже оттуда перебрались в Южную Америку.

В 2009 – 2012 гг. несколько семей из Боливии и Уругвая прибыли в Приморский край по краевой целевой программе «Об оказании содействия добровольному переселению в Российскую

¹ Жаринов Д. До боли родная, родная Боливия // Аэрофлот (Aeroflot Inflight Magazine), 2003, июль-август. – С. 192-200.

Миграции

федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Основная цель программы — стабилизация демографической ситуации в крае, которая в настоящее время характеризуется снижением общей численности населения за счёт естественной убыли и миграционного оттока. Старообрядцы поселились в старинном, но к началу XXI в. заброшенном, некогда старообрядческом, таёжном с. Дерсу Красноармейского района Приморского края. Полевые исследования, проведённые нами среди этой группы старообрядцев, показали, что несмотря на полувековое пребывание русских староверов на американском континенте, они хорошо сохранили русские традиции — хозяйственные навыки, материальную культуру, семейные уклад, демографические установки и обряды, русский язык, и в неизменности — религиозные установки, которые являются основной цементирующей составляющей в сохранении в целом русской культуры в иноэтничном окружении на разных континентах земного шара.¹

В настоящее время численность старообрядческой общины с. Дерсу выросла до 80 человек, в основном за счёт рождаемости; девушки выходят замуж за старообрядцев Приамурья и Приморья, юноши берут в жёны приморских старообрядок. В Южной Америке остались их взрослые сыновья со своими семьями. Они ждут вестей о возможности переезда в Россию от своих, теперь уже приморских, родственников.

Адаптация южноамериканских старообрядцев к местной природной среде проходит успешно. Иное дело — хозяйственная и социальная ситуации. В этих сферах возникли довольно сложные проблемы, которые до сих пор не решены ни районными, ни краевыми властями. Какой будет дальнейшая судьба этой группы старообрядцев сказать трудно. Тем не менее, очень медленно, но процесс адаптации постепенно налаживается, и сегодня можно надеяться, что для большинства этих старообрядческих семей их одиссея рано или поздно завершится на исторической Родине.

---

¹ Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы из Южной Америки: особенности быта, традиции и проблемы адаптации в Приморье // Вестник ДВО РАН. 2013, № 4. — С.125-137.

ББК (С) 60.7

УДК 314.88

Дятлов В.И.

**«ЧАЙНАТАУН» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
РОЛЬ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ И В ИХ
РЕГУЛИРОВАНИИ**

Демографические перспективы Дальнего Востока, как и страны в целом, зависят в огромной степени от миграционных процессов, их динамики и направленности. В свою очередь, внутренние и внешние миграции не просто сосуществуют и взаимодействуют, это составные части единого процесса. Роль внешних миграций уже сейчас уникальна – и вряд ли их значение уменьшится в обозримом будущем.

Давно отшумели споры – нужны России мигранты или не нужны. Они уже есть, их присутствие жизненно необходимо – и они будут в России вне зависимости от геополитического, внутриполитического и экономического контекста.

Принципиально важно, однако, что и в научных исследованиях, и в массовых настроениях, и в рамках взгляда, господствующего в масс-медиа, и в понимании трансграничной миграции чиновниками и политиками сформировалось общее проблемное поле. Его ключевой составляющей является оценка возможностей и рисков, базирующаяся на конфликтном единстве двух подходов – безопасности и развития.

Сторонники идеи развития считают, что трансграничные мигранты абсолютно необходимы, так как без их растущего притока невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии, тем более невозможен модернизационный прорыв. Поэтому миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их максимальной легализации, комплексных мерах по их социальной, экономической и культурной интеграции в принимающее общество.¹

¹ Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. Иммиграция: путь к спасению

Приверженцы безопасности видят в мигрантах источник опасности для идентичности принимающего общества, для его этнокультурной однородности и стабильности, предпосылку неизбежных разрушительных этнических конфликтов. Естественное следствие такого понимания – требование максимально ограничить приток новых мигрантов и вытеснить уже имеющих.

Во властной риторике, общественном дискурсе, преобладающем числе научных исследований анализ ситуации начинается с проблем безопасности, с того, какие риски и угрозы несёт с собой миграция. И уже потом (если это потом вообще появляется) разговор переходит в плоскость подхода развития. Выбор того или иного подхода зачастую становится занятием идеологическим, ценностно окрашенным.

Как правило, хотя и не всегда, конечно, позиция одной стороны другой стороной или игнорируется, или отвергается без содержательной критики и дискуссии. Видимо, потому, что ценности безопасности и развития понимаются как взаимоисключающие. Когда же спор о миграции полностью смещается в идеологическую плоскость, сторонник иных взглядов воспринимается не как уважаемый оппонент, к мнению которого стоит прислушаться, а как с порога отторгаемый противник. В адрес тех, кто считает значительные потоки трансграничных миграций и использование труда мигрантов делом необходимым и неизбежным, раздаются прямые или косвенные обвинения в предательстве национальных интересов.¹ В ответ звучат обвинения в расизме и ксенофобии.²

Описанная выше ситуация парадоксально сочетается со значительными прорывами в научных исследованиях. Наработан и осмыслен большой объём эмпирического материала, идут ожив-

---

или троянский конь? // Миграция в России. 2000 – 2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1. Ч. 1 / Российский совет по международным делам; под общей редакцией И.С. Иванова, отв. ред. Ж.А. Зайончковская. – М.: Спецкнига, 2013. – С. 51-77.

¹ Делягин М. Защитить сибиряков // Московский комсомолец в Бурятии. 2005. 2 марта.

² Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук; под ред. В. Воронкова, О.Карпенко, А. Осипова. – СПб: Алетей, 2002. – С. 45-69.

лённые теоретические дискуссии. На удивление быстро освоено запас знаний, представлений и концепций, накопленных мировой наукой. Некоторые итоги этого этапа подведены в трёхтомной хрестоматии по миграции в России, изданной под эгидой Российского совета по международным делам.¹

Однако исследование собственно миграционного процесса далеко обогнало изучение его политических, психологических и этнокультурных последствий и эффектов. Но, может быть, ещё более тяжёлая проблема заключается не в недостаточности научного знания о миграции в целом или каких-то её аспектах, а в очень медленной его диффузии в общественное и властное информационное и идеологическое пространство, в его отторжении по идеологическим мотивам, а то и непонимании. Налицо разрыв между исследовательским сообществом и профессиональными группами, вырабатывающими и проводящими в жизнь миграционную политику.

Нередко миграционная проблема рассматривается у нас как абсолютно новая и уникальная для страны. Между тем, её активно и плодотворно изучали и обсуждали в поздней имперской России. Причиной тому был массовый приток китайских и корейских трансграничных трудовых мигрантов на только что присоединённый, практически не заселённый и не освоенный Дальний Восток.

Частью миграционной ситуации являются постоянные эксперименты по управлению этим чрезвычайно сложным для управления процессом. Получается плохо. Иногда очень плохо. Помимо отмеченных причин основная проблема состоит в том, что в обществе и государстве нет понимания и консенсуса относительно целей и стратегии управления. Ситуация настолько остра, что заставляет поставить вопрос: существует ли в России «принимающее общество» в качестве единого субъекта?

Перед лицом миграционной проблемы фактически нет и единого государства. В этом главном факторе миграционной политики чрезвычайно силён феномен «бюрократического плюрализма», когда интересы отдельных ведомств могут далеко

¹ Миграция в России. 2000-2012. Хрестоматия в 3 томах. – М.: Спецкнига, 2013.

расходиться, а механизмы согласования этих интересов слабы и неэффективны. Могут не совпадать и интересы различных бюрократических группировок, кланов и клик, организованных не по ведомственному принципу. Не требует отдельных комментариев и такой важнейший фактор, и инструмент управления страной, как системная коррупция.

При выработке миграционной политики государство вынуждено лавировать между соображениями экономической и демографической целесообразности и анти-мигрантскими массовыми настроениями; между соображениями безопасности и развития. Не говоря уже о растущей тенденции использовать массовые настроения в целях идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть.

Масса проблем и противоречий сформировалась в сфере взаимоотношений центра и регионов. Выстраивание «вертикали власти» привело к тому, что миграционная политика теоретически стала монополией федеральных ведомств. Там сосредоточены все соответствующие права, полномочия и ресурсы, институции и нормотворчество. И региональная миграционная политика, в соответствии с законом, понимается как политика центральной власти на местах. Однако величина страны и гигантское разнообразие миграционных ситуаций неизбежно ведёт к тому, что эта политика корректируется местными акторами, имеющими собственные интересы и представления о выгодах и рисках. На региональном уровне имеются и свой «бюрократический плюрализм», и борьба интересов кланов и клик. Отдельная проблема связана с местными властями. Неся основную тяжесть решения многообразного и сложного комплекса задач, проблем и конфликтов, они лишены соответствующих ресурсов и полномочий. Всё это ведёт к фактическому формированию местной миграционной политики в виде гибкого набора неформальных практик.

Отдельно стоит выделить интересы непосредственных контрагентов мигрантов. Следствием растущей роли трансграничных мигрантов стало формирование связанного с ними слоя людей, профессиональных групп и институций. Это государственные и муниципальные органы, чиновники и служащие, регулирую-

щие проблемы пребывания и экономической деятельности. Это деловые партнёры, наниматели и наёмные, посредники, продавцы необходимых товаров и услуг, специализирующиеся на этой теме журналисты, эксперты. Наконец, это покупатели товаров и услуг, производимых и продаваемых мигрантами. Свои интересы и проблемы появились у таких, неожиданных на первый взгляд институций как система высшего и среднего образования, органы здравоохранения и санитарного контроля. Всё активнее пытаются влиять на ситуацию профсоюзы. Формируется система неправительственных общественных организаций, национально-культурных обществ, прямо или косвенно заинтересованных в регулировании миграционной ситуации.

Интересы бизнеса сосредоточены вокруг возможности доступа к таким ресурсам, как дефицитный или дешёвый труд, источники кредита, инвестиций или товарной массы. Важна также возможность изоляции конкурентов от этих ресурсов. И не случайно закрытие оптово-розничных рынков, запрет на торговлю там для иностранцев, сопровождались упорными слухами о закулисных давлении крупных ретейлерских сетей. Основными инструментами реализации интересов бизнеса являются лоббирование и неформальные практики. Но бизнес не представляет собой единого целого, соответственно у разных его слоев и группировок могут быть (и уже сформировались) различные интересы и соответствующая политика.

Массовые анти-мигрантские настроения становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. В городскую обыденность постепенно входят политические и политизированные анти-мигрантские акции – от бесчинств скинхедов до официально разрешённых Русских маршей. Мигрантская проблематика выдвигается в центр электоральной борьбы. На ней выстраивают свою стратегию политические партии и движения националистического спектра. Их успех состоит в том, что они стали формировать политическую повестку дня и для остальных сил.

Мигранты стали важнейшей частью информационного поля. СМИ – это и носитель информации («зеркало»), и самостоятель-

ный и важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. Они создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Очень часто в сознании людей сосуществуют две картины мира – на основе собственного опыта и сформированных масс-медиа. И если они вступают в противоречие, безусловное предпочтение отдается второй.

Как видим, место некоего единого принимающего общества с общим набором представлений об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации, занимает разнородный конгломерат государственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться. Механизм согласования этих интересов в лучшем случае только формируется. Не решено, каким будет этот механизм, ибо пока ещё не до конца закрыт вопрос о выборе между либеральной, демократической и авторитарной (бюрократической) моделью общественного устройства. Хотя авторитарный крен в развитии современного политического режима очевиден и усиливается, это не сопровождается формированием эффективной бюрократической системы власти и управления – «вертикаль власти» является скорее недостижимой целью, чем функционирующей реальностью. Всё это предопределяет отсутствие логичной и осознанной миграционной политики федеральной власти, постоянные качели между запретительными и поощрительными мерами.

Всё это отчетливо демонстрирует процесс осмысления, оценки и выработки отношения к такому феномену как «чайнатаун».

«Второе пришествие» китайских мигрантов в Россию, которое началось на рубеже 1980-1990-х годов, произвело шокирующее воздействие на население страны. Память и опыт общения с мигрантами первой, дореволюционной волны были полностью утрачены за годы советской власти. Поэтому проблема осмысливалась и оценивалась как совершенно новая. И тем более показа-

тельно, что практически сразу появляются прогнозы о том, что вскоре, в самом недалеком будущем, китайские мигранты начнут создавать постоянные компактные поселения – «чайнатауны».

Представление о том, что мигранты из Китая, прибывая в Россию, неизбежно должны и будут концентрироваться в отдельных городских районах, сегрегироваться не только социально, но и территориально, стало общим местом в массовом сознании россиян. Это постоянный сюжет в прессе, в официальных и неофициальных заявлениях чиновников и политиков разного ранга, в представлениях «простых людей». В свою очередь, он становится фундаментом для построения различного рода политических и геополитических конструкций и оценок последствий китайской миграции для принимающего общества. Иногда такие конструкции непосредственно воздействуют на принятие важных политических и управленческих решений.

В идеологическом дискурсе и в массовом сознании многие функции, сегменты городской жизни, связанные с мигрантами, часто концентрируются в категории «чайнатауна». Под этим понимается и место жилищной концентрации мигрантов, и средоточие «этнической экономики», деловой активности, и социальный организм с формальными и неформальными институциями, и место встречи с горожанами, площадка и механизм продажи им «этнического продукта» (туризм как продажа впечатлений и образов, этническая кухня, экзотические товары, сувениры и т.д.).

Такое понимание сформировалось через наблюдения за чайнатаунами крупных городов Европы и Северной Америки, чья история насчитывает уже почти двести лет. Возникнув в качестве места концентрации китайских мигрантов, они стали сейчас той частью городского пространства, где китайцы живут, работают, вступают в многообразные связи и отношения, создают собственные механизмы социального регулирования, власти и контроля. Это место где говорят, выглядят, ведут себя по-китайски. С китайскими вывесками, рекламами, запахами. Районы, где «китайскость» продается в качестве товара многочисленным туристам.

Этому пониманию не мешает то обстоятельство, что со временем произошла дифференциация этих функций и смена их

значений и иерархии. Первоначальная основная роль механизма первичной адаптации мигрантов, способа их выживания в чужом и враждебном мире постепенно отступала. Ей на смену шла функция площадки для формирования общинных социальных и экономических структур, центра общинной жизни и сохранения культуры предков. Кроме того, как центра «этнической экономики». И уже затем на первый план выходит функция «туристического аттракциона», места, где люди «работают китайцами», производят и продают сувениры, национальную еду и впечатления. И всё это в форме территориального ядра. Анклава.¹

Символическое значение феномена чайнатауна оказалось так велико, что с началом массовой китайской миграции в Россию, именно через эту категорию стал оцениваться сам процесс и его возможные последствия.² Здесь преобладает интерес к чайнатауну как механизму адаптации мигрантов к принимающему обществу и, одновременно, способу из сегрегации, тормозу адаптации. Однако больше всего волнует их предполагаемая экстерриториальность, замкнутость внутренней жизни и непроницаемость для контроля и регулирования властей.

Чайнатаун часто предстает как модель и орудие «демографической экспансии», массового мирного проникновения, осво-

¹ The Encyclopedia of the Chinese Overseas / Edited by Lynn Pan. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. press, 1999. – P. 262-269; 304-308, 235-241; Bernard P. Wong. Chinatown. Economic Adaptation and Ethnic Identity of the Chinese. – Belmont: Wadsworth/Thompson Learning, 2002; Wendy Wan-Yin Tan. Chinatowns of New York City. – Charleston: Arcadia Publishing, 2008; Min Zhou, John R. Logan. Returns on Human Capital in Ethnic Enclaves: New York City's Chinatown // American Sociological Review, Vol. 54, No. 5. (Oct., 1989). – Pp. 809-820; Min Zhou, John R. Logan. In and Out of Chinatown: Residential Mobility and Segregation of New York City's Chinese // Social Forces, Vol. 70, No. 2. (Dec., 1991). – Pp. 387-407; Kay J. Anderson. The Idea of Chinatown: The Power of Place and Institutional Practice in the Making of a Racial Category // Annals of the Association of American Geographers, Vol. 77, No. 4. (Dec., 1987). – Pp. 580-598; James R. Curtis. Mexicali's Chinatown // Geographical Review, Vol. 85, No. 3. (July, 1995). – Pp. 335-348; Jan Lin. Polarized Development and Urban Change in New York's Chinatown // Urban Affairs Review 1995; Vol. 30; N 3. – Pp. 332-354. Min Zhou. Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave. – Philadelphia: Temple University Press, 1992.

² Дятлов В.И. Россия: впредчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008, № 4. – С. 6-16.

ения, а затем отторжения от России её восточных регионов. Чем дальше от китайско-российской границы, тем более распространены представления о многих миллионах китайских мигрантов, значительная часть из которых уже осела в постоянных китайских поселениях, экстерриториальных, непроницаемых для контроля и управления российских властей. Подчёркивается также, что это результат целенаправленной политики Китая как государства. Любые проекты с участием китайских капиталов, предполагающие инвестиции в недвижимость, особенно отели, жилищные комплексы, развлекательные и деловые центры встречают массовую и бурную отрицательную реакцию. Критикуются не экономические аспекты этих проектов – противников волнует перспектива их «чайнатаунизации».

На деле, чайнатаунов в сибирских и дальневосточных городах пока нет. В этом при желании очень несложно убедиться. Они присутствуют в массовом сознании и идеологической сфере как некая «виртуальная реальность». Их нет – но есть бурно обсуждаемая проблема.

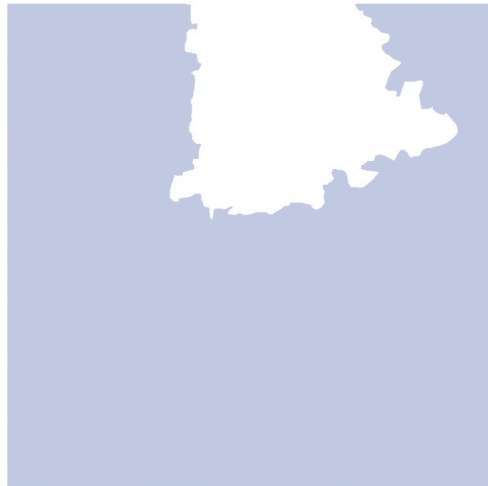
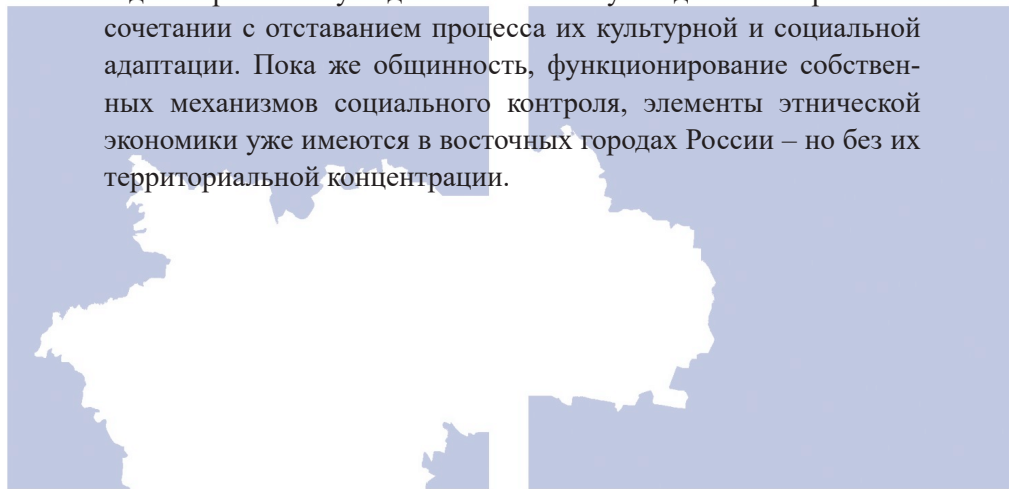
В последнее время эта проблема привлекла внимание властей. Последовал ряд резких заявлений высокопоставленных политиков и чиновников о недопустимости и опасных последствиях «анклавизации» и о том, что чайнатауны не должны возникнуть в российских городах. В интервью агентству Интерфакс директор Федеральной миграционной службы К. Ромодановский заявил: «Понимаем, что ни в коем случае нельзя допускать чайна-таунов. Это элемент обособленности. В этом направлении тоже работаем».¹

Однако это не снимает вопроса о перспективах. Отсутствие чайнатаунов, отрицательное отношение к ним общественного мнения и властей не дают гарантии от возможности их появления. Возможное (но не обязательное) появление этого феномена уже не в виртуальном качестве сформирует новую и весьма специфическую часть городского пространства, вызовет нарушение прежде сложившегося равновесия, обогатит город и новыми ресурсами, и новыми проблемами.

¹ В России не будет «чайна-таунов». – Ромодановский. – URL: Interfax-Russia.ru. 2010. 23 нояб. (дата обращения: 17.04.2015).

Миграции

Его возникновение станет и симптомом, показателем формирования новых сложных и противоречивых по последствиям миграционных проблем. Главная из которых – появление тенденции к долговременному и даже постоянному оседанию мигрантов в сочетании с отставанием процесса их культурной и социальной адаптации. Пока же общинность, функционирование собственных механизмов социального контроля, элементы этнической экономики уже имеются в восточных городах России – но без их территориальной концентрации.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ABSTRACTS

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ, ДЕМОГРАФИИ И ЭТНОЛОГИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF HISTORICAL GEOGRAPHY, DEMOGRAPHY AND ETHNOLOGY

Коновалова И.Г. (Москва)

Историческая география после «пространственного поворота»: ключевая проблематика и исследовательские практики

В статье рассматриваются ключевые проблемы современной исторической географии, связанные с «пространственным поворотом» в гуманитарной науке. На примере различных исследовательских практик показаны контекстуальный характер производства и потребления знания, многоаспектность понятий «территория» и «граница», роль картографии как формы политического дискурса, освоение пространства через производство топонимов.

Ключевые слова: историческая география, «пространственный поворот», картография, источниковедение.

Konovalova I.G. (Moscow)

Historical Geography after Spatial Turn: Key Problems and Research Practices

In a focus of the article are the key problems of the modern historical geography relate to the so-called «spatial turn» in the humanities. The author considers the contextual nature of production and consumption of knowledge, multidimensional concepts of «territory» and «border», and a role of cartography as a form of political discourse and space exploration through production of toponyms.

Keywords: historical geography, spatial turn, cartography, study of sources.

Инкижекова М.С. (Владивосток)
Этничность как конструкт

В результате культурной диффузии «западных» ценностей демонтируется культурный код малочисленных этносов. Изучение исторических и социокультурных практик показывает, что, стремясь сохранить исторический опыт, культуру и самобытность этноса, этническая элита в процессе объективации символического пласта традиционной культуры часто встает на путь мифотворчества. Мифотворческие практики как специфический образ моделирования социокультурного пространства жизнедеятельности этноса имеют как конструктивную, так и деструктивную формы.

Ключевые слова: культурная диффузия, идентичность, мифотворческие практики, этническая элита.

Inkizhekova M.S. (Vladivostok)
The Ethnicity as a Construct

The cultural diffusion of the «Western values» dismantle cultural code of ethnic minorities. The study of the historical and socio-cultural practices shows that, in an effort to preserve the historical experience, culture and ethnic identity, ethnic elites in the process of objectification of symbolic reservoir of traditional culture often gets in the way of myth-making. One cannot disregard the fact that the process of myth-making, as a specific method of sociocultural space modeling of the ethnos vital activity, may manifest itself both in constructive and destructive form.

Keywords: cultural diffusion, identity, myth-making practices, ethnic elite.

Овечкина Н.И. (Новосибирск)
**Демографические процессы и жизненный цикл этноса:
зависимость и следствие**

В статье рассматриваются территориальные различия современных демографических процессов. Автор предполагает существование связи между жизненным циклом этноса/расы и глобализацией населения.

Ключевые слова: демографическая глобализация, этнос, территориальное распределение населения, неравномерность демографических процессов.

Ovechkina N.I. (Novosibirsk)
**Population Processes and Vital Rhythm of Ethnos:
Dependence and Consequence**

The article deals with the territorial differences of current demographic processes. The author suggests a link between lifecycle ethnicity / race, and the globalization of the population.

Keywords: demographic globalization, ethnos, geographical distribution of the population, the non-uniformity of demographic processes.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
HISTORICAL GEOGRAPHY

Шумилов Е.Н. (Пермь)
**К вопросу о северной границе Новгородской земли
в XI – начале XIII вв.**

В статье рассматривается колонизация Новгородом земель, населённых карельскими народами, в XI–начале XIII вв. Обосновывается возможность определения северной границы новгородских территорий на основании письменных источников.

Ключевые слова: граница, колонизация, Новгород, шведы, кобяги, чудь, карелы, ямь, водь, ижора.

Shumilov E.N. (Perm)
**About the Northern Border of the Novgorod Land
in the XIth – beginning of XIIIth Centuries**

The author analyzes the colonization by Novgorod the lands of Karelia in the XI–XIII centuries based on written sources. Possibility of definition of northern border of the Novgorod territories is considered.

Keywords: border, colonization, Novgorod, Swedes, Kolbyagi (Kylfings), Chud, Karelians, Häme, Vod, Izhorians.

Мифтякова Э.Ф., Федоров В.Н. (Ульяновск)
**Типология населённых пунктов Симбирского уезда
по характеру их местоположения**

Проанализированы характерные особенности расположения населённых пунктов Симбирского уезда в конце XIX века. Предложены типологии топонимии этих поселений.

Ключевые слова: Симбирская губерния, Симбирский уезд, типы поселений, усадьбы.

Miftyakova E.F., Fedorov V.N. (Ulyanovsk)
Types of Settlements Simbirsk County
according to their Location

The authors analyzed the characteristics and factors of the location of settlements Simbirsk County at the end of the XIXth century and the typology of topology of these settlements.

Keywords: Simbirsk province, Simbirsk County, types of settlements, manors.

Чаплыгина О.Г. (Курск)
Региональные различия в размещении
крупных городов России

Автор рассматривает типологию современных городов, обращая особое внимание на города–миллионеры. В статье анализируются особенности территориального распределения крупнейших российских городов по федеральным округам.

Ключевые слова: город, типология городов, города–миллионеры, федеральный округ.

Chaplygina O.G. (Kursk)
The Regional Divisions in Distribution of Megapolis in Russia

The author examines the typology of modern cities, focusing on the megapolis. The article analyzes the characteristics of the spatial distribution of the Russian megapolis and cities in Federal districts.

Keywords: city, typology of cities, mrgapolis, Federal district.

Кенжебаев Д.А. (Астана, республика Казахстан)
Физико-географические предпосылки осуществления
военно-космической деятельности
на территории Казахстана

В статье рассматриваются физико-географические особенности территории Казахстана, обусловившие решение о строительстве здесь космодрома. Уникальность данной местности в сочетании с требованиями, выдвигаемыми к ракетно-космическому

комплексу, предопределили его функциональную оптимальность и репутацию «самого пускающего космодрома» планеты.

Ключевые слова: физико-географические предпосылки, военно-космическая деятельность, Казахстан, Байконур.

Kenzhebeyev D.A. (Astana, Kazakhstan)
Physiographic Prerequisites of Implementation of Military Space Activity within the Territory of Kazakhstan

In this article are considers the physiographic features of the territory of Kazakhstan as the preconditions for implementation of military space activity of the Soviet Union. Uniqueness of this district in combination with the demands made to a space-rocket complex predetermined its optimality in the functioning and establish a reputation of “the most working spaceport” of the planet.

Keywords: physiographic prerequisites, military space activity, Kazakhstan, Baikonur.

Биктимиров Н.М., Габдрахманов Н.К. (Казань)
Формы расселения татар на территории современной Республики Татарстан

В статье рассматриваются основные ареалы расселения татар на территории современной Республики Татарстан; разные факторы (природные, политические, социальные и т.д.), повлиявшие на этот процесс. Определены населённые пункты, где в наибольшей степени изменился национальный состав.

Ключевые слова: система расселения, национальность, демография, история, Республика Татарстан.

Biktimirov N.M., Gabdrakhmanov N.K. (Kazan)
Forms Tatar settlement in Territory of Republic of Tatarstan

This article examines the main areas of resettlement of the Tatars in the territory of the Republic of Tatarstan; the different factors (natural, political, social, etc.) that influenced on the process of settlement at various times. Determined settlements, where most strongly felt the change in the national composition.

Keywords: system of settlement, ethnicity, demography, history, the Republic of Tatarstan.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ
HISTORICAL DEMOGRAPHY**

Абрамова А.Н.(Краснодар)

**Палеодемографическое исследование населения,
основавшего могильник Виноградный-7**

Анализ половозрастной смертности на материалах 64 погребений VIII-X вв. могильника Виноградный-7, расположенного в Темрюкском районе Краснодарского края.

Ключевые слова: Виноградный-7, палеодемография, смертность, когорта, пол.

Abramova A.N. (Krasnodar)

**Paleodemographic Research of the Population, Who Founded
the Cemetery Vinogradny-7**

The analysis of gender and age mortality on materials of 64 burials of the VIII-X centuries of a burial ground Vinogradny-7, located in the Temryuksky district of Krasnodar Territory.

Keywords: Vinogradny-7, paleodemography, mortality, cohort, gender.

Кутаков С.С. (Тверь)

**Население Тверского уезда в XVI веке по данным писцовых
описаний**

В статье представлены предварительные результаты реконструкции численности сельского населения Тверского уезда в середине XVI в., предпринятой на основе исследования Писцовой книги 1539/1540 и Дозорной книги 1551/1554 гг.. Сформулирована гипотеза о том, что во второй половине XVI в. в Тверском уезде изменяется система расселения и происходит перераспределение населения, при этом его численность принципиально не меняется.

Ключевые слова: историческая демография, сельское расселение, писцовые книги, Тверской уезд, Московское государство.

Kutakov S.S. (Tver)
Population of Tver County during XVIth Century Based on the Cadasters

The article presents the preliminary results of the reconstruction of the rural population of Tver County in the middle of the XVI century based on the Pistsovai book of 1539/1540 and the Dozornai book of 1551/1554 years. The author suggested that in the second half of the XVI c. were changes of settling system of Tver County and the redistribution of the population, but the number population fundamentally not changed.

Keywords: historical demography, rural settling, cadastres, Tver County, Moscovia.

Полевая А.В. (Тверь)
**Демографические характеристики крестьянских и
бобыльских дворохозяйств в Кашинском уезде и Бежецком
верхе в первой половине XVII века**

В статье рассматривается состав крестьянских семей Кашинского уезда в первой половине XVII в. и типология дворохозяйств. Определены средняя населённость крестьянского дворохозяйства, преобладающие типы дворохозяйств.

Ключевые слова: Кашинский уезд, дворохозяйство, коэффициент двора.

Polevaya A.V. (Tver)
**Demographic Characteristics of Peasant Households in Kashi
County and Bezhetsk District during the First Half-Year of
XVIIth Century**

The writer determined prevailing types of peasant's households and coefficient household in Kashin County and Bezhetsk area during the first half-year of XVIIth century.

Keywords: Kashin County, household, coefficient household.

Мельников Ю.Н. (Ульяновск)
**Возможности демографического и поземельного учёта по
писцовым книгам (на примере писцовой книги Карсунского
и Симбирского уездов 1685 – 1686 гг.)**

На материалах Писцовой книги Карсунского и Симбирского уездов (1685-1686 гг.) рассмотрены возможности

Аннотации статей

демографического и поземельного учёта домохозяйств, выявлен сам феномен выборочной переписи мужского населения, определены принципы, по которым описывались поселения.

Ключевые слова: писцовая книга, Карсунский уезд, Симбирский уезд, выборочная перепись 1685-1686 гг., демография, земельные споры.

Melnikov Y.N. (Ulyanovsk)

Possibilities of the Demographic and Land Account according to Pistoovy Books (on the Example of the Pistoovy Book of Karsunsky and Simbirsk Counties of 1685-1686)

Author deals the accuracy level of 1685-1686 partial census for accounting the demographic data and land-households. He found the phenomenon of selective account of the male population during the 1685-1686 census. Defined the principles on which the settlements described.

Keywords: cadastres, Karsunsky and Simbirsky Counties, 1685-1686 partial census, demography, land disputes, the authenticity of the information.

Ханхараев В.С. (Улан-Удэ)

Верхоленские буряты в последней трети XVII в.: опыт демографического исследования (новые подходы)

В статье рассматривается демографическая история верхоленских бурят в последней трети XVII века и историография вопроса. Исследование основано на архивных материалах, демографической неомальтузианской теории и ряде научных работ, посвящённых указанной теме.

Ключевые слова: бурятоведение, возрастная структура населения, демографические переменные, ясачная перепись, традиционный тип воспроизводства населения, гомеостаз.

Khankharaev V.S. (Ulan-Ude)

Verkholensk Buryats in the Last Third of the XVIIIth Century: Demographic Studies (New Paradigm)

This article presents an attempt to study demographic history of the Verkholensk Buryat people living in the last third of the XVIIIth century. The study based on the archive materials, neomalthusian

demographic theory, and on a few scholarly works devoted to the subject.

Keywords: the Buryat studies, age structure of the population, demographic variables, census of yasak population, traditional reproduction of population, homeostasis.

Шумилов Е.Н. (Пермь)

Красноуфимские ясачные и оброчные черемисы: расселение и численность в XVII – начале XIX вв.

Автор выявляет две основные группы черемисов и описывает причины миграции черемисов внутри пермского региона.

Ключевые слова: черемисы, татары, Красноуфимский уезд, Пермская губерния, государственные крестьяне, ясак.

Shumilov E.N. (Perm)

Cheremiss-Yasak and Cheremiss-Servage of Krasnoufimsk County: Resettlement and Amount of Population during XVIIth – the Early XIXth Centuries

The author described two main groups of the Cheremiss and the causes of migration the Cheremiss within the Perm province.

Keywords: the Cheremiss, the Tatars, Krasnoufimsk County, Perm province, state peasants, yasak.

Герасимова Е.А. (Тверь)

Демографические характеристики городов Тверского Верхневолжья в первой четверти XVIII века на примере Твери и Кашина (по материалам Переписных книг 1709 года)

В исследовании рассмотрены демографические характеристики городов Твери и Кашина. Построены демографические пирамиды мужского населения, определены примерные пики рождаемости, возрастная структура общества. Анализируется проблема типологии семей городского населения Центральной России на примере малых и средних городов.

Ключевые слова: тип семьи, демографическая нагрузка, демографическая пирамида, брачный возраст, детность.

Gerasimova E.A. (Tver)
**Demographic Characteristics of the Towns of Tver Region in the
First Quarter of XVIIIth Century**
(Based on the Perepisnye Books of 1709)

The study examines the demographic characteristics of the towns Tver and Kashin. Demographic pyramids of male population built, determined the approximate peak of birth rate and the age structure of society. The question of the typology of the families of the urban population of Central Russia was examine on the example of small and medium-sized cities.

Keywords: type of family, demographic burden, demographic pyramid, birth rate, marriage age, number of children in the family.

Савинова А.И., Степанова Ю.В. (Тверь)
**Тверские карелы в XVIII-XIX веках: территория и
демография по данным картографических и статистических
источников**

Автор выявил область карельского расселения в Микулинском стане Тверского уезда. Представлены результаты исследования численности населения, дворности поселений и населённости крестьянского двора на территории проживания тверских карел.

Ключевые слова: карелы, Тверская губерния, Верхневолжье, население, расселение, уезд, волость, типы семей, крестьянский двор.

Savinova A.I., Stepanova Y.V. (Tver)
**Tver Karelians in the XVIIIth – XIXth Centuries: Area and De-
mography (Based on the Maps and the Statistical Sources)**

The writers determined the area of Karelian resettlement in Mikulinsky stan. There are results of study of population, number of households and coefficient of household inside the Tver Karelians area.

Keywords: Karelians, Tver province, Upper Volga area, population, settlement, types of family, peasant household.

Асфандиярова А.А. (Краснодар)
**Влияние политики властей Российской империи на
социодемографические процессы первой половины XIX в. в
связи с урбанизацией и товаризацией экономики**

В статье освещена правительственная политика Российской империи первой половины XIX века в отношении субъектов эко-

номической деятельности в городах. Последовательно проанализированы меры для каждого из городских сословий, предлагаемые властью для поощрения торговли в городах.

Ключевые слова: купцы, демографическая политика, городские жители, мещанство, крестьяне.

Asfandiyarova A.A. (Krasnodar)

The Influence of the Political Power of the Russian Empire over Social and Demographic Processes during the First Half of XIXth Century in View of Urbanization and Development of Capitalism

The article deals the government policy of the Russian Empire of the first half of the XIX century in relation to economic operators in the cities. The author analyzes all the government measures to promote trade in the city for each of the urban classes.

Keywords: merchants, demographic policy, urban residents, burghers, peasants.

Кобзев А.В. (Ульяновск)

Брачные отношения жителей села Томылово Симбирской губернии по данным метрических книг за 1865-1896 гг.

На материалах Государственного архива Ульяновской области представлен кросс-культурный анализ браков жителей села Томылово Симбирской губернии за 1865-1896 годы. Выявлены размер брачного рынка данного села, соотношение внутриселенческих и внешних, мононациональных и межнациональных браков, предложены объяснительные гипотезы брачных стратегий.

Ключевые слова: брачные отношения, смешанные браки, кросс-культурный анализ, мордва, Симбирская губерния, сёла Еделево, Кивать, Кузоватово, Нижние Коки, Томылово.

Kobzev A.V. (Ulyanovsk)

Marriages the Tomilovo-Village of Simbirsk Province according to the Parish Registers for 1865-1896 Years

With the help of cross-cultural analysis analyzed marriages of villagers Tomylovo in 1865-1896 years. Identified the size of the marriage market of this village, in the ratio of settlement and external

marriages, of mono-ethnic and inter-ethnic marriages also. The author suggested the hypothesis of marriage strategies.

Keywords: marriages, mixed marriages, cross-cultural analysis, Mordvinians, Simbirsk's province, villages Edelevo, Kivat', Kuzovatovo, Nizhniye Koki, Tomylovo.

Шафиров А.В. (Ульяновск)

Динамика численности крестьянства Симбирской губернии во второй половине XIX века

На основе сведений административного учёта анализируется динамика численности крестьянского населения Симбирской губернии во второй половине XIX века. Рассмотрены показатели численности различных категорий крестьянства. Рассчитан коэффициент естественного прироста населения для Симбирской губернии.

Ключевые слова: крестьянство, Симбирская губерния, традиционный тип воспроизводства населения, коэффициент естественного прироста.

Shafirov A.V. (Ulyanovsk)

Population Dynamics of the Peasantry Simbirsk Province in the Second Half of the XIXth Century

The dynamics of the population during the second half of the XIXth century of Simbirsk province analyzed on the administrative account. Indicators of the number of different categories of the peasantry are considered. And the rate of natural population growth to Simbirsk province was calculated.

Keywords: peasantry, Simbirsk province, a traditional type of reproduction of the population, the natural growth rate.

Исупов В.А. (Новосибирск)

Статистические сведения как источник по изучению военномобилизационного потенциала тыловых районов в годы Великой Отечественной войны

В статье предпринята попытка выявить источники информации, на которые опирались государственные структуры в оценке людских ресурсов в годы Великой Отечественной

войны. Дана краткая характеристика имеющихся источников по Новосибирской области.

Ключевые слова: демографические источники, перепись 1939 г., списки избирателей, мобилизационный потенциал, Новосибирская область.

Isupov V.A. (Novosibirsk)
Statistical Information as a Source for Study Mobilization Resource of Rear Areas during the Great Patriotic War

The article attempts to identify the sources of information relied on by government agencies in the evaluation of human resources during the Great Patriotic War. The brief characteristic of the available sources in the Novosibirsk region is given.

Keywords: demographic sources, 1939 Census, military mobilization capacity, voter lists, Novosibirsk region.

Чернышева Н.В. (Киров)
Динамика численности и состава населения Кировской области в годы Великой Отечественной войны

Автор на основании материалов областного архива рассматривает половозрастные изменения в численности и структуре населения Кировской области, изменения территориально-административных границ, статуса населённых пунктов в связи с Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: Кировская область, динамика численности населения, состав населения, миграции, населённые пункты.

Chernysheva N.V. (Kirov)
Population Dynamics and Change of Population Structure of Kirov Region during the Great Patriotic War

The author considers gender and age changes in number and structure of the population of the Kirov region, change of territorial and administrative borders, and the status of settlements in connection with the Great Patriotic War. The article is writing on base of materials of regional archive.

Keywords: Kirov region, population dynamics, population structure, migrations, settlements.

**Безносова Н.П. (Сыктывкар)
Особенности половозрастной структуры населения Коми
АССР в годы Великой Отечественной войны
и в послевоенные годы (1945-1959 гг.)**

Рассмотрены гендерные последствия Великой Отечественной войны для Коми АССР путём анализа половозрастной структуры населения за 1941-1959 годы. Представлено распределение населения в зависимости от года рождения, места проживания, пола людей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Коми АССР, демографическая структура, возрастные группы.

**Beznosova N.P. (Syktyvkar)
Special Aspects of Age and Gender Structure of Population in
Komi Autonomous Soviet Socialist Republic during the Ending
and after the Great Patriotic War (1945-1959)**

Here is reviewed the analysis of the age and sex structure of the population of the Republic of Komi in the period from 1941-1959 years. In addition, the distribution of the population represented, which was defined such factors as a year of birth, a place of the residence and a gender.

Keywords: the Great Patriotic War, Komi ASSR, demographic structure, age groups, cohorts.

**ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОГРАФИЯ / СОВРЕМЕННЫЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
APPLIED DEMOGRAPHY / CONTEMPORARY DEMOGRAPHIC
PROBLEMS**

**Григоричев К.В. (Иркутск)
Изменение возрастной модели рождаемости в Иркутской
области: субрегиональный анализ**

В статье рассматривается специфика изменений возрастной модели рождаемости в Иркутской области в 2000-2015 годы на субрегиональном уровне. Исследуется динамика возрастных коэффициентов рождаемости в сельских и городских муниципальных районах. Автор приходит к выводу о том, что демографическая политика в рассматриваемый период привела к повышению

рождаемости только в сельской местности. В городском населении, обеспечивающим основную часть рождений, сохранение высокого уровня рождаемости связано с изменениями структуры населения и возрастной модели рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, фертильность, возрастная модель, субрегиональный уровень, Иркутская область.

Grigoriev K.V. (Irkutsk)

**Changing of the Fertility Age Model in the Irkutsk Region:
Sub-Regional Analyses**

The article deals with the specifics of changes in the age patterns of fertility in the Irkutsk region during 2000-2015 on sub-regional level. The dynamics of age-specific fertility rates in rural and urban municipalities are explored. The author concludes that the demographic policy in this period resulted in an increase in the birth rate only in rural areas. High birth rate in urban areas, which provide the bulk of the births, determined by changes in population structure and age model of birth rate.

Keywords: fertility, age model, sub-regional level, Irkutsk region.

Лукичева Л. Ю., Прокопенко С. А. (Ульяновск)

**Кластерный анализ демографических субмоделей
на территории Ульяновской области в XXI веке**

В статье предпринята попытка выделить путём кластерного анализа демографические субмодели на территории Ульяновской области. Используются данные переписи 2010 года.

Ключевые слова: Ульяновская область, демографические субмодели, перепись 2010 г., кластерный анализ, А. Эйрас Роэль.

Lukichyova L.Yu., Prokopenko S.A. (Ulyanovsk)

**The Cluster Analysis of Demographic Submodels in the Territory
the Ulyanovsk Region in the XXI Century**

The authors try to identify with the help of cluster analysis of demographic sub-models in the Ulyanovsk region (according to the Census of 2010).

Keywords: Ulyanovsk region, demographic sub-models, Census of 2010, cluster analysis, A. Eiras Roel.

**Спанкулова Л.С., Конырбай А.
(Алматы, Республика Казахстан)
Рождаемость: экономические интересы
государства и личности**

Анализ влияния материнского капитала и детского пособия на мотивацию родительства в семьях Казахстана, Киргизии и Узбекистана.

Ключевые слова: феминистская антропология, материнский капитал, пронатализм.

**Spankulova L.S., Konyrbay A. (Almaty, Kazakhstan)
Birth Rate: Economic Interests of the State and Personality**

Analysis of the impact of maternal fund and child allowances on the motivation of parenting among families in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan.

Keywords: feminist anthropology, maternity fund, pronatalism, birth rate.

**Грицай Л.А. (Рязань)
Изучение ориентаций на родительство современной
молодёжи в свете демографических проблем России
начала XXI века**

Автор анализирует отношение молодых людей в возрасте от 20 до 26 лет к созданию официальной семьи и к появлению детей. На базе социологического опроса, проведённого в ЦФО РФ, выявляет наиболее частые препятствия для создания многодетных семей.

Ключевые слова: социальные связи, семья, дети, родительство, демографический кризис.

**Gritsay L.A. (Ryazan)
Study of Orientations to Parenthood among the Youth in
Keeping with Demographic Problems of Russia
in the Early XXI Century**

The author analyzes the relation of young people (aged 20-26 years) to creation of an official (civil) family and to appearance of childrens. Based on a sociological survey conducted in the Central Federal District, reveals the most frequent obstacles to the establishment of official families.

Keywords: social relationships, family, children, parenthood, demographic crisis.

Данилова Е.Н. (Иркутск)

Эффективность функционирования института социальной работы в условиях городской и сельской местности

Сфера оказания социальных услуг населению на сегодня одна из самых перспективных, активно развивающихся, но в то же время проблемных отраслей российской инфраструктуры. В статье рассматривается культурно-исторический аспект формирования некоммерческого сектора сферы социальных услуг в России на примере Иркутской области.

Ключевые слова: эффективность, социальный институт, сфера социального обслуживания, городская местность.

Danilova E.N. (Irkutsk)

The Efficiency of the Institute of Social Ensuring in Urban and Rural Areas

Today field of the social services is one of the most promising, fast growing, but at the same time trouble sector of the Russian infrastructure. This article explores the cultural and historical aspect of the establishment of the field of the social services (nonprofit sector) in Russia on an example of the Irkutsk region.

Keywords: efficiency, social institute, field of the social services, urban areas.

Еремин А.А., Тарасова Е.В. (Барнаул)

Демографический атлас городских округов и муниципальных районов Алтайского края как механизм мониторинга региональной политики

Статья посвящена использованию картографических методов и созданных с их помощью демографических атласов в системе мониторинга региональной политики. Рассмотрен опыт создания демографического атласа городских округов и муниципальных районов Алтайского края, проведён анализ методических особенностей мониторинга демографических процессов в разрезе муниципальных образований.

Ключевые слова: демографический атлас, региональная политика, мониторинг, муниципальные образования, Алтайский край.

Eremin A.A., Tarasova E.V. (Barnaul)

Demographic Atlas of the Urban Districts and Municipal Areas of the Altai Region as the Mechanism of the Regional Monitoring

Article deals to the use of the cartographical methods and demographic atlases created with their help in the system of the regional monitoring. The article represents the experience of creation of the demographic atlas of the city districts and municipalities in the Altai region and the analysis of the methodical peculiarities of the demographic processes monitoring in terms of municipalities.

Keywords: demographic atlas, regional policy, monitoring, municipalities, Altai region.

**МИГРАЦИИ
MIGRATIONS**

Аргудяева Ю. В. (Владивосток)

Эмиграция приморских старообрядцев в Китай, Южную Америку и реэмиграция их потомков в Приморье

Автор показывает причины эмиграции приморских старообрядцев в Северо-Восточный Китай и Южную Америку. Статья содержит краткую историю реэмиграции их потомков в Приморье.

Ключевые слова: старообрядцы, эмиграция, реэмиграция, Приморье, Северо-Восточный Китай, Южная Америка.

Argudyaeva Y.V. (Vladivostok)

Emigration of Old Believers from the Primorye to China, South America and Reemigration of their Posterity to the Motherland

The author analyzes the reasons of emigration of old believers to northeast China and South America. The article contain a brief history of current reemigration to Primorye.

Keywords: old believers, emigration, reemigration, Primorye, northeast China, South America.

Дятлов В.И. (Иркутск)

«Чайнатаун» в современной России: роль в миграционных процессах и в их регулировании

Чайнатаун часто предстает как модель и орудие «демографической экспансии». На деле чайнатаунов в сибирских и дальневосточных городах пока нет. Возможное (но не обязательное) появление этого феномена уже не в виртуальном качестве сформирует новую и весьма специфическую часть городского пространства, вызовет нарушение прежде сложившегося равновесия, но обогатит город новыми ресурсами и новыми проблемами.

Ключевые слова: чайнатаун, китайская миграция, Россия, безопасность, развитие.

Dyatlov V.I. (Irkutsk)

«Chinatown» in New Russia: it's Role in Migration Processes and in their Regulation

Chinatown often appears as a model and a weapon of «demographic expansion». In reality, there are no Chinatowns in Siberian or Far Eastern towns yet. Possible (but not necessary) emerge of this phenomenon in reality will form new and quite specific part of the city space. It will disturb the balance and will enrich the city with both new sources and new problems.

Keywords: Chinatown, chinese migration, Russia, security, development.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абрамова Александра Николаевна (г. Краснодар) – магистрант Кубанского государственного университета.

2. Аргудяева Юлия Викторовна (г. Владивосток) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

3. Асфандиярова Алсу Анваровна (г. Краснодар) – кандидат исторических наук, доцент Кубанского института информационной защиты.

4. Безносова Наталья Павловна (г. Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН.

5. Биктимиров Нияз Миннахматович (г. Казань) – кандидат географических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета.

6. Габдрахманов Нияз Камилевич (г. Казань) – кандидат географических наук, старший преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета.

7. Герасимова Елена Александровна (г. Тверь) – архивист 2-ой категории Государственного архива Тверской области.

8. Григоричев Константин Вадимович (г. Иркутск) – доктор социологических наук, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета.

9. Грицай Людмила Александровна (г. Рязань) – кандидат педагогических наук, доцент Рязанского заочного института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет культуры и искусств».

10. Данилова Евгения Николаевна (г. Иркутск) – аспирант Байкальского государственного университета экономики и права.

11. Дятлов Виктор Иннокентьевич (г. Иркутск) – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета.

12. Ерёмин Алексей Алексеевич (г. Барнаул) – кандидат географических наук, доцент Алтайского государственного университета.

13. Инкижекова Мария Сергеевна (г. Владивосток) – доктор философских наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

14. Исупов Владимир Анатольевич (г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, член бюро Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии.

15. Кенжебаев Даулет Ануарбекулы (г. Астана, Республика Казахстан) – докторант Национального университета обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации.

16. Кобзев Александр Викторович (г. Ульяновск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н. М. Карамзина, доцент кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова.

17. Коновалова Ирина Геннадиевна (г. Москва) – член-корреспондент РАН РФ, заместитель директора Института всеобщей истории РАН.

18. Конырбай Адилет (г. Алматы, Республика Казахстан) – докторант PhD ИВ КН МОН РК КазНУ им. Аль-Фараби.

19. Кутаков Сергей Сергеевич (г. Тверь) – магистрант Тверского государственного университета.

20. Лукичева Любовь Юрьевна (г. Ульяновск) – младший научный сотрудник НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина.

21. Мельников Юрий Николаевич (г. Ульяновск) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина.

22. Мифтякова Эльмира Фиргатовна (г. Ульяновск) – аспирант Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

23. Овечкина Наталья Ивановна (г. Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления.

24. Полевая Анна Владимировна (г. Тверь) – студент IV курса направления «История» Тверского государственного университета.

25. Прокопенко Сергей Алексеевич (г. Ульяновск) – доктор исторических наук, директор НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина.

26. Савинова Анна Игоревна (г. Тверь) – студент IV курса направления «История» Тверского государственного университета.

27. Спанкулова Лазат Сейткажиевна (г. Алматы, республика Казахстан) – доктор экономических наук, профессор университета Алматы.

28. Степанова Юлия Владимировна (г. Тверь) – кандидат исторических наук, доцент Тверского государственного университета.

29. Тарасова Елена Владимировна (г. Барнаул) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Алтайского государственного университета.

30. Федоров Владимир Николаевич (г. Ульяновск) – кандидат географических наук, декан естественно-географического факультета Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова

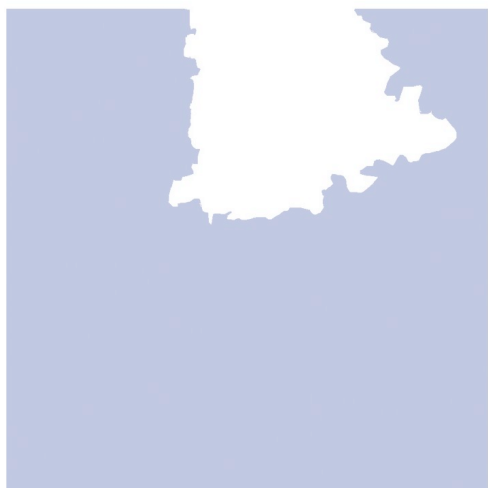
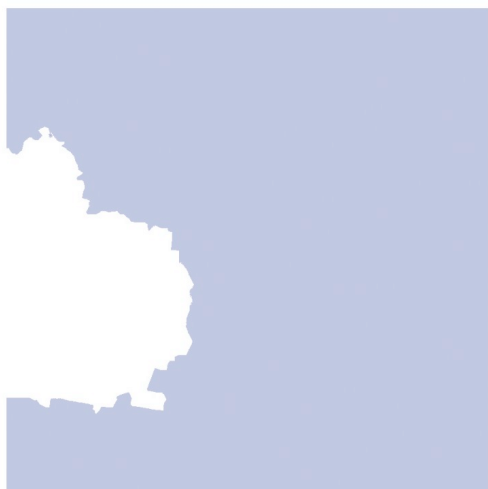
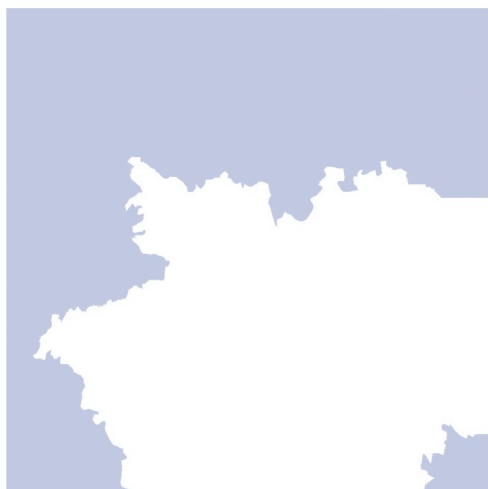
31. Ханхараев Виктор Сафронович (г. Улан-Удэ) – кандидат исторических наук, доцент Бурятского государственного университета.

32. Чаплыгина Ольга Георгиевна (г. Курск) – кандидат географических наук, доцент Курского государственного университета.

33. Чернышева Наталья Викторовна (г. Киров) – кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета.

34. Шафиров Андрей Владимирович (г. Ульяновск) – младший научный сотрудник НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н. М. Карамзина, аспирант кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

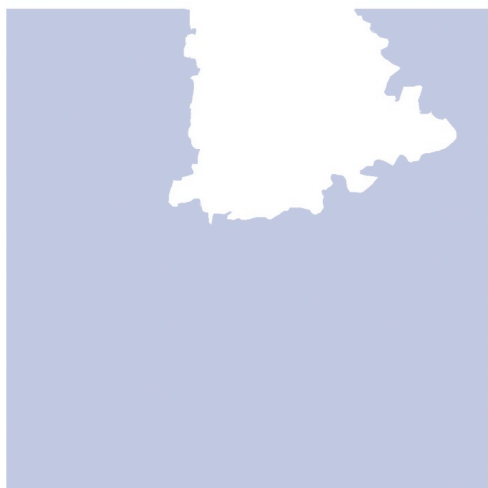
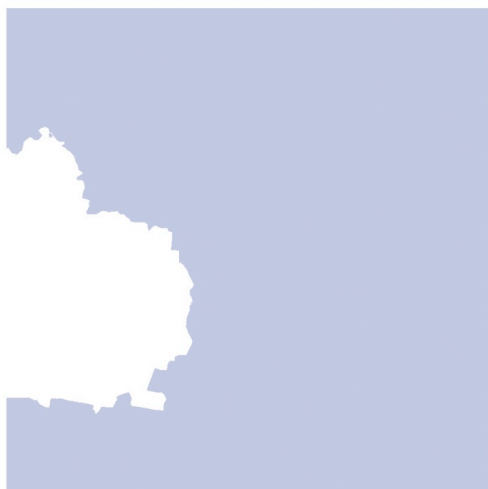
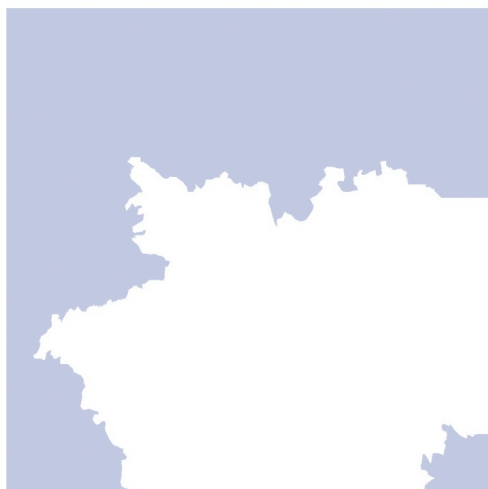
35. Шумилов Евгений Николаевич (г. Пермь) – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

НИИ

истории и культуры

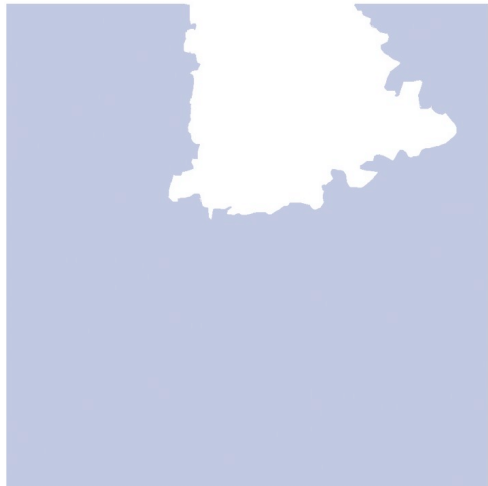
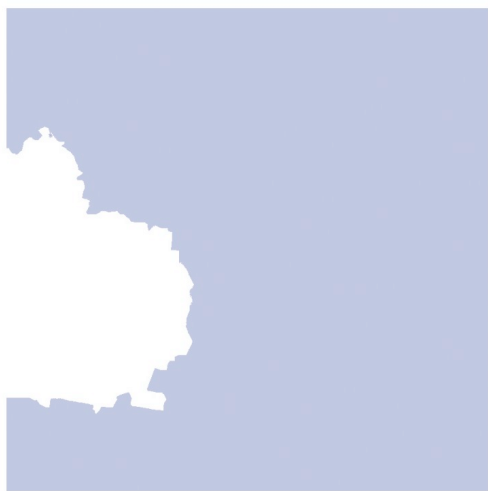
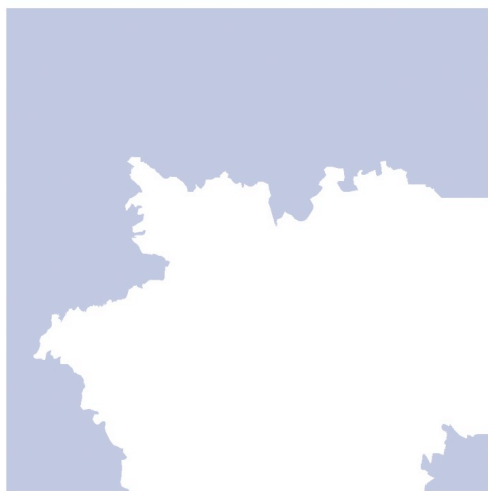
имени Н.М. Карамзина

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

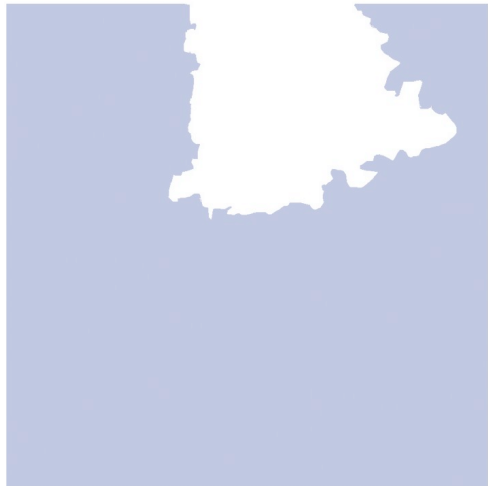
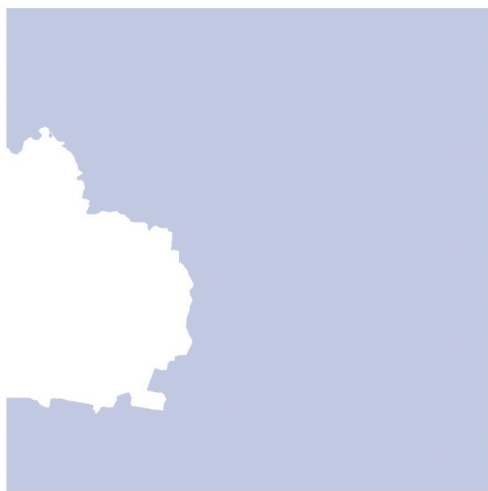
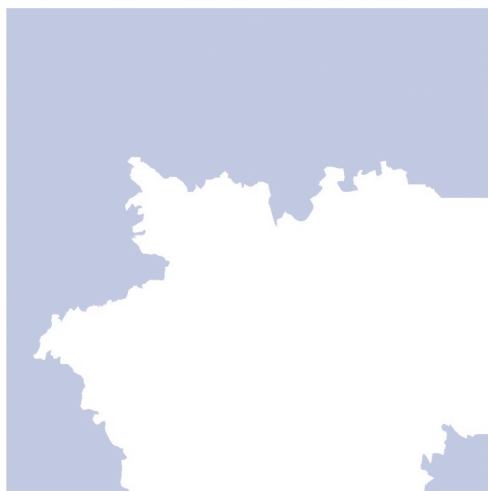

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

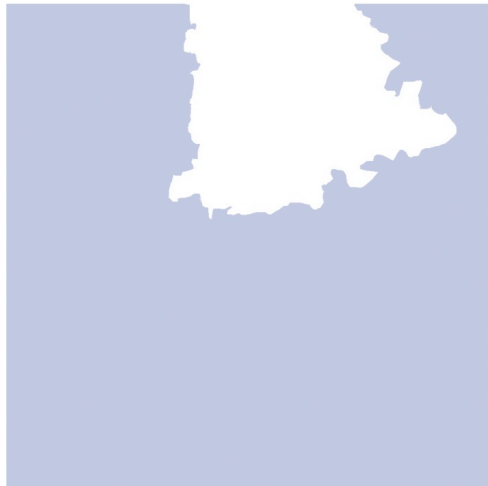
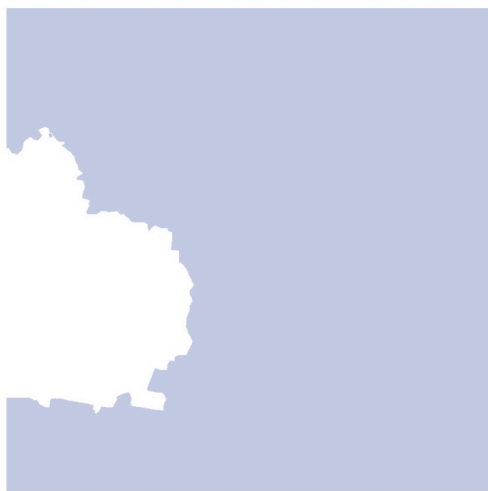
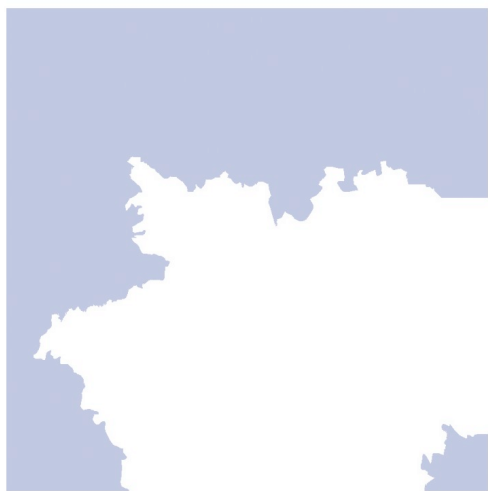

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина